

СКЕЛЕТЫ В ШКАФУ НИКОГДА НЕ ВРУТ

· ВАДИМ "LETROZ" СМОЛЬСКИЙ

Живёт в городе Власва удивительный человек по имени Рентан. Он далеко не молод, очень умён, хорошо воспитан и образован, знаменит познаниями в медицине, но у него нет семьи, а любовь его, кажется, вовсе не интересует. Причины этого не вытянешь из именитого лекаря и под пытками. Рентан вообще не любит говорить о днях былых.

Однако от прошлого не уйдёшь и не спрячешься. Прошлое — это никогда не врущий скелет в шкафу, который всегда при тебе. И рано или поздно каждый скелет оказывается в центре внимания. Начинается это всегда с какой-нибудь мелочи. Так случилось и в тот раз.

Скелеты в шкафу никогда не врут

Местные обычаи

— Тп-п-пру! Куда! А ну стой! Ну я вас!!! — прикрикнул, а затем и присвистнул Римпан, одёргивая поводья, стараясь успокоить и остановиться вошедших в раж лошадей. — Фух, всё, мастер-лекарь, можете слезать. Да не бойтесь, они уже успокоились!

Его пассажир, к которому он обратился, взирающий на всю эту сцену с немым укором, неуверенно выждал несколько мгновений, убеждаясь, что пара жеребцов запряжённых в совсем не новую бричку, и вправду успокоились.

— Это ж надо было утром так опростоволоситься! — принялся объясняться возница, попутно помогая своему пассажиру с поклажей. — Представляете, прихожу в конюшню — у меня ж своих коняшек нетуть — а там... как ураган прошёлся.

— Ураган? — вскинул бровь немолодой мужчина, чей возраст безнадёжно выдавали припорошенные сединой чёрные волосы.

— Бароновы люди. Ночью, видите ли, явились и всех хороших жеребцов да кобылок с собой увели. По делам каким-то.

— А тебе остались эти?

Пассажир молча посмотрел на двух жеребцов. Один был старый и заметно прихрамывал, к тому же откровенно пованивал. Второй, напротив, был слишком молод, горяч и вообще было не до конца ясно, как он позволил себя запрячь.

— Угумс. Весь день с ними буду сражаться... — понуро заметил Римпан и, как бы извиняясь, начал: — мастер Рентан, я пойму, если вы...

Тот отмахнулся и как бы в шутку заметил:

— Судя по твоему рассказу, сейчас найти извозчика с приличными лошадьми будет большой удачей. Так что предпочту остаться при своём. Ещё неизвестно, может ли быть лучше. — Лекарь выразительно посмотрел на придорожный трактир, возле которого они остановились, и добавил: — Мы здесь часа на два, поэтому...

— Угу, понял вас! Спасибо! — Римпан аж засиял от оказанного ему доверия.

Рентан вежливо улыбнулся и, взяв увесистый саквояж, уверенно направился в сторону трактира «У Вицлава». В каком-то смысле это было уникальное заведение. Едва ли не единственное в своём роде. Ведь владельца трактира взаправду звали Вицлав.

Он, видно, услышав шум, уже ждал лекаря на пороге, сияясь выглядеть радостным, хотя было понятно с полувзгляда, что это не более чем паршивая актёрская игра. Не мог быть скорый вызов, да ещё в такую пору, радостным событием. Впрочем, для профессии Рентана иное являлось ещё большим исключением из правил, чем имена с вывесок, совпадающих с именами владельцев их заведений.

Не успел лекарь ступить и пяти шагов, как налетел ветер. Холодный, порывистый, с первыми опавшими листьями и придорожной пылью. Первый предвестник осени, которая уже понемногу воцарялась, хотя пока это ещё было совсем незаметно, особенно для жителя города. А вот для деревенских осень началась вместе со сбором урожая и всеми сопутствующими трагедиями.

— Идите сюда, мастер, скорее! А то опять налетит! — крикнул Вицлав, которого от ветра защищала массивная дверь. — Второй день дует как будто сдуть хочет!

— Я не опоздал? — поинтересовался Рентан, отряхивая одежду, чересчур тёплую для города, но вот за его пределами оказавшуюся в самый раз.

— Нет, конечно, нет, — решительно заявил трактирщик, уже успев зайти внутрь. — Вы, мастер, как и всегда в самый раз.

Прежде чем последовать за ним, лекарь бросил короткий взгляд в небольшое бронзовое, очень хорошо начищенное зеркальце аккуратно за дверьми. Это была то ли дань древнему суеверию, дескать, тёмные силы боялись своих отражений, то ли хорошим тоном по отношению к посетителям трактира.

Из зеркала на Рентана смотрел усталый мужчина, с которым он очень не любил пересекаться взглядами. Отрешенное, лишенное всяких эмоций лицо, тонкие губы, несколько морщинок, щетина, которую следовало бы сбрить ещё этим утром, но которая окажется на месте и завтра. Сбрить её следовало не из-за того, что она была некрасивой, а просто потому, что первой капитулировала перед сединой.

Рентан зашёл в трактир, предварительно ещё раз оправив и отряхнув одежду. Она была куда более скромная, чем мог позволить себе человек, которого знала половина Власвы и её округи, и значительно более скромная, чем позволяли себе люди, также, по невероятному заблуждению, причисляющие себя к числу лекарей.

Заведение Вицлава, что ни говори, было образцовым. Как и всегда. Сразу было видно, что на отделку помещения не только потратили значительные суммы денег, но и делалось это с душой, вкусом и определенным стилем. Шкуры, рисунки, рога, резные фигурки из дерева и кости, пара декоративных мечей, несколько дорогущих ковров с причудливыми узорами, привезенных из-за самой Великой пустыни. За одним вдумчивым разглядыванием всего этого многообразия можно было провести не один вечер.

Этому очень способствовало освещение, что называется, «в самый раз» — не светло, но и не настолько темно, чтобы видеть исключительно себя и свою тарелку. Обеспечивали это несколько массивных кристаллов, как будто выросших из потолка. Рентан не очень хорошо разбирался в различных магических штучках, но это определённо было нечто из их числа.

Кроме того, определённую долю света давал и уютно потрескивающий большой очаг, украшенный пучками ароматных трав — своеобразное сердце заведения, вокруг которого строилась вся его внутренняя компоновка. Понять общую задумку оказалось несложно — именно по мере близости к источнику тепла ранжировались места в трактире.

Как это ни странно, самыми лучшими считались не те, что располагались ближе всего — здесь всегда было слишком жарко и душно, даже в самый суровый холод; и тем более не те, находящиеся слишком уж далеко — эти, напротив, мёрзли едва ли не круглогодично. Наиболее дорогими считались столы примерно по центру помещения. Их выделяло не только выгодное расположение по отношению к теплу, но и обособленность от остальных, близость трактирщика и его помощниц, которые всегда крутились где-то рядом, а также вполне приличное убранство, включавшее в себя скатерти, резные деревянные тарелки, бокалы и даже металлические столовые приборы.

Вот так просто сесть за один из таких столиков не выйдет даже сейчас, когда заведение стояло полупустым. Все эти места предназначались той категории гостей, которая не станет воровать столовые приборы, блевать или иным образом позорить себя и заведение. Впрочем, лекарь и не пытался. Дело прежде всего, об остальном можно будет подумать после.

Вицлав уже каким-то невероятным образом успел пересечь всё помещение и теперь ожидал Рентана возле крохотной двери. Сам трактирщик представлял из себя печальные руины некогда славившегося силой и красотой человека. Уже давно немолодой, с неровной неопрятной бородой, которая, как и просторный фартук, безуспешно пыталась скрыть

лишний вес. На его одежде, невзрачной и заношенной, прочно отпечатались следы жира на внушительных боках, куда он любил упирать руки во время разговоров. Здесь, при свете магических ламп, особенно было заметно, как сильно он обеспокоен. Впрочем, какой-то загадки из этого Вицлав не делал.

— Месяц только начался, а уже хуже той чумы! — воскликнул он в сердцах. — Каждый год, вот Двенадцать мне в свидетели, каждый год, одно и то же: как заканчивается сбор урожая, так на мою голову сыплются несчастья! Одно за другим! — трактирщик принялся загибать сарделькообразные пальцы. — Торгаши ломают цену. Знают — свежий урожай и полежит немного, а цены поднимутся, да и старое распродать им за милую душу! Вот буквально давеча заказывал десяток бочонков свежего яблочного вина. Содрали с меня как за пятнадцать! Ну ладно, думал, коль так, то будет из молодых яблок, этого года. Привезли-и, мать чесна! Горький, пенится, а что с людьми творит — даже говорить не буду!

— Это из-за него я тут? — не слишком удачно пошутил Рентан.

Вицлав даже не улыбнулся. Впрочем, за издёвку сказанное он тоже не принял. Трактирщик определённо был слегка не в себе и потому не очень хорошо владел собой и своими эмоциональными порывами. Словно позабыв, зачем пригласил лекаря, принялся рассказывать:

— Не-е-ет, куда там! — Вицлав махнул пухлой рукой. — Проклятый месяц, говорю вам! Девки мои, что кухонные, что те, которые здесь в зале помогают, и раньше отпрашивались. Отпускал, конечно, что я, не понимаю? — половина ж деревенские, у всех семья, дом, урожай. А сегодня ночью явились, понимаешь, конные! Ко мне даже не сунулись, перед бабами тугим мешочком потрясли, так те и следом побежали, юбки приподняв! — Раздался тяжёлый вздох осуждения вкупе с крайней степенью отчаянья. — Так вот и осталось у меня на утро пятеро девиц! Пятеро, понимаете? А как вечер будет, что мне делать? На кухне минимум шесть надоть! Да и здесь как же мне одному-то?! Уж не мальчик на побегушках...

— Кхм-кхм, — вежливо откашлялся Рентан, надеясь тем самым подтолкнуть Вицлава в нужном, куда практичном направлении, но его истолковали несколько неправильно.

— Уж не знаю, мне господин молодой барон не докладывает, — трактирщик скривился. — Поди пирушку какую планирует, вот и хочет привести замок в порядок. Всю округу поднял на уши! Будете ехать, уважаемый, поспрашивайте: от Власвы до самого своего замка в каждом трактире побывали! Это ж надо такое учудить! Да будто этого мало, одна ночью ноги переломала — шлялась неизвестно где, а другая под утро с горячкой слегла! Ну разве так бывает, скажите?!

— Не бывает, — тщательно скрывая нетерпение ответил Рентан и заметил: — наверное, мне будет лучше их осмотреть, так?

— А? Точно, простите, мастер-лекарь, старика, совсем уже с этими невзгодами...

Смущённый Вицлав развернулся на месте и ловко протиснулся в дверцу за спиной, в которую, согласно законам физики и геометрии, никак не мог протиснуться по причинам больших объёмов. Рентан не без труда последовал за ним.

Дверь скрывала вытянутое помещение с закопченными от топления по чёрному стенами без окон и почти без убранства, с рядами очень старых, вечно скрипучих кроватей, разделенных ширмами. Здесь обитала прислуга — не ахти какое жильё, но, как знал лекарь из первых рук, трактирщик никогда не брал денег со своих подопечных и к тому же позволял кормиться с кухни.

— Ладно, вы тут того-этого, а я пойду, не буду над душой стоять, — смущённо сказал

Вицлав и быстренько ретировался.

Первой, — выбранной потому, что ничего серьёзнее осмотра не требовалось, — особой, представлявшей для Рентана интерес, оказалась не слишком привлекательная девушка по имени Аделина, явно из «кухонных», если судить по многочисленным ожогам на руках, предплечьях и даже лице. Это она переломала себе ноги, хотя на деле данная история оказалась драматическим преувеличением. Перелом был всего один и тот для молодого организма несерьезный. К тому же ногу сразу правильно зафиксировали.

Рентану здесь было делать нечего. Он лишь бегло перепроверил фиксацию сломанной ноги и дал советы касаясь лёгкого вывиха второй.

— Покой, хорошая еда, питьё, молитва Двенадцати, — спокойным до безразличия тоном перечислил лекарь.

Аделина, которая до этого лепетала, рассказывая, как именно её угораздило сломать ногу, бросилась благодарить, но вдруг осеклась:

— Ой, а я ведь имени вашего не знаю, мастер...

— Рентан, — натянуто улыбнувшись, представился лекарь.

Реакция последовала немного странная: девушка вроде улыбнулась, радуясь знакомству, но как-то неуверенно, неловко, даже смущённо.

— Что-то не так? — спросил лекарь, на чьё имя обычно реагировали несколько иначе.

Как правило, у него уточняли «тот ли самый Рентан», либо же интересовались происхождением этого нетипичного для местности слова.

— Эм, просто... наверное, это не моё дело... — несмотря на крайнюю степень смущения, Аделина продолжала давить из себя слова. — Просто мама всегда говорила, что у меня есть дар, и это вправду так. Я очень хорошо понимаю, то есть знаю, когда мне говорят неправду. Даже если говорю с человеком в первый раз. — Заметив растерянность на лице лекаря, она смутилась пуще прежнего. — Ой, простите! Мне не следовало...

— Ничего страшного, — пойманный на «горячем» Рентан выдавил из себя неискреннюю улыбку, — а теперь расскажи про свою подругу и что с ней приключилось...

К тому времени, когда возвратился Вицлав, гонимый беспокойством, Рентан как раз закончил осмотр Ксаны — второй девушки, подруги Аделины. Здесь ему тоже было нечего делать, но по другим причинам. «Горячка» оказалась совсем не горячкой.

— М-м-м-м, жар, судороги, слабость, рвота, — механически, по привычке перечислил лекарь, отвечая на ещё не заданный вопрос, и быстро добавил, уже обычным голосом: — если на то будет воля Двенадцати — выживет.

Не говоря лишнего, он перевернул бесчувственную девушку на бок и без лишнего пиетета, сдвинув вниз платье, указал на красную точку близ белёсой как мрамор лопатки.

— Скажи своим девицам лучше выбирать сеновалы. Хотя бы без клещей.

— У неё пенка, что ли? — догадался Вицлав, вытаращив глаза.

— Скорее всего, — пожал плечами Рентан и, обратив взгляд на Аделину, уточнил: — жаловалась на свет, воду?

— Нет, мастер. Только на жар и слабость, с самого утра, — подумав, ответила девушка. — Ну и кости у неё ломить вдруг стало вроде бы. Ещё вчера.

— Такое тоже бывает, — кивая, совсем не удивился лекарь.

— И что делать? — опустив руки с боков, спросил трактирщик.

— Молиться Двенадцати, — вполне серьёзно ответил Рентан и, видя, что его не поняли, добавил: — она теперь в их власти. Девка молодая, в теле. Может, и выживет. Но я бы не

рассчитывал, кхм, на её помощь в ближайшее время. — Лекарь поднял руку Ксаны, демонстрируя опухшие пальцы с начинающими чернеть ногтями. — Тело отвергает болезнь. Даже если выживет — потеряет чувствительность. В лучшем случае.

Вицлав в ответ шумно выдохнул и, отодвинув ширму, присел на одну из соседних кроватей, и, схватившись за голову, принялся причитать:

— Как же так? Ксана, не смотри что гулящая, с кем не бывает, толковая девица, на кухне вовсе лучшая. Мне и заменить теперь её некем!

Рентан с укором посмотрел на него, помолчал немного, раздумывая, стоит ли говорить подобное, и всё же сказал:

— Если она такая толковая, что ж ты ей по сеновалам позволяешь гулять?

Трактирщик не оскорбился и не обиделся, хотя имел на то полное право. Просто заметил очень тихо:

— Сразу видно, что у тебя детей-то и нет. Ксане ж только в этом году семнадцать стукнуло! Подросток! Я ей что ни скажу, всё делает наоборот! Иногда, вот видят Двенадцать, как назло мне! — Вицлав тяжело вздохнул. — А когда нашёл её — здесь, прямо возле стены, уж девять лет как минуло, стало быть, такая лапочка была. Не смотри что голодная, грязная и оборванная! Послушная, любезная, добрая... всё делала как скажу, слово в слово!

— Дети, не все, конечно, имеют плохую моду вырастать, — криво усмехаясь, заметил лекарь многозначительно.

Уложив девушку обратно и накрыв её одеялом, он повернулся к трактирщику и без лишних слов сунул тому крошечный, едва ли больше фаланги мизинца пузырьёк. Хотя он был плотно закупорен, всё равно источал сильный, отдававший горечью запах. Вздрогнув, Вицлав тихо, так, чтобы Аделина не слышала, спросил:

— Когда это ей дать?

— Когда голову задерёт, — коротко ответил Рентан и, подобрав свой саквояж, направился на выход. — Чтоб хоть... ушла спокойно.

— Ты забыл... — начал трактирщик, но остановился от резкого взмаха руки лекаря.

— Я деньги беру за лечение. Здесь мне лечить некого. Выживет, — он многозначительно вздохнул, — вернёшь болиголов. Ну и Двенадцати воздашь полагающееся за их работу.

Больше ничего не говоря и не прощаясь, он ушёл. Вицлав же, мало заботясь о делах трактирных, пересел на кровать Ксаны и погладил красивые карие кудри девушки.

— С ней же всё будет в порядке, правда? — подала голос Аделина.

— Конечно, — отрешённо ответил трактирщик механически вытерев слюни с лица своей помощницы. — Боги милостивы: они помогали ей раньше, помогут и сейчас.

Он говорил это, а сам смотрел на молодое, красивое лицо перед собой. Его уже начала искажать странная, неестественная, пугающая гримаса. Пенка не была такой уж редкостью в их краях, только забирала, как правило, охотников, лесорубов или грибников, а не кухарок.

— Я-я... буду молиться Малакмору за неё не прекращая! — будто это что-то значило, пообещала Аделина. — И если надо могу...

— Лежи, выздоравливай, — успокоил её Вицлав, поднимаясь на ноги. — Кликнешь меня, если с ней, — он кивнул на Ксану, — случится чего.

Закупорив опустевший пузырьёк и вытерев руки о фартук, трактирщик, хмурясь и пытаясь вспомнить, есть ли у Ксаны близкие, поковылял обратно в общий зал.

«Малакмор легко даёт в долг, но просрочек не прощает», — вспомнил поговорку про

бога жизни и смерти Вицлав, перед тем как встряхнуть головой, отгоняя мрачные мысли, и вернуться к работе.

Хозяин трактира, особенно такого крупного, не должен быть угрюм и мрачен. Это к нему приходят угрюмые и мрачные люди, жаждущие, чтобы их накормили и развеселили.

Сощурившись от яркого солнца в зените, Рентан, побрёл к ожидавшему его в бричке Римпану, от которого пахло пивом. Видно, возница не смог удержаться и тоже заглянул к Вицлаву. Винить его в этом было сложно.

— Быстро вы, мастер, — окликнул его беззаботный возница. — Легкая работа?

— Нет, — коротко буркнул лекарь, садясь рядом. — Теперь в Вороново.

— Так что там случилось-то? Вицлав тот аж не в себе.

— Пенка, — коротко и многозначительно ответил лекарь.

— Тьфу! — сплюнул Римпан, потрясая вожжами. — Малакморова дрянь!

— Нельзя так про бога, — остудил его пыл Рентан. — Все в его власти. Нравится тебе это или нет.

— А как же иначе-то, мастер? Пенка брата моего три года назад унесла, а ещё ранее, уж не помню в каком году, дядьку изъела!

Бричка тем временем выехала на большую дорогу. Здесь ей компанию составляли гружённые телеги и редкие пешие путники. Римпан замедлился — было видно, что он совсем не уверен не только в своих конях, но и в дороге.

— Караван проходил, кран тащили или что-то такое тяжелое! Теперь месяц не погоняешь! — с горечью сообщил возница, сплюнув в сторону. — А накануне как раз дожди были. Вот совпало так совпало!

Потянулись редкие, уже опустевшие поля. Здесь, в окружении лесов и болот, урожай всегда собирали в первую очередь, по печальному опыту зная, что первый же осенний мороз и влага погубят его без остатка.

— Малакмор не забирает людей забавы ради, — немного подумав, продолжил дискуссию Рентан. — Он жизнь нам даёт, а когда она иссякает — уводит с собой. Но что будет между этим только в нашей власти. Пенку ту зверьё разносит, клещи в том числе. Перед Двенадцатым они не отчитываются.

— А разве не он решает, кого пенка съест, мастер? — удивился возница.

— Может, и он, а может, иной из богов, — неуверенно ответил лекарь. — А может, поиному всё: сама болезнь по-разному идёт, в зависимости от силы того, в чём организме очутилась. Я думаю так: если следишь за собой, то и зараза тебя не возьмёт. Гниль собираешь — так нечего на богов пенять.

— Ух, — возница растерянно почесал кучерявые волосы цвета созревшей пшеницы, похоже, не слишком многое поняв из сказанного. — Так вы, стало быть, мастер, при храме делу своему учились? Столько про богов знаете, да и вообще.

Рентан не впервые оказывался пассажиром у Римпана. Он ещё и в первый раз заметил этого юношу, отличавшегося не только профессиональной страстью к разговорам на любые темы, но каким-никаким умом вкупе с сообразительностью. Лекарь всегда платил щедро, тем самым покупая себе право молчать и не вступать в пустопорожние беседы о политике, любви, прихотях судьбы и прочих глупостях. Однако в этот раз всё же

решил поговорить. Не в последнюю очередь потому, что понимал: этот возница, может, и не поймёт всё сказанное, но хотя бы услышит и, возможно, задумается.

— Нет, — не вдаваясь в подробности, сказал Рентан, рефлекторно касаясь значка Двенадцати, что всегда носил с собой. — Но там, где меня ремеслу обучали, нужно клятву одному из богов давать. А перед тем изучить священные тексты.

— Как рыцарю, стало быть? Покровителя выбрать?

— Можно и так сказать. — Бричка вдруг подпрыгнула, наехав на камень. — Не гони так! Сам видишь, дорога какая!

— Я вас лечебному делу не учу, мастер, — с обидой заметил Римпан. — Здесь всегда так, особенно если после дождей. Пока поворот на баронов замок не проедем, будут и ухабы, и камни.

Речь шла про замок Цувалки, расположенный севернее, у изгиба реки Власвы, и заодно единственного моста через неё на многие километры вокруг. Именно туда на другой берег и направлялись многочисленные телеги и путники. Путь же Рентана лежал тоже на север, но в другом направлении.

Там, среди бескрайних еловых чащоб, связанных узкой грунтовой дорогой, пряталось от большого мира множество небольших местечек, кормящихся, хотя вернее было сказать, выживающих за счёт леса. Пройдёт совсем немного времени, и дожди, а за ними и снег, отрежут их от «большого» мира по меньшей мере на два-три месяца.

Про эти места ходили самые разные слухи. Рентан слышал огромное множество из них. Римпан наверняка и того больше. Дескать, народ тут живёт не простой, а самые что ни на есть каннибалы — иначе бы не выжили. Да ещё и еретики к тому же, людей в жертвы приносящие. Когда путника, а когда и кого-то из «своих».

Звучало как страшилки, но лекарь знал всю, как ему казалось, подноготную этих историй, хотя и сидел демонстративно спокойный и невозмутимый. В отличие от возницы.

— Не часто сюда ездешь, да? — после долгой паузы продолжил беседу Рентан, наблюдая за тем, как в движениях Римпана, проявляется заметная нервозность человека, который хорошо знает, каково это, когда тебя грабят.

— Да не сказал бы, мастер, — уклончиво ответил Римпан, явно не желавший признаться в своей неосведомленности. — Дебри лесные, что тут городскому люду делать?

— Знаю алхимиков, которые бы сюда каждый день мотались, было б время.

— Так то ж алхимики! Они сюда за своими травами ездят, леса ведь! — усмехнулся возница, указывая на высившиеся вокруг деревья, мерно качающиеся на ветру. — Им моей брички-то маловато будет.

— Ну а местные?

— Эти или на своих, или вообще пешком, — нехотя рассказал возница. — Вроде как.

— С тобой не ездят, стало быть? — догадался Рентан.

— Было однажды, до поворота того. Странная история! — припомнил Римпан, махнув рукой против движения. — Не поверите: я как-то одного деда здешнего хотел подвезти, пустой шёл, да и по пути нам было, денег почти и не просил — а он, кажется, даже меня не понял! Идёт такой с палкой кривой и тюком каким-то, меня будто и не слышит! А как услышал, посмотрел косо и буркнул что-то вроде: «скверно помрёшь!». Незнакомому человеку, представляете?! С год тому это было или даже больше. Пока не помер, хе-хе.

— Хе, — скупое усмехнулся лекарь. — Кажется, я знаю того деда. Ты сказал с палкой, да? В шубах, даже летом, верно?

— Кажись он! Знаете такого?

— Угу. Гедрюсом его зовут. Знахарь местный. Якобы, — лекарь скривился. — Как ещё на костёр не попал — не понятно. Видно, церковным охотникам на еретиков сюда лень ехать.

— Вы, стало быть, тоже слышали эти истории, что они, дескать, все здесь еретики-поганцы? — искренне удивился возница.

— Слышал, да и видел тоже, — с усмешкой ответил Рентан. — Гедрюс тот Тринадцатому служит, знаки Отвергнутого открыто носит, среди своих, во всяком случае. Остальные, думается мне, ему же поклоняются. Паства и пастух.

— А чего ж тогда не доложите на еретика, мастер? — удивился возница. — Вы-то уж к церковникам вхожи!

— Я тебя людей возить не учу, — вернул фразочку лекарь. — Моя работа не за еретиками бегать, — он отмахнулся. — Коль хочет здешний люд вверить свою душу и тело во власть Отвергнутого — так сам себя накажет. Нет у таких людей будущего. Как на суд к богам попадут, так пропадут. В тьме изначальной сгинут без следа.

Сказав это, он умолк, решив, что сболтнул лишнего. Римпан мог оказаться слишком сообразительным и заметить, что такие речи совсем не свойственны выпускникам академий или университетов, а вот церковникам, или тем, кто учился у них — сколько угодно.

В Вороново их уже ждали. Деревенька была крупнейшей в этих краях — домов так на тридцать. Правда, стояли настолько порознь друг от друга, что иной город, где жило раз в сто больше людей, мог оказаться меньше по размерам.

Сами дома тоже сильно отличались от привычных глазу горожан вроде Рентана — низкие, утопленные в земле так, что только присыпанная дёрном крыша торчала. И построены они были исключительно из материала, распространенного в этих краях куда больше кирпича или камня — дерева. Труб и, соответственно, дыма не было. Здесь топили по-чёрному круглогодично.

Скот почти отсутствовал, а тот, который всё же имелся, жил вместе с людьми. Несмотря на близость леса и, соответственно, дров, обогревать отдельные помещения для животных по местным меркам считалось роскошью.

Осень здесь почти не ощущалась, но совсем не потому, что в этих краях лето подзадержалось дольше обычного. Скорее из-за сложного рельефа, обилия растительности, тени и влаги оно здесь так и не наступало по-настоящему, так как наступало в менее лесистой и холмистой местности. С самой весны и под конец осени погода в Воронова всегда стояла практически одинаковая: мокрый холод в тёмное время и палящий зной доходящий до духоты в светлое. Так было и сегодня.

Стоило бричке только показаться, как на дорогу толпой высыпал встревоженный чем-то люд. Рентан, хотя и постарался это скрыть, но всё равно удивился — обычно его здесь встречали несколько иначе.

— Беда, мастер-лекарь, — сразу же бросился к нему самый авторитетный из мужиков. — С нашим-то Гедрюсом беда приключилась!

— Сразу видно — староста, — незаметно для всех, кроме пассажира, нервно буркнул возница, недобро озираясь. — Все они всегда на одно лицо. Широкое, хе.

— Ведите, — показав Римпану, чтобы тот его ждал, скомандовал Рентан. На ходу он поинтересовался: — Что случилось-то?

Однако, не дождавшись ответа, вдруг остановился, вспомнив про спутника. Тот явно

был напуган происходящим и мог что-то вытворить. Не говоря уже про то, что здешний люд особого доверия не вызывал и в спокойном состоянии. А уж про благоразумие у встревоженной толпы и речи быть не могло.

— Там вон холмик есть, жди меня на нём, — указав в нужном направлении, посоветовал лекарь.

— А е-если... — дрожащим голосом попытался уточнить Римпан.

— Не если, всё будет в порядке, — успокоил его Рентан и тем не менее добавил: — с того холма всё Вороново видно, что чуть первым будешь в курсе происходящего.

Убедившись, что теперь-то возница не оставит его здесь, испугавшись неведомо чего, лекарь вернулся к старосте. Тот, хоть и перепуганный донельзя, как раз собрался с мыслями и был готов поведать, что же произошло.

— Бредит, чушь несёт! В жаре мечется! Со вчера началось, — рассказал он.

С Алждисом, именно так звали старосту, Рентан сталкивался не в первый раз. Мужик это был хоть и невзрачный внешне, но ушлый и скорый на язык. Совсем недаром именно он общался со всеми заезжими.

— И всё? — лекарь сразу уловил, что рассказ, мягко говоря, не полон.

— Эм, ну... — староста нервно сглотнул, прежде чем продолжить. — Ритуал осенний проводили. Ежегодный.

— Что за ритуал? — предчувствуя худшее, уточнил Рентан.

Все ритуалы, связанные со сбором урожая, которые лекарь знал, если чем и могли навредить людям, так это обжорством, пьянством и блудом. Впрочем, речь шла не про простых прихожан церкви Двенадцати, поэтому можно было ожидать чего угодно.

— Дар нашему богу надобно преподнести, — мрачный, как туча, рассказал Алждис и попытался изобразить улыбку. — Ну, вы знаете, нашенские тутошние обычаи. Так этомо в первые дни осени надо...

— Вот как, — выразительно хмыкнув, перебил Рентан. — Что за дар?

— Да всякое разное. Кто-то шкурку кошачью кинет, кто копытце козы, некоторые зерно носят.

Лекарь, слушая это, старался как мог держать себя в руках. Его откровенно водили за нос, пытаясь прикрыть неприятную правду. Боги жертвы себе одобряли, но сугубо фигуральные, символические. Такие, о которых даже упоминать никто бы не стал. А вот Отвергнутому приносили куда более значимые, с точки зрения ритуалов, вещи: например, животных, зерно и не только.

— Кровь, так? Человеческую, конечно же?

— Кровь тоже в почёте... — замялся пойманный на лжи Алждис. — Так дело не в дарах! Не в кровинушке нашей! — он тяжело вздохнул. — В этом году Гедрюс сказал зверя ловить. Дескать, большая беда идёт, а значит, большой дар надоть. Так зверь тот гнилым оказался!

— Зверь? Гнилым? — пропустив мимо ушей часть про беду, удивился Рентан. — Подробнее.

— Дык, утром вчера как раз оленя загнали — хороший олень, сильный. Такой... — Глаза старосты забегали, он явно чуть было не сказал лишнего. — Кхм, богу нашему очень нравятся такие подношения. Всегда хорошую зиму нам дарил и...

— Так что с оленем? — нетерпеливо прервал его причитания лекарь.

— Гнилой! Загнали, закололи, хотели кровь слить — а там гной! И внутри! Ни кишок,

ни сердца — гной, черви, и мухи! Только шкура целая! Как у чучела того!

В такое верилось слабо, однако, судя по неподдельному ужасу на лице Алждиса, он говорил вполне искренне.

— Где этот олень?

— Сожгли, мастер-лекарь. Чистая правда. Гедрюс так сказал сделать, мол, дар покровителю нашему не понравился. А как сожгли мерзость ту, так ему, Гедрюсу-то, плохо и стало!

— Кому ещё плохо стало? Из тех, кто охотился или сжигал?

— Так... вроде никому. А сжигали мы втроём: я, Гедрюс да парашника тут один.

По лукавому тону старосты лекарь понял, что речь идёт не совсем про постороннего человека. Скорее всего, про сына или зятя.

— Я к Гедрюсу, а ты пока за парнишкой своим сходи, — скомандовал Рентан, осматриваясь.

Его привели на самую окраину деревни, фактически в лес. Здесь и стояла старая, но всё равно крепкая хата знахаря. Плетеный забор, который отделял её от деревьев, густо покрывали кости и черепа. Не людские, конечно, но впечатление это производило мрачное. Идти туда не хотелось просто категорически. От тёмных провалов окон и двери хаты прямо веяло неприятностями.

Сильно пахло гнилью — это чувствовалось ещё издали. Здесь лекарь оказался впервые, но вполне резонно подозревал, что раньше вони не было. Желая окончательно в этом убедиться, Рентан на всякий случай быстро обошел хату — мало ли где какая туша гниёт. Однако ничего не нашёл. Источник вони однозначно находился внутри.

Предчувствуя худшее, лекарь достал из саквояжа кожаную маску, больше похожую на странный намордник, к тому же набитый чесноком, и надел, после чего осторожно отворил открывающуюся вовнутрь дверь в хату. В лицо ему ударила смесь из «ароматов» гниющих трав, мяса и дерева такой силы, что даже чеснок у носа не справлялся. Повсюду летали в каких-то невероятных количествах жирные мухи, у ног ковром копошились опарыши и черви. Казалось, дом и всё, что в нём было, поразила одна и та же болезнь, заставив скоростижно гнить.

Внутри было темно, поэтому лекарь не стал закрывать за собой дверь, а подпёр её удачно подвернувшейся колодой, не забыв после этого отряхнуть руки. Цельный кусок ствола могучего дуба словно год в воде пролежал — был холодным, скользким и дряхлым.

На печи лежало нечто бесформенное, вроде бы человек, укатанный сразу в три или даже четыре одеяла. Из-за темени и этих самых одеял понять, точно ли это Гедрюс, не представлялось возможным. Однако разило от печи так, что глаза, даже укрытые маской, слезились.

Рентан, подавив рвотный позыв, сделал шаг по направлению к печи, желая удостовериться, но сразу же отступил назад. Это была плохая идея как ни посмотри: кем бы ни был этот человек, он уже либо мёртв, либо обречён. Проверять не имело смысла.

Из-за этого в поле зрения лекаря попала топка. Ещё только подходя к хате, он удивился, почему её не топят — обычно простой народ любую хворь старался победить ударными дозами тепла. И только внутри выяснилась причина. Сквозь слегка приоткрытую дверцу было видно, что в топке вместо дров и углей находится какое-то невероятное количество различных насекомых, составлявших единую непрерывно копошащуюся массу.

Это стало последней каплей. Рентан в страхе сделал шаг назад, намереваясь покинуть

хату, но вдруг дверь, откинув колоду, словно пушинку, громко захлопнулась перед самым его носом. Вдобавок её невозможно было открыть, как будто бы кто-то прижал с другой стороны.

— Эй там! — неразборчиво крикнул лекарь. — Откройте!

Стало темно хоть глаз выколи. Небольшой фонарь имелся у Рентана с собой, в саквояже, но в такую темень достать и зажечь его не представлялось возможным. Это уже не говоря про ходившие ходуном от страха и омерзения руки лекаря.

— Не откроют. Потому что там никого нет, — вдруг раздался с печи хриплый голос. — Я давно тебя жду.

Бесформенная масса одеял зашуршала, закопошилась, зачавкала, будто бы там кто-то возился. Впрочем, голос принадлежал точно не Гедрюсу — он тоже хрипел, но не так сильно. К тому же чего у знахаря точно не было, так это красных, светящихся в темноте, словно угли, глаз, к тому же слегка плавающих в воздухе, будто никакие кости и мышцы их не удерживали.

— У нас юбилей: двадцать лет, как мы с тобой разминулись, — продолжил вещать неизвестный громким, проникающим в самую подкорку мозга голосом.

— Что?! Кто здесь?! — вытаращился лекарь, не шевелясь.

Схватившись за знак Двенадцати, он принялся беззвучно молиться. Его слова, приглушённые маской, вряд ли можно было разобрать, но обладатель светящихся в темноте глаз как будто этого даже не заметил.

— Неужели ты думал, что от меня выйдет сбежать? Что меня обманет новое имя или смена имиджа?

— К-кто ты? — спросил Рентан, уже догадываясь, каков верный ответ.

По изменившемуся внутреннему убранству хаты Гедрюса было несложно догадаться, что за тёмная сила это всё устроила. Тот, кому молился сам знахарь и его паства, явился во всём своём «великолепии». Вовсе не бог, как думали многие, а всего лишь тень бога. Лишенный истинного имени, его ещё знаки как Проклятого, Отвергнутого, Тринадцатого.

— Я — твой самый великодушный покровитель, — уклончиво рассказали с печи. — Ты многое взял у меня, не спрашивая дозволения. До поры я прощал это. Как прощал и то, что ты не спешил рассчитываться за оказанную тебе щедрость. Но срок моего снисхождения уже почти что вышел.

— Я не знаю, о чём ты говоришь, демон! — вскинув руки в традиционном жесте Двенадцати, дерзко ответил Рентан. — Уходи прочь!

Этот порыв мало впечатлил притаившееся на печи существо. Куда больше он помог собраться с силами и прийти в себя саму лекарю. Взять себя в руки, укротить страх. Он всякого разного сделал за свою жизнь. Плохого тоже. Но вот никаких сделок с богами, особенно павшими, в этом длинном списке не было никогда.

— Знаешь! Ещё как знаешь! Мы оба знаем, что произошло тогда в Оренгарде. Но ничего, ничего-о-о. Хвастайся. Молись. Трясись. Я терпеливый. Двадцать лет ждал, подожду ещё немного. А осталось, поверь мне, совсем чуть-чуть.

— Подождешь чего? — мрачно осведомился Рентан.

Во время разговора он перебирал варианты того, что мог сделать здесь и сейчас. Увы, пользы от его навыков почти никакой не было. Владей лекарь магическим ремеслом, какие-то шансы отогнать демона ещё имелись, но чего не было, того не было. Зато могла пригодиться любая информация, раз уж демон только игрался.

— Того момента, когда ты сам ко мне обратишься. Упадёшь на колени и, трясясь от страха и боли, со слезами на глазах и иссиня-кровавой пеной у рта, назовёшь моё имя.

— Что же ты тогда делаешь здесь и сейчас, демон?

— Наша встреча сегодня — случайность. Хотя мне приятно видеть тебя на пороге этого жилища. Твой страх — лучшая награда для меня. А глупые никчемные воззвания к всевышним, которые ты там непрерывно бормочешь, стоят любого ожидания.

— Что ты сделал со Гедрюсом, демон? — надеясь узнать что-то полезное, спросил Рентан.

— Отдал должное ему и его пастве. Столько лет они, не гнушаясь никакого зла, зывали ко мне. И вот я ответил, как тебе?

— Впечатляет, — буркнул лекарь.

— Приятно слышать это от такого человека как ты. Впечатлить тебя подобными вещами — это, я считаю, успех. Не каждый смертный может похвастаться тем, что превзошел меня в моём же ремесле. Но ты, хм, ты определённо сумел. Обычно, знаешь ли, боги за это карают. Страшно карают. Но я не обычный бог. Уходи.

Дверь, к которой спиной прижался Рентан, резко распахнулась, из-за чего он едва не повалился кубарем. Устоять удалось лишь потому, что лекарь схватился за скользкий от гнили дверной косяк. Его хватку было сложно назвать крепкой, однако даже так на древесине остался заметный отпечаток ладони.

В этот момент нервы Рентана, до поры удерживаемые в узде холодным разумом, дрогнули и вырвались на волю. Не владея собой, он отскочил от хаты и что было мочи побежал прочь, не разбирая дороги. Погони не было — вслед ему летел исключительно довольный хохот демона.

Где-то метрах в ста он встретил местных: Алждиса в сопровождении бледного как мел паренька.

— Что такое, мастер? Вы были внутри?

Тем краем сознания, который не был охвачен паникой, Рентан понял, что когда местные были у Гедрюса, то ничего особого не видели. Иначе бы не задавали таких вопросов. А значит всё это представление устроили специально по случаю его визита.

— Был, — стараясь принять спокойный вид и отдышаться, отметил лекарь, а затем, не сдержавшись, крикнул: — сожгите хату, да побыстрее!

— Но Гедрюс...

— Мёртв он. Сгинул, как и тот олень — в проклятии!

— Как же... как же так? — не поверил староста. — Мы же, мы же...

— Вы зывали к Отвергнутому — вот он и пришёл. Можете гордиться собой! — гневно прокричал лекарь и повторил громче прежнего: — Сожгите хату! И двор рядом! Потом бегите, да куда подальше.

— Из-за проклятья? — мрачно осведомился Алждис.

— Не о нём вам волноваться следует. Не только о нём, во всяком случае. Во Власве скоро узнают, что тут творится. Мне надо говорить, что будет дальше?

— Не надо, — староста мрачно отшатнулся и только благодаря этому вспомнил про паренька рядом. — Ну а с ним что? Он тоже...

— Не думаю, — взглядевшись в несчастного, ответил Рентан и, подумав, на всякий случай припугнул: — не вздумайте причинять ему вред. Хватит с вас зла.

— П-понял, мастер, — покорно кивнул Алждис и вдруг упал на колени, схватив Рентана

за подол одежды. — Не могли бы вы... мы всей деревней скинемся, и место это...

Говорил Алждис отрывисто, словно задыхался, но лекарь понял, о чём он. Понял и демонстративно сделал шаг назад.

— Мог бы, но не стану. Ни за какие деньги! Хотите понять, почему? Зайдите в хату — посмотрите, что натворили. Я видел, чем вы тут занимались. Видел и не донёс. Ни разу! Хотя мог бы! А теперь донесу. Хватит игр с силами зла.

К этому времени вокруг, но не слишком близко, уже собрались все местные. От этих слов они стали возмущённо роптать, словно оскорбились, но Рентан не стал слушать их, спорить и тем более просить платы за потраченное время. Просто развернулся, демонстративно отряхнул и поправил одежду, после чего побрёл прочь.

Он мог бы посоветовать, например, перед тем как сжечь хату знахаря, обвести его кругом из мела и соли. Или молиться Двенадцати в процессе. Но не стал этого делать. То были ритуалы, цель которых — успокоить людей их проводящих, а лекарю не хотелось, чтобы эти конкретные люди были спокойны.

Римпана вид вернувшегося Рентана встревожил, но на какие-либо вопросы лекарь отвечать отказался наотрез, а затем и вовсе задумался о чём-то так глубоко, что очнулся, лишь когда бричка въехала в город.

Здесь они и расстались. Рентан вышел возле здания лечебницы, где работал, и, не прощаясь, ушёл. Римпан же, подумав немного, прикинул, сколько осталось времени до захода солнца, а также поглядел ещё раз на своих коней, повёл бричку в конюшню, поняв, что с него на сегодня хватит. К тому же надо было осмотреть ось — та последнюю треть пути стала поскрипывать, а это всегда было не к добру.

— Доездили по дебрям, — предчувствуя недоброе и сплёвывая, буркнул возница.

Его худшие подозрения быстро подтвердились: ось требовала замены. Чудо, что она вообще ещё держалась.

Вылезая из-под брички и ругая на чём свет стоял неудачный день, Римпан вдруг заметил у себя на левой ладони небольшое синее пятнышко. Решив, что изгваздался в чём-то, он, плюнув, попытался стереть пятно, но оно не стёрлось и даже как будто стало больше.

— Ось говно, зато смазка — отличная! — гневно пробормотал возница, выскивая такие же пятнышки на одежде.

Не найдя ни одного и даже позабыв про то, что оставалось на ладони, он успокоился и побрёл домой, любуясь чудесным ало-красным закатом. По приметам это было знаком грядущей беды, но Римпан к приметам относился снисходительно, а вот красивой природе случая порадоваться не упустил.

— Хоть что-то хорошее в этом паскудном дне!

Резюмируя случившееся

В то утро сады при храме Оруза были особенно красивыми. Не столько из-за последних цветущих растений, чья пора стремительно уходила, сколько из-за тишины, которую нарушали разве что трели птиц, да шорох уже начавших желтеть листьев, потревоженных слабым ветерком. Тишина та буквально убаюкивала каждого, кто в ней оказался. Обволакивала со всех сторон, словно пуховое одеяло. Успокаивала и отгоняла дурные мысли. Если не всматриваться, можно было подумать, что оказался не в компактном парке посреди города, а в глубине леса.

Рентан и раньше любил здесь прогуляться, но после событий, произошедших накануне, эта атмосфера была ему особенно по душе. Хотелось остаться здесь, лечь на землю и провести целый день, наблюдая за небом.

К своему глубочайшему огорчению, лекарь прекрасно знал, что никогда так не сможет. Даже будь у него целый день свободен. Рентан давно уже знал грустную истину о себе: расслабиться и отдохнуть ему удавалось лишь в те редкие и краткие мгновения полного удовлетворения от своей работы.

Да и пришёл сюда лекарь совсем не в поисках места для отдыха. Его сопровождал поджарый старик, чьи каштановые волосы упорно не поддавались возрасту, в отличие от бровей и щетины, что давно стали цвета мела. Одет старик был в новенькую рясу, из-за чего непрерывно испытывал явные неудобства, то и дело принимаясь поправлять её.

Настоятеля храма посвященному богу-покровителю земледельцев Орузу — а Рентана сопровождал именно этот почтенный священнослужитель — звали Цимоном. Знакомы они были уже двадцать лет, и этим объяснялось необычайное терпение священника, который, лишь закончив слушать длинный и тяжелый рассказ лекаря, позволил себе задать первые вопросы. И то скорее являвшиеся грустной констатацией свершившегося факта:

— Так стало быть деревенька Вороново впала в ересь? И давно?

— Не знаю, я у них бывал самое большее раз в год и лишних вопросов не задавал, ваше святейшество, — соврал лекарь.

Сделал он это аккуратно, мягко, тактично, но с намёком, который Цимон прекрасно понял.

— А следовало бы, учитывая вашу удивительную проницательность и наблюдательность, Рентан, — отметил священник. — Досадное упущение, что ситуация зашла так далеко. Хм, придётся сообщить Охотникам. А значит, жди беды. Это люди деятельные. Еретики из глухой деревеньки им надолго не хватит.

— Думаете, займутся горожанами, ваше святейшество? — с опаской поинтересовался лекарь.

— Займутся-займутся. Мало ли у нас тут алхимиков, астрологов и прочих шарлатанов? Ими непременно займутся! Заинтересуются и остальными окрестностями в нашем краю, — закивал священник. — А какая деревня нынче без знахаря или ведьмы? Двенадцать благоволит стремлению помогать людям, даже если оно — стремление — расходится с канонами веры. Но у Охотников может быть свой взгляд на такие вещи. А уж в случае ереси... м-м-м, боюсь, толерантности можно не ожидать. Много костров будет. Слишком много. Жаль. Всю зиму как минимум палёным человеческим мясом будет нести.

— Сгинувшие человечесьи души, я вижу, вас беспокоят меньше плохого запаха, ваше

святейшество, — едко отметил Рентан.

— Во-первых, ещё не сгинувшие, — спокойно и серьёзно возразил Цимон. — Кто знает, чем по итогу всё обернётся? Может, будь на то воля Двенадцати, обойдётся. Именно об этом стоит сейчас молиться. Во-вторых, огонь Охотников не только плоть сжигает. Душу он очищает от греха. В-третьих, мне, верите вы или нет, безмерно жаль всех без исключения, чей жизненный путь скоростижно оборвётся. Убитых в войнах, от рук бандитов, в семейных ссорах или просто спившихся. Но вины моей в этом нет.

Цимон многозначительно посмотрел на собеседника, вздохнул и замолк. Они прошлись ещё немного, наслаждаясь садами, прежде чем священник решился продолжить разговор:

— Что касается вашего рассказа, мой друг, то могу лишь подтвердить ваши собственные выводы. Вы, на свою беду, повстречали демона. Уж не знаю, был ли это сам Отвергнутый или кто из его слуг, но, как по мне, разница минимальна.

— Я правильно сделал, что сказал сжечь хату? — поинтересовался лекарь.

— А что оставалось? Дождаться, пока те гады, о которых вы мне в красках рассказали, расползутся по округе? Хуже точно не будет, а там, — Цимон махнул рукой, — охотники пожалуют. — Он с огорчением цокнул языком, заложил руки за спину и повторил: — Жаль, конечно, Рентан, что вы сообщаете об этом так поздно. Жаль.

— Если бы я заметил следы опасной ереси раньше, то рассказал бы вам, ваше святейшество, об этом незамедлительно, — заверил его лекарь.

— Но ведь вы заметили следы всего лишь не опасной ереси, верно? — пронизательно, но с претензией уточнил священник и, не дожидаясь ответа, отмахнулся: — Не отвечайте. Не хочу, чтобы вы мне ввали. Вам отвечать за это перед Двенадцатью. И перед их карающим клинком — Охотниками. Не передо мной. Скажите, мой друг, иное: те слова, что говорил вам демон, вы знаете, о чём шла речь?

— Частично, — уклончиво ответил Рентан. — Как я понимаю, он говорил о том, как двадцать лет назад я избежал вспышки Синей чумы в Оренгарде. Но остальное для меня не меньшая загадка, чем для вас. Меня беспокоит другое. Только... а впрочем, забудьте. Это не стоит вашего времени, ваше святейшество.

— Только что? — проявляя несвойственное ему нетерпение, спросил Цимон. — Не считите за наглость, но мне действительно интересно. Какой вопрос может вас так волновать, что вы не решаетесь его задать мне.

Оглянувшись и проверил, не подслушивает ли их кто, лекарь задал свой вопрос:

— С каких пор вопросами жизни и смерти стала заведовать тень на стене, то есть такой персонаж, как А...

— Не произносите здесь это имя! — категорично и гневно потребовал священнослужитель, кивая на поднявшийся ветер. — Отвергнутого лишили всего! И имени в первую очередь! — Затем он, как и всегда, смягчился, задумался, а потом принялся рассуждать вслух: — Это действительно интересный вопрос. Священные тексты говорят о разном, но всё же данная область — прерогатива Малакмора. — Священник цокнул языком. — Впрочем, чему удивляться? Местные молились Отвергнутому. Взывали к нему. Приносили, как вы рассказали, кровавые дары. Удивительный народ. У них двенадцать богов на выбор — добрых, светлых, благодушных богов, которые не требуют многого. А они выбрали того, кто ничего не даёт, но при этом забирает всё. Осмелюсь поинтересоваться вашего мнения на этот счёт, Рентан?

— Разве оно важно, ваше святейшество? — попытался уйти от ответа лекарь.

— Прежде вы, мой друг, зарекомендовали себя как большой знаток теологических вопросов, хоть и не желали рассказывать об источнике знаний.

— Хм. Если вам угодно, ваше святейшество, выслушать мою версию, почему Вороново впало в ересь, то, думаю, они выбрали Отвергнутого, а не, например, мудрого Макмина, справедливого Ренза или щедрого Оруза, потому что не увидели желаемого ответа на свои мольбы.

— Думаете, они увидели, как вы сказали, желаемый ответ, лишь взмолившись Отвергнутому? — не без удивления уточнил Цимон, даже остановившись.

— Думаю, они увидели что-то, что убедило их продолжать воздавать почести именно ему, а не истинным богам, — сообщил Рентан.

Прогулка продолжилась, но молча. Священник размышлял о сказанном ему. Задумчиво потерев руки и в очередной раз оправив рясу, он кивнул и нарушил тишину:

— Да. Я согласен. Люди порой трактуют незначительные события как сигнал к действию. В час нужды это особенно обостряется. А нуждаемся мы часто. Мда, — Цимон раздосадованно пошевелил губами. — И всё же такой итог печален. Жаль. — Вдруг он усмехнулся и с едва заметной иронией спросил: — К слову, Рентан, а может, вы сегодня расскажете, откуда столько знаете про богов, или ваш ответ не изменился?

— Он не может измениться, ваше святейшество, потому что это чистая правда, — делая вид, что оскорблён этим любопытством, ответил лекарь. — Кристальная, как та роса, что я застал в начале этого разговора на листьях травы в этом замечательном саду.

— По ночам уже холодает, — улыбнувшись такому ответу, сказал священник. — Вы знаете такую поговорку, здесь мне её слышать не приходилось, но там, откуда я родом, это что-то вроде присказки: скелеты в шкафу не умеют врать.

— Нет, не слышал, — покачал головой Рентан и, подумав, добавил: — мне она кажется претенциозной и глупой. Как скелет соврёт? Он и говорить не может...

— Если смотреть на мир так — безусловно. А что касается вашего ответа... Ну что ж, я подожду.

— Подождёте?

— Однажды вы, мой друг, исповедуетесь мне и в этом, — уверенно сообщил Цимон. — Однако вы, как лекарь, должны знать, что любая болезнь хорошо поддается лечению именно вначале и что тянуть с вмешательством не стоит. Но если пациент против, то надо отступить, так?

— Не совсем верно, ваше святейшество, — не согласился Рентан. — Надо навязчиво предлагать лечение до тех пор, пока пациент не отступит в своей глупости. Но я вижу, что вы поняли и этот принцип.

— Иногда не хватает времени на подобное и приходится действовать инвазивно, — заметил Цимон с намёком.

— Уж не пытками ли вы мне угрожаете, ваше святейшество?

— Ни в коем разе. Я человек терпеливый, и времени у меня достаточно. — Священник покачал головой. — А вот Охотники, эх — другое дело. Рентан, заклинаю вас всеми богами: если будете им врать, то придумайте что-то получше, чем то, что вы придумали для меня.

— Я буду говорить им чистую правду, как говорю её вам.

— “Что есть правда, как не полная убеждённость в своей правоте?” — процитировал Цимон многозначительно.

— Третье послание Макмина, часть седьмая, — без запинки назвал источник цитаты

лекарь.

— Верно, — кивнул священнослужитель с удовлетворением. — Ваша начитанность, Рентан, не перестаёт меня удивлять. Думаю, в этом храме, — он указал на строение, виднеющееся сквозь листья деревьев, — не найдётся и трёх человек, которые смогут так же уверенно и быстро ответить. — Цимон улыбнулся. — Наверное, поэтому мы с вами столько и общаемся.

— Только поэтому, ваше святейшество? — с иронией уточнил лекарь.

— Ну явно не из-за твоего умения врать, знаешь ли! — криво усмехнулся священнослужитель. — Кхм, к слову, чем вы планируете заняться в ближайшие дни?

— Вас что-то беспокоит, ваше святейшество? — не понял причины такого интереса Рентан. — Вы хотите моей консультации?

— Нет, спасибо, на здоровье не жалуясь, — отказался священник. — Надо понимать, боги меня берегут. — Подумав немного, он признался: — Я опасаюсь, Рентан.

— Чего же? — удивился лекарь.

Ответ последовал не сразу, но был честным, прямолинейным и очень личным. Будучи произнесенным тихо, но требовательно и с предупреждением, он создавал ощущение практически отцовской заботы.

— Что ты можешь по глупости попытаться вернуться туда, в Вороново, — сказал Цимон, внимательно наблюдая проницательными глазами за реакцией собеседника.

— Честно скажу: даже не думал. А стоит? — немного растерянно поинтересовался Рентан.

— Ни в коем разе! — Отрицательно махнул головой Цимон и рассказал, что собирался делать: — Не тревожьте этим свою голову. Я распорядюсь — городские маги отправят Охотникам сообщение сегодня же. Путь у них, если я правильно понимаю, откуда они выдвинутся к нам, займёт, самое большее, три дня. Они не любят медлить. Жаль. До тех пор наша задача бездействовать. И точно не лезть со своими частными расследованиями. Вы поняли меня, Рентан?

Спросив это, священник выразительно посмотрел на своего друга и спутника, требуя ответа. Рентан не стал ни врать, ни уклоняться:

— Безусловно. И могу вас крепко заверить, ваше святейшество, что не собираюсь туда возвращаться или проводить какие-то изыскания. Я видел достаточно. И дел у меня достаточно. В пределах городской черты.

— А вот сейчас вы не врётё, — улыбнулся Цимон, жестом приглашая продолжить прогулку. — И от того моё сердце наполняется радостью...

— Осмелюсь спросить ещё кое-что, ваше святейшество. Позволите?

— Спрашивайте, — одобрительно кивнул священник.

— Наш господин, барон Кобыслав — его вы собираетесь ставить в известность, ваше святейшество?

— Хм. — Цимон призадумался, почесал подбородок, поправил рясу и лишь затем нехотя ответил: — Надо бы. Да очень не хочется. Господина не выбирают, но Власве с этим особенно не повезло. Жаль.

— Думается мне, что будет лучше, если наш господин узнает о случившемся от Охотников, — полушёпотом поделился соображениями Рентан, из-за чего и поднял эту тему в принципе. — Это сильно помешает ему попытаться сделать какую-нибудь глупость.

— Вы, мой друг, недооцениваете нашего правителя, — ослабившись, заметил

священник. — Совершать глупости Охотники Кобыславу не помешают. Только усугубят их. Отец его, мудрый Ярек, тот мог бы помешать или даже упредить... Жаль. Как он, кстати, давно видели его?

— С полгода не был у них в замке. Вот жду «вызова» со дня на день, — признался, не скрывая беспокойства, Рентан. — Созвездие Макмина как раз в зените. Сами знаете, что это значит для душевнобольных.

Цимон мгновенно понял, к чему он клонит, и скривился.

— Знаю. Мда. Совпало так совпало. Нехорошо.... нехорошо. Жаль.

Они прошли ещё немного. К этому моменту уже немолодой священник подустал ходить, но и садиться на расставленные повсюду скамейки не стал. Вместо этого заинтересовался кустом жасмина. Рентан терпеливо стоял рядом, наслаждаясь ароматами цветущего растения.

— Вот как мы сделаем, — поглаживая листья, заговорил Цимон. — Коль вы, мой друг, поедете к молодому барону, не тревожьте его ум своими историями. Ни к чему это. Спросит чего насчёт Вороново, скажите, что не были там ещё в этом году.

— А если он будет знать, что был?

— Если бы да кабы у него были бы мозги, — раздраженно выдал присказку священник. — Не переоценивайте нашего господина. Это чревато разочарованием.

— По вашему тону, ваше святейшество, я понимаю, что с господином бароном вы по этому замечательному саду не гуляете, — с нескрываемой иронией заметил Рентан.

— И не собираюсь! — скривился от одной мысли об этом Цимон. — Я сюда за покоем прихожу. Тишину слушаю! В остальное время мне хватает молодых послушников, которых приходится гонять метлой от девок. Да самих девок, что по весне розовощёкими табунами приходят исповедоваться в изменах и неразделённой любви.

— Неразделённая любовь теперь требует исповеди? — удивился лекарь. — О времена!

— Глупость всегда требует исповеди! — нравоучительно ответил священник. — Уж вы-то, Рентан, должны это знать.

— Простите за мою назойливость, но вы, ваше святейшество, так и не сказали, что собираетесь делать с бароном, — вернулся к прежней теме Рентан, чем вызвал у собеседника раздражение.

Пострадал жасмин. Несколько веток с наибольшим количеством цветков были решительно отломаны.

— Двенадцать простят. А я запомню. Не вашего это ума дело, мой друг. Скажу так: барон Кобыслав волноваться насчёт Вороново до приезда Охотников не будет. А после... — священник тяжело вздохнул. — Что ж, да помогут карающему клинку Двенадцати наши общие покровители.

Закончив рвать ветки, Цимон неторопливо направился к калитке, за которой высился храм — украшение Власвы. Рентан пошёл следом, понимая, что хоть беседа и идёт к концу, но это ещё не всё. Наконец, когда противно скрипнула дверца, священнослужитель сказал:

— Вот что, друг мой, зайдите ко мне не раньше полудня через два дня, на третий.

— По какому-то конкретному поводу, ваше святейшество? — уточнил, чувствуя недоброе, лекарь.

— С Охотниками будем вместе говорить, — рассказал священник. — Это вопрос решенный, не спорьте.

— Уж не собираетесь ли вы, ваше святейшество, жертвовать ради меня многим? — всё

же возразил, хоть и в мягкой форме Рентан.

— Многим нет, — заверил его Цимон, улыбаясь. — Своими временем — пожалуй. Не переоценивайте этот жест, мой друг. Старость если чем и хороша, так это избытком времени, которое вечно не хватает сил потратить на благие дела. — Священник вдохнул запах цветов жасмина, ветки которого продолжал сжимать в исхудалой руке. — Вот и сегодня я что-то утомился. Пойду в келью. Подумаю наедине с собой о прекрасном.

— Что ж, как вам будет угодно, — сдался Рентан и учтиво поклонился. — Да даруют Двенадцать вам сил.

— А вам пускай укажут верный путь сквозь тернии сомнений, — попрощался Цимон.

Покинув территорию храма Оруза и отойдя от него на несколько десятков метров, Рентан остановился и сделал вид, что очень заинтересовался лавкой булочника. Свежеиспеченный хлеб из муки помола этого года и вправду пах просто божественно, особенно на фоне отсутствия завтрака, но лекарь руководствовался в первую очередь совсем иным мотивом.

Он внимательно следил за главными воротами храма. Из обители Оруза, конечно же, имелось несколько выходов, но ленивые послушники предпочитали пользоваться самым легкодоступным. Долго их ждать не пришлось, минут десять, проведённых в компании с постепенно уменьшающейся булкой свежего хлеба, что вполне походило на завтрак. В это время из храма под чутким взором лекаря вышли, одна за другой, лавируя в вялом людском потоке, пять одинаковых ряс.

Рентан разочарованно вздохнул. То, что подопечные Цимона покинули храм в рясах, говорило о том, что отправились они не по тайным делам. Иначе бы переоделись. Лекарь в первую очередь рассчитывал увидеть того послушника, который окажется приставлен к нему, но ошибся. Видно, шпиона-надзирателя старый священник отправил иным путём, что вкуче с обычной одеждой легко позволило ему затеряться в толпе.

То, что просто так его не отпустят, Рентан нисколько не сомневался. Слишком уж хорошо он знал Цимона. Или просто долго. Разница была несущественной. Так или иначе, узнав о произошедшем в Вороново, священник проведёт своё собственное расследование и сделает всё, чтобы успеть до прибытия Охотников составить некое подобие официальной версии. Где-то с целью уточнить рассказ Рентана, а где-то обезопасить себя.

Размышляя над этим и грядущим, лекарь неторопливо побрёл по узким мощеным улочкам в лечебницу имени мученика Эвана или просто лечебницу Эвана. То, что этот Эван где-то там, когда-то там за что-то там страдал знали немногие. В одной лечебнице Рентан трудился и при ней же жил — в общежитии, расположенном неподалёку.

Лекарь шёл и безуспешно пытался не кривиться от раздражения. После уютного сада Цимона город выглядел слишком шумным, вонючим, с избытком до ленности медлительных людей. Рентан жил здесь двадцать лет и так и не сумел полюбить это место, пользуясь каждой возможностью его на время покинуть. Покинуть же его насовсем лекарю не хватало духа. Против своей воли он прирос к этому городу, к его оторванности от остального мира, неторопливости и спокойствию.

Власва была построена на одноимённой речке, за счёт которой и жила. С севера, вниз по течению сплавляли лес, на север, в свою очередь, плыли корабли с едой, одеждой и инструментами для лесорубов, туда же шли караваны примерно с тем же ассортиментом товаров.

Корабли те, будучи вёсельными, тоже в каком-то смысле кормили Власву. Летом, когда

на них был пик спроса, большая часть городских мужиков уходила работать гребцами, а иногда и бурлаками. По городу даже ходила шутка, мол, если внезапно грянет война, то житель Власвы в первую очередь возьмёт с собой весло.

Впрочем, война-то как раз городу и не грозила. Последний раз она приходила в эти края ни много ни мало сто сорок лет назад, когда предок нынешнего барона решил расширить свои владения. Закончилось тогда всё не очень хорошо, но те события давно уже стали скучной историей и из памяти живущих стёрлись. С тех пор город несколько раз заливала разошедшаяся река, случались пожары, но это было сущей мелочью по сравнению с хаосом, царящим во всём остальном мире. У всех, кто вообще был осведомлён о существовании этого места, данный край считался мирным, пускай и немного дремучим.

Для Рентана же, появившегося однажды в окрестностях города вместе с караваном беженцев, шедших на север от свирепствовавшей чумы, Власва была до неприязни скучной: окружённая с одной стороны речкой, а с другой лесами и болотами, она являла собой отличный пример места, где дни шли бесконечной чередой, и ничего не менялось. Лекаря это злило, а вот большинству горожан, напротив, очень даже нравилось.

Лечебница мученика Эвана производила унылое впечатление. Первый этаж здания, сложенный из красного кирпича, утонул в зыбкой глине почти по самые окна. Два других, сделанные уже из более привычного для архитектуры Власвы дерева, покосились, да так сильно, что только слепой мог не заметить наклона. Не впечатлял и фасад: краска на нём если и появлялась, то только в виде надписей. Об ограде и говорить было нечего — живых свидетелей её установки и последнего ремонта, случившегося примерно в одно время, уже не осталось.

Но не только это вызывало уныние. Город словно отгородился от лечебницы невидимой чертой со всех сторон, отказываясь принимать строение за часть себя. Черту эту никто не спешил занимать, хотя здесь, почти в самом центре правобережной Власвы, районе, всегда считавшимся наилучшим для жизни, земля стоила баснословных денег. Другие здания вокруг жались друг к другу так тесно, что, наверное, уже было и нельзя понять, где заканчивается внешняя стена одного дома и начинается внутренняя другого.

Причина такого плачевного состояния крылась, как это ни странно, отнюдь не в недостатке средств или жадности. Напротив, Рентан ни разу не видел, чтобы почтенный Витиас — престарелый владелец лечебницы — потратил хоть грош на себя. Что уж говорить, если персонал жил в его собственном особняке, который превратили в общежитие. Тот располагался рядом, всего в паре кварталов. Сам Витиас, может, и хотел бы потратить своё немалое состояние на себя, но ему бы такое с рук не спустили.

Впрочем, за опоздания и праздничатания здесь карали ничуть не меньше эгоистичных растрат:

— Доброго утра, Рентан, — раздался властный, притворно вежливый голос, не успел лекарь толком войти.

«Ждала меня, значит, сейчас начнётся», — подумал Рентан с оторопью, а затем обернулся с вымученно-виноватой улыбкой и сказал заискивающе:

— И вам доброго утра, Миловида. Да благословят ваши труды Двенадцать.

С женщиной на деле управляющей лечебницей, в отличие от мужа, который просто распоряжался финансами и решал юридические проблемы, они не ладили. Миловида была хорошим человеком: трудолюбивым, с острым чувством справедливости, по своему добрым в конце концов. Только вот Рентана она не любила. С самой первой их встречи и на

протяжении двадцати лет без каких-либо изменений. Даже терпела лишь с большой натяжкой — из-за таланта. За весь этот немалый срок разве что уважения стало несколько больше.

Она подкараулила его прямо у входа, расположившись на одной из скамей, в иное время предназначенных для визитёров. Этот тесный закуток три на два метра, где кроме двух дверей, рисунка, призывающего мыть руки чистой водой, и упомянутой скамьи ничего не было, являлся единственным местом в лечебнице, куда мог войти любой желающий. Дальше могли пойти либо больные, либо посвящённые.

— По-моему, насчёт опозданий мы говорили на прошлой неделе, не так ли? — хмуро уточнила женщина, прекрасно зная ответ.

Годы и тяжелый труд, связанный с постоянным стрессом, не пощадили её. Миловида была полной, но не потому что объедалась, скорее, напротив. Её прекрасные чёрные кудри выцвели, поседели, а затем и вовсе почти все выпали, из-за чего голову приходилось покрывать платком. Но больше всего не повезло рукам и ногам. Женщина не могла стоять дольше нескольких минут — это причиняло ей сильную боль. А прекращающийся лишь в моменты крайней сосредоточенности тремор рук в последние годы стал таким сильным, что Миловиде пришлось отказаться от личного участия в лечении, ограничившись лишь наблюдением и советами.

Несмотря на всё это, никто не проводил в лечебнице с больными времени больше, чем она. И поэтому упрёк насчет опозданий был не только обоснован, но и кольнул совесть Рентана. Он действительно мог иначе распоряжаться своим временем сегодня. Мог, но не сумел удержаться от утренней прогулки по садам Цимона.

— Это связано с, хм, вчерашним происшествием, — ответил лекарь на претензию. — Вы ведь понимаете, я не мог поступить иначе.

Миловида понимала, как понимала и всю подноготную этого заявления, поэтому всё равно осталась недовольна:

— К нам обращаются не за тем, чтобы на них постукивали.

— Знаю, — буркнул лекарь и постарался сменить тему разговора, — случилось чего в моё отсутствие?

— Думаешь, весь мир вокруг тебя вертится? — криво усмехнулась женщина. — Не так это! Не так!

— Тогда готов к труду. Я сегодня задержусь — за опоздание...

— Не задержишься, — скривилась Миловида. — Гонец к тебе приходил. — Она достала из одежды письмо, скрепленное восковой печатью. — Сам знаешь, от кого и по какому поводу. Не проверяй — не трогала я его.

В том, что она не врёт Рентан, несколько не сомневался. Не только из-за целой печати, но и из-за характера женщины. На любопытство у неё вечно не хватало времени.

— Стало быть, к господину Кобыславу я поеду раньше Охотников, — мрачно пробормотал лекарь, вскрывая письмо и вчитываясь в текст, написанный ужасным почерком, безошибочно выдававшим руку барона.

Миловида насчёт такой новости удивления не высказала. Она вообще ничего не произнесла, дожидаясь, пока Рентан сам ей всё расскажет.

— Сегодня я смогу остаться и отработать, — рассказал лекарь, дочитав. — Да и завтра выйду, но только на полдня. Затем мне надо к господину Кобыславу. Хм...

— «Хм»? — фыркнула женщина. — Что там ещё? Тебя не будет несколько дней?

— Да, но не в этом дело. Тут почерк, конечно, ужасный...

— Не хуже твоего или моего, — женщина на миг подняла трясущуюся руку. — Ближе к сути, если можно.

— По-моему, барон приглашает меня на некое мероприятие. Он называет его «встречей заинтересованных лиц», — поделился причиной тревоги Рентан.

— Бахвалишься? — вскинула остатки брови Миловида.

— Опасаюсь. За себя и... — лекарь, поймав раздражённый взгляд женщины перестал, язвить, — и не только. Прежде господин барон не был замечен в подобном отношении ко мне.

— Не лез брататься? Дурак просто не знает, кого пригласить за стол — гостей-то надо чем-то развлечь, — дёрнув рукой, сказала женщина и поднялась. Вдруг она поделилась своими мыслями на этот счёт: — О произошедшем в Вороново он не знает и не может знать. Значит, отец совсем плох. Потому и тебя задобрить хочет. Чтоб не пошли слухи.

Рентан был склонен согласиться с такой версией, но всё равно не был уверен до конца. Во-первых, Кобыслав для таких тонкостей был слишком толст и к тому же непроходимо глуп. Во-вторых, очень уж подозрительно выглядело такое совпадение.

Лекарь собирался пойти переодеться и приступить к работе, но как оказалось, у Миловиды имелись иные планы на его счёт:

— Переоденься и спустись в мертвецкую. Произошло кое-что. По твоей части.

Теперь уже Рентан вскинул бровь. Миловида за жизнь имела дела с больными всех мастей как минимум раза в два больше времени, чем он. Если она столкнулась с чем-то незнакомым, то произошло нечто совсем экстраординарное. Впрочем, необходимость посещения мертвецкой намекала, что случай не срочный.

— Не кривись. Иди одежду поменяй, — поторопила его женщина. — И инструменты свои прихвати — вскрывать кое-кого будем.

Вход в мертвецкую располагался снаружи здания. Этот добротный подвальчик — единственное, если не считать стен первого этажа, что осталось от дома, на месте которого построили лечебницу. Тогда он служил винным погребом. Это позволяло Миловиде то и дело отвешивать одну и ту же очень не смешную шутку:

— Вино и мертвецы требуют выдержки, а, Рентан? — ухмыльнулась женщина, когда лекарь спустился в подвал. — Этот, — она кивнула на покойника, прикрытого простыней, — тебя с самого утра дожидается.

В мертвецкой был всего один чрезвычайно неудобный стул, поэтому Миловида прислонилась к стене. Такое промежуточное решение определенно доставляло ей неудобства, но она терпела.

«Видно, и вправду что-то эдакое», — подумал Рентан и откинул простыню.

Его взору предстал мужчина средних лет, без примечательных черт, если не считать за таковые лысину и синяк на половину головы. Тем не менее вид мертвеца лекаря сильно смутил:

— Когда его нашли?

— С первыми петухами, — тоже явно заинтригованная таким видом покойника рассказала Миловида. — Тогда же и принесли. С тех пор лежит такой, будто сейчас встанет, попросит прощения и пойдёт отсюда.

Так оно без преувеличения и было. Мужчина, если не считать синяка и отстывающего дыхания, выглядел живым и здоровым. Рентан много мертвецов видел, но таких «живых» —

ни разу.

— Ни травм, ни признаков болезней, — проводя беглый осмотр, пробормотал лекарь и, присмотревшись, добавил. — Родинок тоже нет.

— Ногти, — подсказала Миловида.

— М-м-м-м, а ногти... а ногтей нет вообще, — закончив осмотр рук и ног, констатировал Рентан, желая было почесать затылок, но вовремя вспомнил, что он в специальных кожаных перчатках, из-за чего застыл от удивления в нелепой позе. — Волос тоже нет и, похоже, не было никогда!

— Это я пропустила, — сообщила женщина, раздосадованная своим промахом. — Впрочем, это логично, после ногтей-то.

— Кто его принёс и откуда?

— Нашли около Бароновых ворот, — рассказала Миловида. — Принесла соответственно, стража, уже мертвого. Как он умер, когда, почему и кто это такой — они не знали. Ты, видно, тоже?

— Может, сердце?

— Может, — уклончиво согласилась женщина. — Ты уж сам в него лезь. Я решила не портить тебе удовольствие.

«Причина несколько в ином», — бросив выразительный взгляд на руки Миловиды, подумал Рентан.

Поставив рядом с покойником сумку с богатым ассортиментом скальпелей, пил и иных инструментов, он приступил к вскрытию. Глубоко выдохнув, Рентан одним умелым решительным движением разрезал грудину покойного, намереваясь посмотреть на сердце. Вскрыл и отшатнулся, не скрывая сильного удивления.

— Если б не отсутствие реакции, я бы подумал, что он ещё живой, — пробормотал лекарь. — М-м-м-м, кожа подвижная, кровь не загустела. И, кстати, он не пахнет. Вообще.

— Наш гость будто и не умирал вовсе, — подойдя ближе, с не меньшей растерянностью констатировала Миловида и поторопила: — кусаться он, похоже, не будет, так что давай дальше. Что там у него с органами?

Бросив на неё недовольный взгляд, Рентан вернулся к покойнику, продолжив вскрытие. Последовательно он изучил сердце, лёгкие, почки и желудок. Последний удивил его больше всего:

— Пустой. Тут вообще ничего нет. Ни еды, ни соков, желчи тоже нет.

— На голодающего он не похож, — отметила женщина. — Вон какие мышцы на ногах и руках.

— Нет, не похож, — согласился лекарь. — Но всё выглядит так, будто он ни разу в жизни не взял в рот ни крошки.

Это навело его на догадку касаясь происхождения. Он вернулся к другим органам и внимательно изучил их. Долго смотрел, уткнувшись едва ли не носом, благо данный покойник вопреки обыкновению не вонял. Лишь заново осмотрев внутренности мертвеца, Рентан констатировал со смесью ошеломления и восхищения:

— Ни пороков, ни мутаций, ни травм, ни следа болезней. Ничего. Он обладал идеальным здоровьем. Сколько ему на ваш взгляд, а?

— Лет тридцать, — подумав немного и внимательно осмотрев гостя, ответила Миловида. — Хотя, если ты прав насчёт здоровья, то, может, и больше.

— Думаю, меньше, — задумчиво заметил лекарь, обратив внимание на одежду

мертвеца.

Та лежала на соседней пустующей койке и ничего из себя не представляла. Она была очень простой и к тому же ношенной, но это единственное, что можно было сказать с уверенностью. Таковую носили бедняки, разнорабочие и преступники на каторгах. К какой именно из перечисленных категорий относился покойник и относился ли вообще сказать было сложно — никаких вещей он при себе не имел.

«Может, стража забрала?» — задумался Рентан. — «Хотя нет, эти бы забрали деньги, а остальное не тронули».

— Ты хочешь сказать, что ему двадцать? Староват он.

— И не двадцать. Меньше. М-м-м-м, сильно меньше, — покачал головой лекарь и вернулся к покойнику, благодаря чему случайно заметил то, что искал уже минут пятнадцать. — Вот оно! Ну конечно — на самом видном месте.

— Что ещё такое? Что с этим синяком? — удивилась Миловида, наблюдая, куда указывает рука Рентана.

— Стража, конечно, не сказала откуда и когда появился синяк? — уточнил лекарь с ухмылкой.

— От удара по мостовой — несли неаккуратно, — приглядевшись к травме, ответила женщина, благодаря чему заметила то же самое, что ранее увидел лекарь. — А это что такое — татуировка? Шрам?

— Разряженная магическая печать. Клеймо производителя и заодно источник питания, — рассказал Рентан, пальцами разглаживая синяк так, чтобы было лучше видно. — Существо перед нами — не человек. Это гомункул. Поэтому у него такое странное тело — ему «отроду» пара дней, не больше. Еда ему не нужна, а одежду купили самую дешёвую и доступную. А может, даже сняли с какого-то бедолаги.

— Видел таких раньше? — вытаращилась на него Миловида.

— Пару раз. Очень давно. Их используют маги в качестве слуг. Этот потерялся, а заряд магии, который его поддерживал — иссяк. Поэтому-то он и умер, вернее сказать, вернулся к своему подлинному состоянию.

— Богохульство! — фыркнула женщина и, кажется, потеряла к гомункулу всякий интерес. — Как придут Охотники по твоему случаю, надо бы доложить и о нём. Пускай сожгут того дурака, который его создал.

— Его создал не дурак, — не согласился Рентан, накинув на тело покойного простыню, затем снял перчатки и фартук и отправился помогать совсем изнемогшей от боли Миловиде покинуть мертвецкую. — Совсем не дурак.

— Только дурак решится на подобное! — стояла та на своём, кривясь от боли, пока поднималась по узкой и неудобной лестнице, ведущей прочь из подвала.

— Скажите, вот вы сможете воспроизвести по памяти человеческое тело? Без ошибок, запинок? — попытался переубедить её лекарь.

— Нет, — не стала переоценивать свои возможности Миловида. — А ты?

— Сомневаюсь, я больше по живым, — заметил Рентан с улыбкой, закрывая двери подвала за собой. — Тот, кто это сделал, в смысле создал его, знает анатомию идеально. Либо делал так множество раз. Тысячи раз.

— Это одно и то же, — нахмурившись, заметила женщина. — Так ты хочешь сказать, что это существо создал не какой-то местный дуралей?

К этому времени они вернулись в лечебницу. Миловида, истощённая болью, пошла в

свою комнату-кабинет, где с облегчением рухнула в кресло. Она единственная из всего персонала, насчитывающего без малого три десятка человек, жила в лечебнице. Остальные ютились либо в имении Витиаса, либо имели личное жильё.

Сама Миловида всегда говорила, что ей просто лень каждый раз проделывать путь туда и обратно ради своего дурака-мужа. На деле Рентан подозревал, что причина как в раздоре с мужем, так и в здоровье.

Глядя на тяжело дышащую женщину, прикрывшую глаза лёжа в кресле, которая никак не могла отдышаться, он не в первый раз задумался, осознаёт ли кто-то в лечебнице, что такой упадок здоровья далёк от нормы, даже невзирая на почтенный возраст.

Миловида угасала. Медленно, но неумолимо, как цветок без воды. Ей осталось максимум год или два. Рентан ясно видел это по целому ряду признаков. Он ни разу не сказал о своем заключении кому-либо, даже самой женщине. Но она определённо знала это и сама, как и то, что лекарь был в курсе её положения. Иногда Рентан задумывался, не в этом ли причина нелюбви к нему. Что он единственный, кто видит её слабости.

Заметив, что Миловида приходит в себя, он сместил взгляд на убранство комнаты, если так можно было сказать о старой кровати, кресле, столе да ночном горшке. Пожалуй, среди этого всего застекленная оконная рама выглядела интереснее всего. В основном за счёт того, что другие окна в лечебнице закрывала дешёвая ткань.

— Муж настоял, — рассказала вдруг женщина, заметив интерес Рентана. — Сказал, что коль не хочу жить соответственно статусу, так хоть пускай живу нормально. Позвал мастера. Поставили вместе эту дребедень. Лучше б на что полезное деньги пустил.

— Я думаю, что гомункула создал не местный, — продолжил разговор лекарь. — Не из-за мастерства, хотя это тоже. Этим созданиям передаются знания создателя. Не все, конечно, но обычно топография в их число входит.

— Топо-что? — растерянно уточнила Миловида.

— Знание местности, если так можно сказать. Создай кто-то местный гомункула, тот бы не смог потеряться.

— Откуда ты столько знаешь про этих созданий? Ты же из этих, — она едва слышно фыркнула, — тех, кто священные тексты наизусть знает.

— Ну, не наизусть, — скромно заметил Рентан. — Просто пару раз сталкивался с гомункулами раньше.

— «Просто пару раз»? — с нескрываемой иронией уточнила Миловида, но развивать тему не стала. — Не слышала, чтобы в городе гостил какой-то маг.

При слове «гостил» Рентан вдруг вспомнил про приглашение барона и странной формулировке в нём.

— Думаю, завтра я повстречаюсь с этим «творцом», — сообщил он мрачно, ещё раз взглядываясь в текст письма.

— Скажи ему, чтоб не мусорил, будоража голову страже и нам. — Миловида приподнялась в кресле и словно только сейчас заметила Рентана. — Чего ты тут застыл? Иди работай! И не думай, что я забыла про твоё обещание задержаться допоздна! Обмоешь вечером наших стариков — я распоряджусь заготовить пару тазов тёплой воды.

— Работа, достойная санитарки, — заметил с укором, прежде чем уйти, лекарь.

— То есть как раз по тебе, — донёсся ему вслед полный ехидства голос.

Анализ и дедукция

Рентан, вздохнув, отстранился от пациента и крепко задумался. Его мучила дилемма самого врачебно-моралистского толка из возможных. Обратившийся за помощью ладный мужик средних лет, по имени Ласлав, был здоров как бык, особенно, если бы не злоупотреблял спиртным. Впрочем, обратился он совершенно по иному, почти не связанному с вредным увлечением поводу.

Он выловил лекаря уже после того как тот, решив, что с него на сегодня хватит, закончил с обходом и возвращался в лечебницу. Миловида частенько ставила Рентана на такие «прогулки» по домам городской знати. Могла, конечно, потребовать работать прямо в клинике, как накануне, но скорее из желания повредничать.

Городские богачи, вельможи и прочие люди при власти и богатстве знали Рентана, своеобразным образом уважали и потому причиняли ему куда меньше проблем, чем его коллегам, при этом слушая его наставления относительно внимательно. Менее капризными и надоедливymi детьми в облике взрослых они от этого не становились, но по крайней мере повышался шанс исцеления. Если, конечно, болезнь вообще имелась. Что случалось далеко не каждый раз.

Ласлав выцепил Рентана на финишной прямой, почти в самых дверях лечебницы, куда тот собирался вернуться, переодеться и понемногу начать готовиться к путешествию к барону. Таких просителей, которые лезли, словно тараканы из всех щелей к лекарю, стоило тому быть узанным, на протяжении каждого дня без исключения обращалось великое множество. Но в данном случае Рентан пройти мимо или прогнать просителя не смог и пригласил в специально предназначенную для осмотра таких визитёров каморку.

Они уже встречались, хотя Ласлав этого, конечно же, не помнил. Произошло это года три назад, поздно вечером, когда Рентан в точно такой же день, но поздно вечером, возвращался в лечебницу. Случилась банальная история: его попытались ограбить. И ограбили бы, но этому помешал здоровенный мужик, который окликнул собравшихся. Ласлав, нетвердо стоявший на ногах и вообще не понявший, что происходит, просто хотел занять пару грошей себе на добавку, но грабители этого, конечно, не знали и ретировались.

Сама причина визита не представляла из себя ничего интересного. Банальное растяжение связок кисти, вызванное чрезмерным трудом. Ласлав, стремясь заработать себе на бутылку, брался за любую работу, даже самую тяжёлую. А как это ни странно, такому здоровяку предлагали чаще всего самую тяжелейшую работу. Обо всём этом он сам рассказал Рентану, ничуть не стесняясь и не скрывая своих пристрастий, а теперь сидел, улыбаясь, и мучил лекаря одним своим видом.

Тот понимал одну очень простую вещь: уйди Ласлав от него сейчас всего лишь с растяжением, он не изменит своим привычкам. Просто не поймёт взаимосвязи. И в следующий раз явится с чем-то посерьезнее. Здоровье-то позволит ему злоупотреблять спиртным ещё долго, но не кошелёк.

Рентан не только мог, но и хотел прекратить это. Однако его совесть и банальная порядочность были против такой манипуляции, пускай и оправданной благими намерениями. Пересиливая себя, лекарь спросил с намёком:

— Ласлав, сколько вы выпили за последние десять дней?

— Да всего ничего! Только по вечерам немного! — улыбаясь во весь рот, не слишком

избалованный зубами, признался мужик не без простодушной гордости. — Ну и по утрам, да и днём тоже, но чуть-чуть! Чтоб руки крепкими были и не тряслись! Мне нельзя, чтоб они, руки, тряслись — кормят они меня.

— Полагаю, в этом и есть причина боли, — выслушав всё это, резюмировал лекарь. — Не в руках, в алкоголе.

— Да как так то ж?! — изумился Ласлав. — Всегда ж пил и нормально было! Ну, не поутру конечно, но...

Насчёт «всегда» Рентан сильно сомневался, однако начал с другого конца:

— Вы ведь знаете, что Двенадцать не одобряют пагубных, чрезмерных увлечений?

Пристыженный пациент вполне ожидаемо уткнулся взглядом в пол. Он, конечно же, этого не знал, хотя бы потому что лекарь только что весьма вольно интерпретировал священные тексты.

— Где бушует страсть, там всегда упадок! — продолжил моральное давление Рентан. — И начинается упадок с самого важного, что нам дали боги — организма, нашего тела. Оно слабеет, хиреет и в конечном счёте...

Договаривать, судя по ужасу в глазах пациента, необходимости не было.

— Так... так... так стало быть нельзя мне больше к бутылке-то? — боязливо поинтересовался Ласлав и с надеждой уточнил: — Даже совсем чуть-чуть?

— Я могу лишь сделать вывод из увиденного и своего опыта: Двенадцать указали тебе, что не приемлют разгульства, — чинно, специально выражаясь как можно сложнее, сказал лекарь. — Осмелишься перечить их воле? Только помни: далее последует не отцовское замечание, строгое, но по-семейному мягкое, а гнев всемогущих, чьей воле смели перечить!

— Мой батька всегда учил — нельзя идти против богов, — хмуро припомнил Ласлав. — Так, а по праздникам? В честь Двенадцати-то можно пригубить?

— Только пригубить. Не больше того, чего требует традиция. — Ласлав тяжело вздохнул и понуро кивнул, соглашаясь с этим. — Ну а насчёт руки, — продолжил Рентан, сменивший менторский тон и высказывания на куда более простые и главное понятные выражения, — неделю держать в покое, то есть избегать труда. Продолжит болеть — сходи в баню и пропарься, но никакого алкоголя!

— Как же ж так, в баньке-то и без чарки! — изумился пациент, ещё не до конца осознавший новые реалии. — Традиция ж ведь! Дедушку Пара задобрить надобно...

— По-моему, — скептически заметил лекарь, — его задабривают тем, что загодя, ещё при протапливании, оставляют краюшку хлеба и немного спиртного, — он демонстративно вздохнул с неодобрением. — Выдумки это про алкоголь в бане! — строго сказал Рентан, поддав на всякий случай возвышенно-моралистских изречений. — Блажь и оправдания слабых духом! Пар и чистое тело — вот что тебя в бане заботить должно!

Ласлав покорно кивнул и засобиравшись на выход. Рентан же, чрезвычайно собой довольный, усмехнулся ему вслед и принялся собираться. Вдруг ему помешал ещё один визитёр. Неожиданный и непрошенный, но приятный.

— Узнает об этом твоём финте Миловида — три шкуры сдерет.

Рентан обернулся на голос. Не успел пациент выйти, а в дверях крохотной каморки, где из мебели была неудобная койка да два стула, уже стоял, подперев собой дверную раму, улыбающийся до самых ушей мужчина. Он пришел не один, а в компании с внушительных размеров ящиком, который, судя по всему, ещё и весил прилично.

Звали его Локто и он был лет на десять моложе Рентана. У них было много общего: оба

не из Власвы, оба связали свою жизнь с помощью тем, кто в ней остро нуждался, оба обладали определённым талантом в этом. Правда вот внешность у них различалась, и сильно. Пухленький, маленький Локто едва доставал своему другу и товарищу ярко-рыжей макушкой до плеч. Компенсировал он это шириной и извечной улыбкой.

— Подслушивать разговоры пациентов — Мирослава сдерёт с тебя пять шкур, — стараясь скрыть радость от этого визита, заметил Рентан в ответ.

— Переживу, — незванный гость весело отмахнулся и поставил ящик себе в ноги. — Меня-то она любит.

— Она просто недостаточно тебя знает.

— И слава богам! Ещё чего не хватало!

Локто был владельцем крупнейшего во Власве и окрестностях алхимического магазина «Лучшая тысяча зелий Кальциниуса». Поэтому в лечебнице Эвана мелькал регулярно, будучи основным поставщиком различных медикаментов. Ни в медицине, ни в алхимии он ничего не понимал, его страстью была торговля как таковая. Локто уродился дельцом и весьма искушённым, но не лишенным, в отличие от многих других «коллег», определённых понятий чести, и что не менее важно — банальной порядочности.

Во Власве можно было легко заработать и на чём-то кроме алхимии, тем более лечебной, но Локто упрямо держался её, хотя в убыток не работал. Либо тщательно скрывал финансовые потери за регулярными, надо понимать, демонстративными обновками одежды, покупкой различного рода драгоценных безделушек и непрерывным расширением дела.

— Что привело тебя ко мне? — поинтересовался Рентан, наслаждаясь разговором.

— Не поверишь! — Локто зашёл в каморку, закрыв за собой дверь. — Дружба!

— Знаешь, для человека, зарабатывающего деньги на обмане, ты удивительно плохо врёшь, — осклабился лекарь, прекрасно зная, что если его друга и можно чем-то обидеть, то явно не словами.

Локто, крутящийся всю жизнь среди тех, кто очень много говорит и очень мало делает, как никто другой знал истинную цену любым словам.

— Не вру, а лукавлю. И вообще-то считаю это умение своим достоинством! — возразил он. — А вот ты был весьма убедителен. Умеешь ты ездить по ушам этой церковной чушью.

От такого заявления Рентан поднапрягся.

— Это не чушь.

— О да, конечно! — притворно согласился Локто.

— Что тебе-то знать о богах? — ехидно спросил лекарь. — Ты в храме-то когда последний раз был?

— Знаешь, мне как богохульнику повиднее твоего будет насчёт существования каких-то там всемогущих сущностей, — уклонился от прямого ответа делец. — Существовай они, меня б уже десятком молний ударило. Разом! А потом кирпичом добило.

— Возможно, они решили наказать тебя за грехи как-то иначе, не думал о таком? — с намёком поинтересовался Рентан.

— О да, и наказание это — полная удовольствий жизнь, — пустился в свою любимую стихию подсчётов Локто, поглаживая внушительное брюшко. — Не менее длинная, чем твоя, между прочим. Правда, я-то от своей беру всё.

— Ну моя определённно будет в конечном счёте подлиннее: я-то слежу за своими источниками удовольствия, — лекарь улыбнулся, зная, чем можно «кольнуть» друга. — Кстати, об этом: ты никак по делу? Принёс очередной букет от дамы с широким, никогда не

закрывающимся сердцем?

— Нет, нет, — начал махать руками делец. — Ныне я закрыт для любви. Не сезон.

— Хм, странно, — Рентан, хорошо знавший друга, искренне удивился. — Раньше твои сезоны сменяли один другой вовсе без перерывов, порой наслаиваясь. Неужто ты ко мне за какими-то укрепляющими отварами явился?

— Я бодр и силён ничуть не меньше прежнего! Без всяких отваров! — делая вид, что оскорблен, возмущился Локто. — Многие могут тебе об этом рассказать. — Лекарь покачал головой, показывая, что не интересуется. — Нет ничего странного, мой друг. Ныне я увлекаюсь только благонравными вещами — искусством. — Он добавил полушёпотом: — Есть тут одна музичка...

— А-а-а, — сразу всё понял Рентан. — Это, конечно, проясняет дело. Высоких нравов, полагаю?

— В смысле? — не понял делец.

— Своё сердце она тебе ещё не распахнула?

— Нет... пока нет, — смутившись не вопросу, а необходимости делиться неудачей, ответил Локто. — Но я работаю над этим. Ну, ты знаешь: букеты, встречи по вечерам, обсуждение струн под сенью звёзд в компании моего обаяния и хорошего вина.

Вид у него сделался мечтательным. Чего у дельца было не отнять — человеком он был искренним. Если влюблялся, то непременно от всего сердца. В порыве чувств был готов на любые глупости. Затем, каждый раз без исключения, это проходило, сменяясь разочарованием и непременными разговорами о том, как прогнили люди вокруг, и дескать лишь один Локто среди них остался чистеньким и на белом коне. Впрочем, это его состояние также длилось не слишком долго, и всё повторялось. И так раз за разом. Рентан совсем не на пустом месте именовал данный процесс «сезонами».

— В вине, я знаю, как ты разбираешься, — припомнив множество казусов, сказал с сарказмом Рентан. — Но неужели ты покусился своим невежеством ещё и на музыкальные инструменты?

— Ну-у-у, — Локто скромно шаркнул ножкой, — барабан от клавесина отличу.

— Достойно. И это не мешает вам?

— Ну ты же знаешь, как оно бывает: большинству людей нужен не собеседник, а слушатель. А слушатель я весьма отменный.

Тут он несколько не кривил душой и не преувеличивал. Рентан по себе знал как никто другой: если надо выговориться, то лучшего кандидата, чем Локто, в мире было не найти. На девушек это наверняка действовало с утроенной силой.

В этот момент лекарь заметил на лице друга кое-что интересное, но отнюдь не необычное:

— Я вижу у тебя царапину на лице. М-м-м-м, как будто кто-то ударил ладонью и случайно задел ногтём. Полагаю, это от того, что ты был плохим слушателем, да?

— Не удержался, — развёл руками Локто. — Она такая ладненькая, стройная — руки сами тянутся. Но это тоже показатель: ударила ладонью, не кулаком. И никуда не ушла.

— Вас определённо ждёт большое будущее. Совет вам да любовь, — с иронией пожелал Рентан. — Так чего пришёл-то? Похвастаться или позубоскалить?

— Наверное, стоило бы, но нет, — делец вдруг сделался нетипично сосредоточенным. — Дело у меня к тебе, дружеское — тут не вру и не лукавлю.

По виду Локто он и вправду был настроен настолько серьёзно, насколько вообще такой

человек мог быть серьёзен.

«Что-то его тяготит», — догадался лекарь с тревогой.

— И что это?

Прямого ответа, конечно же, не последовало. Делец начал издали:

— Ты ж к господину барону сегодня едешь?

— Ну, предположим, еду. Откуда узнал?

— Не поверишь: он мне сообщил об этом.

— Ты прав, не верю.

Однако, вопреки обыкновению, у Локто имелись твёрдые, пускай и помятые доказательства, которые он незамедлительно предъявил, — письмо. Впрочем, его суть делец пересказал сам, не вынуждая собеседника вчитываться в отвратительный почерк:

— Заказал у меня целую кучу ингредиентов. Ты случайно не знаешь, зачем это всё?

— Я бы, может, и сказал бы тебе. Да со времени кончины писаря письма господина Кобыслава понимаю скорее интуитивно. Контекстуально. И это, — лекарь указал на текст письма, — разобрать не могу.

— Кхм, я тоже долго мучился, но расшифровал.

Локто перечислил заказ, оказавшийся на диво длинным. Получалось, что текст письма состоял на две трети только из перечисления ингредиентов. Список получился разнообразным и очень необычным.

— Что-то у меня есть сомнения, что это заказывал господин барон, — закончив перечислять, сообщил делец. — Серьезные сомнения.

— А я не сомневаюсь. Не он однозначно.

— Может, ты не сомневаешься так же в том, для чего ему это вот всё? — поинтересовался, не скрывая беспокойства, Локто. — Потому что моих алхимиков этот список поставил в тупик и вызвал множество споров.

— Отраву из этого можно сделать, — уклончиво ответил лекарь.

— Рентан, я тебя умоляю, отраву можно сделать и из твоей скучной рожи, было бы желание, — раздражённо заявил делец. — Можно ближе к делу?

— Можно. Я думаю, это для мага, который у него гостит. А вот зачем тому вот это вот всё сказать точно не могу. Вероятно, в качестве стимулятора или поддерживающего средства. «Стотравка» или как тут этот отвар зовётся. Ингредиенты вполне подходят.

— Хм, — призадумался с огорчением Локто и вдруг резко переменялся в лице, — а я-то думал тебя удивить новостью о необычном госте господина барона.

— К делу, — напомнил Рентан и кивнул на ящик. — Ты, видимо, решил, что я нанялся тебе в курьеры и буду доставлять заказы?

— Вообще-то это подарок! — возразил делец с хитрецей. — От всей души!

— Но деньги ты за него получил, верно? — заранее зная ответ, уточнил лекарь.

Следующие слова Локто его совсем не удивили:

— Чуть-чуть. Всего лишь немногим более, чем отдал бы любой другой на его месте. Не смотри на меня так! Между прочим, учитывая наши «тёплые» отношения с ним и те его выкрутасы в прошлом — это большая такая скидка!

Глупости барона Кобыслава находили проявление в самых разных жизненных аспектах. То и дело он порывался, например, регулировать то, что ни в какой регуляции не нуждалось вовсе. Разумеется, максимально топорным и глупым способом.

Пару лет назад одним из таких начинаний стала попытка решить вопрос с тем, кому и

что можно делать в баронских лесах. Начал Кобыслав лихо: записал себе все леса на своих землях с оговоркой, что если кому-то удастся доказать обратное, то так тому и быть. Лесов в баронстве имелось много, больше было только людей, живших за их счёт, и которые в один момент оказались в статусе браконьеров и воров. Это следовало из следующего уточнения, категорически запрещающего доступ к баронской собственности, в частности охоту и собирательство.

По итогу всей этой авантюры, продлившейся около полугода, в выигрыше остались лишь те, кто сумел доказать право на владение тем или иным участком леса и подзаработать на внезапно возникшем спросе. Сам Кобыслав отделался лёгким испугом, полной потерей остатков авторитета и мудрым жизненным уроком, гласящим, что любые угрозы неплохо бы чем-то подкреплять, иначе в них перестанут верить. Обычные же люди потрепали себе нервы, а потом осознали, что лесов в округе много, людей ещё больше, а барон с глупыми инициативами всего один, ведь даже его приближенные, в том числе дружина, от такого решения остались, мягко говоря, не в восторге.

— Тем не менее я не нанимался тебе в доставщики «подарков», — скривился Рентан и напомнил: — извозчики за каждый лишний килограмм дерут будто за второго пассажира!

— Денег хочешь? — проницательно поинтересовался делец.

— А ты дашь? — усомнился лекарь.

— Нет. Но груз ты всё равно повезешь. А у меня есть кое-что другое. Подарок, если тебе угодно так считать. На этот раз от меня лично и бесплатный.

Локто достал из кармана амулет в виде крошечной фигурки совы, отлитой из серебра, судя по цвету, на тоненькой невзрачной верёвочке.

— Амулет? — удивился Рентан, ожидавший много чего, но не этого.

— Не простой.

— Вижу что не простой, я спрашиваю, зачем он?

— Текст письма не одного тебя навёл на интересные мысли, — полушёпотом рассказал Локто лукаво, но выражая искреннюю тревогу. — Как и список ингредиентов. Что-то назревает, и у меня по этому поводу неприятно зудит под лопаткой.

— Могу посоветовать пивок, — оценил интуицию друга лекарь. — Или настойку.

— Какую настойку? — заинтересовался делец, слывший большим любителем экспериментов с алкоголем.

— Любую покрепче, лишь бы ты думать о всякой чуши перестал. И волноваться попусту, — наслаждаясь реакцией, ответил Рентан. — Так что за амулет?

— Это безделушка, но полезная! — наконец сознался Локто и выдал донельзя напыщенную фразу, словно находился на сцене дешёвого театра: — мысли защищает, хранит от постороннего вторжения.

Однако лекарь уловил за этими словами юление, попытку прикрыть истину полуправдой и всякой мишурой.

— Ты ведь не получал от Кобыслава никаких приглашений — сам бы тогда отвёз. Только список ингредиентов. Но откуда-то знаешь, что там будет маг. Пора бы сознаться — полчаса уже хвостом крутишь!

— Не маг, а магичка, — кисло сознался Локто. — Это она мне доставила список и уточнила, чтобы я передал ингредиенты с тобой. По имени назвала. Как её зовут... знаешь, пускай она лучше сама представится, — вдруг он запнулся. — А ты откуда в курсе, что там будет кто-то с магическим талантом?

— Она, скорее всего, нам подкинула задачу, ещё вчера, — рассказал Рентан не юля. — Бросила на улицах своего гомункула. Очень качественного гомункула. Невероятно качественного — он почти неотличим от человека.

— Лысого мужика такого? — припомнил делец. — Она ко мне с таким заходила. Я ещё подумал, что за странный тип — я шучу, а он даже не улыбается.

— От твоих шуток в принципе мало кто улыбается, — заметил Рентан. — Чаще всего из вежливости. Или снисхождения.

— Ну не скажи, моя Соловушка... — видно уже решив, что дело решено, вернулся к прежней теме Локто.

— «Соловушка»?! — прервал его лекарь, не сумев скрыть ни удивления, ни других эмоций. — Это имя такое, что ли?

— Псевдоним. Ты имеешь что-то против?

— Вкус и чувство прекрасного. А настоящие имя у неё есть?

Подумав и видно решив, что это в любом случае ещё всплывёт, Локто сказал, заранее скорчив кислую мину:

— Рогнеда.

— Теперь понятно, почему она пользуется псевдонимом.

— Да чтоб ты понимал! — возмутился делец в сердцах.

— Хе! — многозначительно усмехнулся Рентан.

— Ну да, я и забыл, хе, — тоже хихикнул Локто. — К слову, мог бы выбрать что-нибудь местное. На — слав там, например. Рентаслав! Как звучит-то!

— Звучит так, будто я жильё сдаю, — кисло и демонстрируя, что не желает в это углубляться, отметил лекарь. — Меня устраивает моё имя.

— Не сомневаюсь, — ухмыляясь, согласился Локто. — А Рентаном-то Ниоткудашним ты доволен?

— Вполне-вполне.

— Ну-ну, — вдруг делец замер, будто заяц, увидевший притаившегося хищника. — Оу, кажется, я слышу тяжёлые шаги. По-моему, мы заговорились...

— Беги, — посоветовал Рентан, улыбаясь. — Она не гомункул, твоих шуток точно не оценит.

— Зайди ко мне, как вернёшься! Думается, что тебе будет о чём рассказать — из меня хороший слушатель! — попросил Локто и, оставив ящик, тряся пухлыми щёчками, убежал прочь, спасаясь от грозы, в этот раз принявшей вид Миловиды.

Отправляя мальчика посыльного за бричкой, Рентан искренне надеялся, что ему повезёт и приедет Римпан, хотя шансы на такое в середине дня были откровенно невелики. Поэтому, когда к лечебнице подкатила незнакомая развалюха голубого цвета, пропахшая дешёвым алкоголем и рвотой, которой правил вполне знакомый юноша, лекарь искренне и приятно удивился.

— Моя сломалась, — помогая закинуть ящик-подарок Локто, рассказал Римпан. — Отдал на ремонт, а деньги-то надо зарабатывать. Вот и одолжил.

Судя по отслаивающейся краске и скрипу, бричка была старше возницы раза эдак в два. Зато кони в этот раз явно были поспокойнее.

— Хороши, а? — Римпан аж светился самодовольством. — Пораньше встал, чтоб другие не успели, ха!

Наблюдая за молодым человеком, лекарь почти сразу же заметил, что с его левой рукой

что-то не так. Увидеть, что именно, через одежду и перчатки было затруднительно, но она определённо болела и вызывала дискомфорт.

— Зажало мне её вчера, — заметив взгляд, рассказал Римпан смущённо, — аж до синевы. — Он самоуверенно отмахнулся: — Ерунда, на мне всё заживает в два счёта! Как на том псе, хе!

Рентан на это посмотрел взглядом человека, который неимоверно устал убеждать своих пациентов в необходимости лечиться до того, как всё станет неизлечимо. Но лезть не стал, ограничившись советом:

— Возьми выходной и держи её в покое.

— Да какие тут выходные! Какой покой! Знаете, сколько мне за ремонт оси надо отдать? — сплюнув, раздосадованно буркнул Римпан, закончив пристраивать ящик. — Присаживаетесь.

Разговор продолжился лишь когда бричка, скрипя казалось бы каждой своей деталью, миновала Бароновы ворота и выехала на дорогу, ведущую на север. Попугчиков у них было немного, но оно и к лучшему: ещё и манёвры данный музейный экспонат мог не выдержать. Ему и движения на весьма средней скорости вкупе с отвратным состоянием дороги хватало с лихвой.

— Какие ж выходные и покой, сами ж видите, на чём ездить приходится! — повторил Римпан с ещё большей досадой. — А у меня жена и двое малых!

Рентан невнятно дёрнул головой, то ли желая сочувственно кивнуть, но передумав, то ли отгоняя особо настырную муху. Поморщившись, он заметил:

— Всё же запускать не стоит. Продолжит болеть — зайди в лечебницу и спроси меня. Разберёмся. — Заметив укоризненный взгляд возницы, лекарь добавил: — Как минимум мазь будет не лишней.

— Знаю я эти мази! Пахнут как... как от моих коней не пахнет, а они, знаете ли, не самые ароматные!

Вот поэтому Рентан и не любил подобные разговоры. Каждый раз было одно и то же, вплоть до отдельных фраз. Причём убеждать каждого «бегуна от лечения» приходилось отнюдь не шаблонными фразами. Тут-то как раз требовался именно персональный подход. По иному просто не получалось — люди на любые шаблонные фразы про необходимость лечения реагировали немногим лучше, чем на прямые оскорбления.

— Та-а-к чего к барону-то едете? Случилось с ним чего? — спросил возница, не меньше собеседника желая сменить тему разговора. — Если не секрет, конечно.

Подумав немного и рассудив, что погоду нынче из-за туч и тумана иначе как скверной назвать сложно, а пейзаж из-за этого и наступающей осени особенно уныл, лекарь не стал уклоняться от ответа:

— С отцом его, мудрым Яреком, беда. Сам господин Кобыслав здоровьем обладает чрезмерным.

— Так божий помазанник же, — нашёлся Римпан. — Благословлен, стало быть.

— Хе, ну да, — усмехнулся Рентан, хорошо знавший, что из себя на деле представляет барон, и вдруг осознал, что это хорошая возможность расспросить о других гостях. — Ты, кстати, не знаешь, возили кого в замок недавно? Нездешних.

Возница призадумался, да надолго, лишь когда бричка подскочила на подвергнувшимся камне, непонятно как при этом не развалившись на куски, он неуверенно уточнил:

— Нездешних? Говорили вроде про такое. Про гостей в смысле. Но никто их не видел.

Только карету, дорожную, очень дивную — вот её видели. И в городе и подле него несколько раз на этой неделе. — Римпан, смущаясь, добавил шёпотом: — Представляете, она сама по себе двигалась. Без коней!

— Магическая, — кивнул лекарь и уточнил: — ты её, выходит, видел?

— А то! — возница поднял руки. — Оттудова у меня и перчатки эти! Бросили из окна, будто ненужные! Новенькие!

— Кто-то гостит у господина барона. Кто-то очень необычный.

Тем временем они миновали ту самую развилку, одна из дорог которой вела в сторону Воронова. Деревенька от этого места находилась далековато, почти в полутора часах езды, но Рентану всё равно показалось, что он видит столб дыма на горизонте.

— А вы слышали про хомункулуса? — немного погодя, опять же шёпотом, будто их кто-то мог подслушать, поинтересовался возница. — Про человека, который не человек? Дескать в городе пара таких бродит. Выглядят...

— Точь-в-точь как мы, — закончил за него лекарь и дабы пресечь дальнейшие расспросы соврал: — чушь это. Гомункула спутать с человеком сложно, почти невозможно. Как нельзя спутать тебя с конём или меня со скальпелем. Понимаешь?

— Ну-у-у, да, — Римпан неуверенно кивнул. — А разве это не богохульство?

— Ещё какое, — согласился Рентан. — Но магам Двенадцать не указ. Они сами по себе.

— Как же ж так? — искренне изумился возница. — Разве...

— Да вот так, — перебил лекарь. — Как есть. Сначала они — магические ордена — возвысились над простым людом. Затем над королями. Теперь и на богов смеют поплёвывать.

— И им за это ничего не будет? — с надеждой спросил Римпан.

— Будет. Непременно будет, — уверенный в собственной правоте поделился своими мыслями Рентан. — Не знаю от кого: от таких, как мы с тобой, или от кого благородного, а может, и Двенадцать вмешаются, но кара обрушится на головы богохульников. Это неизбежно. Вспомни Вороново.

Поежившись от очевидно не самых приятных воспоминаний, возница задал очень неожиданный вопрос:

— Так вы, стало быть, тоже их не любите, магов-то?

— Тебя это удивляет?

— Ну, эм, немного. Просто вы, кажется, выше этого, что ли.

Рентан прекрасно понял, что скрывается за этими словами. Это был не столько комплимент, сколько неумело замаскированная констатация того факта, что Римпан не считает себя равным по статусу и положению своему пассажиру. С точки зрения возницы, лекарь находился в иерархии к магам ближе, чем к нему, а значит, мог не разделять «чаянья просто люда».

— Я имел опыт общения с несколькими магами. Настоящими магами, не послушниками или аколитами, а теми, кто по полному праву носит этот титул. И поэтому хорошо знаю, что они из себя представляют.

— И какие они, настоящие маги?

Этот вопрос был вполне ожидаем. Во Власве, разумеется, как и везде жили люди, наделенные магическим даром. Но исключительно самоучки, причём не самые одаренные. Ни магических орденов, ни их представителей в городе на регулярной основе никогда не было, лишь редкие проезжие, либо «рекрутёры»: охотники, иногда в буквальном смысле, на

детей и подростков, которые демонстрировали наличие дара.

— Эти, хм, люди так верят в свои способности, что давно перестали считать себя равными нам с тобой, — осторожно подбирая выражения, рассказал Рентан. — Понимаешь, что это значит?

— Высокомерные они, стало быть? — растерянно предположил Римпан.

Это предположение лекарю не слишком понравилось. Оно являлось правильным по форме, но абсолютно неверным по сути, а значит, с точки зрения Рентана, было вдвойне опаснее любого просто неправильного ответа.

— Они высокомерны, но высокомерием страдают многие. Однако не всем даны силы, способные заставить их думать, что они что-то большее, чем есть на самом деле. Если говорить коротко и просто: маги отрицают мораль, а следом за ней всякий закон — человеческий и божий.

— То есть мы для них, как скот, что ли? — помолчав немного и явно не до конца поняв сказанное, спросил возница.

А вот это сравнение лекарю понравилось куда больше предыдущего.

— Хорошая аналогия, — кивнул Рентан. — Конечно, они не все такие. Но большинство.

Конечно же, только на этом вопросы у Римпана не закончились. Скорее начались, ведь теперь он был худо-бедно посвящён в тему.

— А правда, что маги бессмертны?

— В том смысле, что их нельзя убить? Нет, неправда. Это возможно и случается куда чаще, чем самим магам хотелось бы. Но вот как избежать старения и угасания тела они знают.

— Вот же ж суки! — возница выразительно сплюнул.

Правда, как показалось лекарю, зависти в этом восклицании и жесте было куда больше ненависти.

— Столько получили, а закон нашенский не блюдут, и в богов нашенских не верят! — продолжил причитать распалившийся Римпан.

— А вот тут ты не совсем прав, — сообщил ему Рентан. — В Двенадцать они не просто верят, они твёрдо уверены в их существовании.

— Так а как так? Ведь получается, что они больше нашего знают и всё такое!

— И в этом-то проблема! — лекарь многозначительно усмехнулся. — Боги — это что-то не поддающееся познанию, лежащее за пределами человеческого восприятия, а если это не так, то это никакие не боги. — Заметив полное непонимание на лице собеседника, он добавил более понятный пример: — Маги считают, что не всё то золото, что блестит.

Дорога тем временем приобрела заметный уклон вверх — верный признак того, что до цели их путешествия, замка Лиственница, осталось меньше половины пути. То и дело меж холмов и оврагов поодаль от дороги мелькала речка Власва. В этот день, хотя вряд ли он сильно отличался от других, она была настолько перегружена грузовыми лоханями, баржами и лодками, что издали куда сильнее напоминала оживлённый тракт, нежели та полупустая дорога, по которой путешествовали Рентан и Римпан. Затопы, особенно близ мостов и крутых поворотов реки, и сопутствовавший им шум с руганью — в наличии.

Имелись здесь и какие-то поселения, чаще всего тоже кормящиеся за счёт речки, точнее тех, кто по ней путешествовал. Но неизменно находились и те, кто пытался пересилить ужасный ландшафт, плохую почву и скверный климат. Такие деревушки больше напоминали военные форты — плотно сбитые кучкой строения, окружённые частоколом. Последний

нужен был, разумеется, для защиты, но совсем не от двуногих хищников.

Бандитов здесь видели редко, а вот дикое зверьё, оголодавшее до такой степени, что покидало свои леса, в окрестных лесах имелось в избытке.

— Говорят, здесь сокровища есть! — заскучав от тишины, рассказал Римпан. — Ну или шахты старые, ещё времён Империи. Правда, где вход никто не знает.

— Шахты, здесь? Близ реки и болот? — усомнился Рентан, тоже бывший не прочь разбавить поездку беседой. — Они и сезона не проработают — затопит.

— Ну-у-у, я в этом не разбираюсь, — несколько обиженно протянул возница. — Моё дело другое. — Вдруг он, заметив холм, спросил с оживлением: — А про курганы слышали? Вроде раскопали такой один недавно. Это точно было! А где один курган, там и другие...

— Не надейся на этом разбогатеть, — буркнул лекарь, морщась не то от раздражения, не то от порыва холодного ветра.

— Чего это? Думаете, отберут?

— Отберут точно. Но даже если нет — это золото уже не нашего мира, а загробного. Живому оно счастья принести не может.

— Так это ж курганы еретиков! — сообщил Римпан, довольный тем, что он в каком-то веке знает больше собеседника. — Значит, Двенадцать не при делах!

— Неужели ещё одни поклонники Отвергнутого? — искренне удивился Рентан.

Секты Тринадцатого, Отвергнутого, или как они там себя сами называли, не были какой-то редкостью, особенно в дремучих местах, отдалённых от крупных городов. Но ни одна из них не процветала настолько, чтобы оставить после себя целые курганы. Куда чаще от них оставались пепелища и ямы с трупами.

— Не-е-ет! — продолжая упиваться гордостью за себя, сообщил возница. — Говорили, что внутри нашли знаки Триединства! А стало быть, это...

— Верующие в Трёх, — пытаюсь скрыть свою озадаченность за зевком и почёсыванием волос, закончил за него лекарь. — Не ожидал услышать про них так далеко на севере. Только ты ошибаешься.

— Разве? В чём? Курган тот недалеко, можно и...

— Не нужно, господин барон ждёт. Дело в другом. Триединники никакие не еретики. Церковь Двенадцати и Охотники их не преследуют, хотя и строительство храмов не позволяют.

— Оу, а это как так-то? — Римпан в это мгновение был одной большой озадаченностью, принявшей человеческий облик. — Они ж в других богов верят, и ритуалы тоже иные!

— Ты ошибаешься. Они верят в Двенадцать и даже соблюдают некоторые наши традиции.

— А в чём тогда дело?

Перед тем как пуститься в рассказ, Рентан тяжело вздохнул и даже отхлебнул разведенного в воде вина — объяснение предстояло быть долгим и запутанным.

— Разница в том, что для них Двенадцать — это старые боги, которые сами предсказали свой конец. Это называется пророчеством о Трёх. Триединники считают, что однажды старые боги отойдут на покой, и на их место встанут трое новых: Бард, Воин и Торговец. Поэтому-то они и соблюдают наши ритуалы, прекрасно осознавая, кто сейчас властвует над миром, и ожидая, когда их покровители явятся. Считается, что, дескать, Трое будут родом не из Эндрии.

— Ох, как же ж это у них всё путанно-то! — массируя лоб, словно тот болел, заметил Римпан.

— Не без этого, — согласился Рентан уклончиво.

С его точки зрения, сторонники Триединства как раз всё излишне упрощали, сводя понятные лишь богам процессы к простой пересменке.

— Вы сказали, что так далеко на севере о них не слышно, стало быть, триединники на юге где-то обитают?

— Как видишь, их курганы есть и здесь. Но вообще да, больше всего верующих в Трёх на юге, в краю песка, ветра и странных, горбатых лошадей — Сунде. — Подумав, Рентан добавил: — Полагаю, что тот курган, о котором ты мне рассказал, принадлежал какому-то магу.

— А и верно! — вспомнил возница, улыбаясь. — Я слышал что-то такое! — Осознав, что это значит, он замолк на мгновение, а затем уточнил: — Так, стало быть, и среди магов есть эти триединники-то?

— За всех не скажу, но их там явно больше, чем поклонников Двенадцати. Триединство очень, как бы сказать, подвижная вера. Маги считают, что Трое будут никем иным, как возвысившимися людьми, точнее...

На этом Рентан прервался, заметив религиозный ужас на лице собеседника. Римпана можно было понять: за такие речи Охотники отправляли на костёр почти без размышлений. Одно дело — верить в некие божественные процессы, смену эпох, и совсем другое — признать одних богов людьми, пускай и наделённых экстраординарным даром. Это равносильно покушению и на остальных, а такое прощать было никак нельзя.

Вдруг до лекаря доползла запоздалая мысль. Он, как верный приверженец своей профессии, давно привык искать взаимосвязь во всём. В конце концов человеческое тело ничто иное, как очень сложная система, и понять его, не разобравшись, как она работает, попросту невозможно. И вот, рассказывая про Триединство, он чуть не упустил важную деталь.

— Когда, говоришь, нашли курган? И кому достались сокровища?

— Барону, кому ж ещё! — мгновенно ответил Римпан. — А нашли, хм, да по весне и нашли, как снег прошлогодний сошёл! А к лету раскопали, стало быть.

Рентан кивнул, присоединяя это к прочим сведениям. Загадочный и неожиданный визит некоего могучего мага переставал быть таким уж загадочным и неожиданным. А ведь он ещё даже не успел попасть к барону, чей замок, а вернее его силуэт, только-только показался вдалеке, на самом краю горизонта.

Замок Листвица представлял из себя построенную на крупнейшей возвышенности в окрестностях кривоватую пятиэтажную каменную башню. Венчал её не слишком изящный открытый верх, то ли недостроенный в своё время, то ли пытающийся быть тем, чем он точно не был — архитектурным изыском. Внизу башню обрамляло пристроенное сильно позже, что было слишком заметно, двухэтажное жилое помещение с покатой крышей. Окружала это всё старая, местами требующая ремонта каменная стена. Подле неё, порой используя стену как опору, располагалась небольшая деревушка, где жила прислуга и гарнизон. Её, в свою очередь, окружала ещё одна стена, на этот раз деревянная, но приподнятая при помощи земляного вала. Имелся и ров, однако находился он в столь плачевном состоянии, что частично превратился в болото, а частично и вовсе высох, став оврагом.

Из Власвы в Листвицу в хорошие дни можно было добраться часа за четыре. Римпан в каком-то смысле совершил чудо: учитывая состояние дороги и развалюху-бричку, он добрался до замка всего за шесть часов, благодаря чему Рентан успел до заката.

Правда, судя по недовольству на лице солидного, но высокомерного толстяка, который вышел его встречать в сопровождении нескольких слуг, тоже позволивших себе косые взгляды, лекаря всё равно ожидали сильно раньше.

Обилие во внутреннем дворе другого транспорта, разумеется, куда более роскошного, показывало, что приготовления к ужину шли полным ходом, включая прибытие гостей. Нельзя было и не заметить внушительную карету, словно вырубленную из цельного куска обсидиана. Как и рассказывал Римпан, никаких лошадей или приспособлений, чтобы их как-то куда-то запречь, у неё не было и в помине.

Барон Кобыслав, конечно же, не вышел лично встречать какого-то там Рентана, отправив вместо себя Венегила, своего коморника. Это был очень опасный человек. Опасность его состояла в кажущейся простоте и открытости, за которой, как за ширмой, скрывался подлый, мстительный характер и недюжий ум. Вкупе с тем, что коморник имел круглосуточный доступ к не отличившемуся умом барону, это создавало очень неприятно удивившую многих комбинацию.

Так, например, Венегил всегда с радостью был готов говорить плохое про своего господина. И сам даже не чурался оскорблений в адрес Кобыслава. Правда, затем выяснилось, что «мятежные речи», как это называлось в приговорах, исходили исключительно от его собеседников, изблечить которых с таким рвением брался коморник.

— Доброго дня, мастер-лекарь, — широко улыбаясь, поприветствовал гостя Венегил, даже слегка поклонившись, хотя в этом не было необходимости. — Господин нашенский, молодой барон, в данный момент занятый и примет вас позже. Мне поручено устроить вас в замке, со всем этим, значит...

— Почём?

— Нет, — Венегил осклабился. — Уютом, — сказав это, он перешёл к делу. — Что это за ящик и что с ним надо делать?

— Отнести господину Кобыславу с лучшими пожеланиями от Локто Хорена. Он поймёт. — Рентан, подумав немного, заметил: — Возможно, соответствующего распоряжения не поступало, но мне лучше будет сразу посетить господина Ярека, не

откладывая это дело на потом.

Глаза коморника недобро сверкнули. Лишь ему одному в замке позволялось «додумывать» за бароном. Впрочем, на ход разговора это никак не повлияло:

— Да, вы правы, мастер. Господину старому барону нездоровится — там вы нужнее. Об организации вашенского быта я позабочусь. В предоставленной вам комнате вас будет ждать новая и чистая одежда, — коморник презрительно усмехнулся, — а тамошне таз с водой. За вами явится слуга, как всё это будет на месте. Дорогу наверх вы ведь знаете?

— В вашей башне не заблудишься, — с иронией ответил Рентан, наслаждаясь реакцией Венегила на данный укол. Взяв с брички сумку со всем необходимым, он сказал Римпану, рассчитываясь за поездку: — Возвращайся в город. И если рука продолжит болеть — зайди послезавтра.

— Не переживайте! Всё пройдёт! — кивнул возница, улыбаясь.

Спрятав монеты, коих было сильно больше, чем полагалось за эту дорогу, немедля он отправился в путь, видимо, рассчитывая если не успеть до темноты, так хоть особо не задерживаться.

Старый барон обитал, хотя многие нашли бы его положение близким к заключению, на предпоследнем этаже башни. Это было не слишком удобно, особенно с точки зрения слуг: обслуживать это помещение, особенно зимой, было крайне трудоемко. Однако преимущества, пускай и неочевидные, перевешивали любой «лишний» пот и усталость в руках. В чём Рентан лишний раз убедился, когда поднялся по скрипучей лестнице.

Там лекаря встретило богато обставленное помещение с множеством ковров, резной мебели и даже настоящим стеклянным зеркалом. Всё это богатство ярко, почти как при дневном свете, освещала изящная латунная люстра на двенадцать свечей. Рентан, увидев это всё, так и замер в дверях от удивления.

Возле приоткрытого окна с видом на закат разговаривали двое: черноволосый мужчина средних лет с медицинской сумкой через плечо и худощавый мужчина постарше, будто бы сгорбившийся под тяжестью своих одежд, украшенных мехом, и небольшой баронской короны. Один его глаз покрывала недавно наложенная повязка, явно доставляющая своему носителю массу неудобств.

— Сомнений быть не может — ваш дар убивает вас, господин. Медленно, но неотвратимо. Пока это просто упадок сил, но в будущем...

— Не говори мне про будущее, лекарь, — поморщился одноглазый и рефлекторно потянулся к повязке, но одернул себя, а после чего спросил с надеждой: — с этим можно что-то сделать?

— Вряд ли, — покачал головой собеседник. — Насколько мне известно, вы уже обращались к магам за помощью?

— Да, — коротко буркнул барон.

За этим простым ответом, сказанным как бы нехотя, скрывались невероятная обида и разочарование человека, которому отказали в помощи и тем самым фактически бросили умирать.

— Мне известны некоторые отвары — они укрепят ваш организм, господин. Вернувшись в город, я немедленно займусь их изготовлением. Это займет самое большее месяц или два. Разрешите...

— Месяц? Два? Значит, это потерпит, — остановил собеседника, который собирался уходить, одноглазый. — Моему сыну сейчас всего шесть лет. Я успею его воспитать или мне

искать регента?

— Повторюсь: пока ваше состояние состоит лишь в упадке сил... — уклончиво принял бормотать собеседник, боясь навлечь на себя гнев.

— Гром тебя раздери! — вспыхнул барон, прерывая его. — Я прошу простого ответа: успею или нет?

— Мне сложно сказать, сколько ещё ваше сознание будет справляться с видениями, господин. Вы лучше меня знаете, как это может быть опасно, — рука мужчины указала на повязку, — но несомненно, что рано или поздно ваш разум начнёт угасать.

— Пока это просто сны и, как ты талдычишь, упадок сил...

— Верно, господин, — лукаво согласился его собеседник. — Пока это просто сны. Вы уже убедились, насколько они могут быть опасны. Их будет всё больше, и они начнут приходить не только по ночам. Вы перестанете различать, где реальность, а где видение прошлого или будущего, господин. И не на мгновения, а на часы или даже дни.

— Твой отвар это отсрочит? Насколько? — одноглазый недобро осклабился. — Отвечай прямо, без увиливаний, лести и ложных надежд или сильно пожалеешь.

— В таком случае я скажу, господин, что вашему сыну необходим регент, — помолчав, собеседник добавил, — и боюсь, что вам он тоже понадобится.

— Гром тебя дери... — пробормотал барон, но из не от злости, а скорее от отчаяния.

Не став дожидаться того, что будет дальше, Рентан осторожно постучал в дверной косяк и окликнул:

— Господин Ярек, разрешите войти.

Всё в комнате замерло на мгновение, а затем развеялось, словно дымка на ветру, обнажая побитое временем помещение с минимумом убранства, погруженное в полутьму. По сравнению с видением, отражающим события почти пятнадцатилетней давности, исчезла мебель и ковры, куда-то подевалось зеркало, а на месте, где раньше крепилась люстра, теперь зияла дыра. Даже стекла из окон и того больше не было, теперь на его месте слегка трепыхалась на ветру плохо натянутая, толстая, пожелтевшая от времени и непогоды ткань.

Кобыслав сэкономил на комфорте отца не со зла и не специально, а потому что позволял людям вроде Венегила распоряжаться своими финансами. А вот помыслы бывшего регента и его дружков были далеки от кристальной чистоты. Особенно это обострилось после запрета на пользование лесами — тогда молодой барон окончательно попал в полную зависимость от своего двора.

— Рентан, это ты? — раздался с кровати слабый голос с едва уловимыми нотками радости. — Конечно, входи!

Кровать была единственным элементом убранства, который не изменился в комнате за эти годы. Правда, если когда-то эта деревянная, резная конструкция, размерами позволявшая уместиться на ней и пятерым, выглядела как подтверждение богатства, то теперь больше напоминала грустную насмешку. Ведь на ней лежал, сжавшись, будто от холода, давно не общавшийся с цирюльником старик, казавшийся на её фоне карликом.

Его единственный глаз слегка светился синим светом, но затухающим по мере того, как Ярек возвращался из своих видений в реальный мир. Видеть от этого старый барон лучше не стал — он ослеп ещё лет пять назад.

Рентан осторожно, неторопливо приблизился к кровати, испытывая нарастающее чувство отвращения. Не к старику, а к тем, кто держал его в форменно скотских условиях. То ли в качестве насмешки, то ли желая приблизить кончину.

— Вы запомнили мой голос, господин? — удивился лекарь.

— Разрази тебя гром! Оставь эти господинства хоть сейчас, — на мгновение вернув себе прежний звонкий и могучий голос сказал Ярек. — Твой голос я не узнаю. Как и у остальных. Даже слуг, которые здесь иногда пока ещё бывают, не различаю. — Вдруг он властно потребовал: — Помоги мне встать!

Хотя эта затея была обречена на провал, Рентан всё же попытался её исполнить. Как он и ожидал, от долгого лежания ноги старого барона перестали годиться на что-то, кроме роли обузы.

— Разрази тебя гром! — ругнулся Ярек, жестом показывая, что отказался от своей затеи, пускай и не полностью. — Помоги хоть сесть.

Это уже оказалось куда более выполнимо, хотя старого барона то и дело приходилось поправлять, чтобы он не завалился на бок.

— Я бы спросил, как выгляжу, но, к сожалению, видел. Ты знал, что мои видения теперь передают и запахи тоже? Так вот — передают.

— Как вы себя чувствуете? — проводя внешний осмотр, поинтересовался Рентан.

— Хуже, чем кажется со стороны. Сильно хуже, — устало ответил старый барон, рукой массируя грудь в районе сердца. — Я как будто горю изнутри, но всё никак не могу сгореть.

— Часто вы, эм, ваши видения проявляются видимым для посторонних образом?

— В последнее время почти каждый раз. По крайней мере, так говорят слуги, сам я этого не замечаю. Что ты видел?

— Это был наш первый разговор.

— А-а-а, — закивал барон, а его рука одновременно с этим потянулась к пустой глазнице со шрамом. — Помню.

С этого глаза всё и началось. Ярек, находясь в видении и не разбирая происходящего, схватил с пояса кинжал и вогнал его себе в глаз, лишь чудом избежав смерти — не хватило сантиметра или двух.

— Ваши видения показывают только прошлое или...

— Всё по старому, — перебил старый барон мрачно. — Что-то из прошлого, что-то из будущего. Ты спрашивал, как я тебя узнал? Видел несколько раз этот наш разговор. И знаю, что это последний наш разговор.

Рентан замер от удивления, желая спросить сразу множество вещей, на что Ярек отреагировал слабым хлопком ему по руке и неприятным смехом.

— Хе-кхе-хе. Да не делай ты такое лицо! Узнал я тебя по амулету. Не знаю, что за безделушку ты в этот раз притащил, но в видении этого дня из-за неё кажешься каким-то размытым, как будто я гляжу на тебя, хе, через грязное, запотевшее стекло. Раньше при тебе такого не было, верно?

— Нет, — коротко ответил лекарь, чья рука в этот момент сжимала лежавший в кармане подарок. Он огляделся. — Как вы определяете ход времени, хронологию видений?

Впрочем, ответ на этот вопрос он нашёл и сам. В углу стоял горшок с засохшим от недостатка ухода растением. Судя по тому, что некоторые листья ещё сохраняли бледно-зелёный цвет, случилось это недавно. Таким образом угасающий цветок служил угасающему барону своеобразным ориентиром, позволяя понять, какие события когда происходили.

— Пользуюсь чем есть — календари тут не помогут. А что насчёт смерти, — рука Ярека сделала слабый взмах, — это к лучшему. Давно пора.

В последних словах чувствовался немой укор. Впрочем, старый барон этих своих

мыслей никогда и не скрывал. Скорее, в определённый момент устал просить, а молить о снисхождении считал ниже своего достоинства.

— Ваш сын запретил мне, — напомнил Рентан. — При вас и многих других. Своего решения он...

— Много он понимает, сын этот, — поморщился Ярек и успокоил лекаря: — не бойся. Сегодня уговоров не будет.

За этими словами определённо что-то таилось. И Рентана очень смутило, что с ним не стали делиться подробностями, хотя прежде так делали почти всегда. Обычно Ярек не переживал насчёт видений и сбудутся ли они, если тот, к кому они относятся заранее, узнают некоторые подробности.

— Что в мире говорят?

Это был ещё один неожиданный вопрос, как для человека, который давным-давно не покидал не то что своей комнаты, даже с кровати явно поднимался не чаще раза в месяц. К тому же раньше сам старый барон отказывался слушать новости, утверждая, что так меньше печали от невозможности поучаствовать.

— Осень, сбор урожая, пир Винарда, — рефлексивно пожав плечами, ответил лекарь, искренне не понимая, что нужно рассказывать. — Сын ваш опять что-то затеял, навёл шороху по округе...

— Мда? Как в прошлый раз? — удивился Ярек. — И что же?

— Честно — не знаю. Лошадей по конюшням собирал и девок трактирных...

— А-а-а-а, — поняв, о чём идёт речь, протянул старый барон. — Видел-видел, как же! Не поверишь: сынуля мой замок решил привести в порядок. По мелочам, конечно: отмыть, почистить, где-то подкрасить, но всё же. Первый раз за десять лет взялся что-то полезное сделать, ух, разрази его гром!

— Я так понимаю, он делает это по случаю визита некоего гостя, — с намёком сообщил Рентан.

Он рассчитывал, что Ярек расскажет ему, что же здесь происходит, но у того, как оказалось, имелись иные планы и новости совершенного иного толка:

— Стало быть, сюда по-настоящему важные вести ещё не дошли. Не о гостях и девках трактирных.

— Вести о чём, господин? — чувствуя неладное, поинтересовался лекарь.

— Гром тебя разрази! Я же просил! — Ярек тяжело вздохнул, собираясь с силами. — Никогда в эту лабуду с Триединством не верил. Но видел, а значит, так и было. Только не знаю когда. Бог их прибыл в наш мир. Первый, запомню, как они его там кличут...

— Бард, — рефлексивно закончил лекарь и, осознав наконец сказанное, воскликнул, не сдержавшись: — ЧТО?!

Крик и резкое движение, которым Рентан подхватился на ноги, непроизвольно чуть не опрокинули старого барона на бок.

— Не суетись ты так, — скривился тот, тщетно пытаясь удержать прежнее положение тела слабыми руками. — Ни тебе, ни мне не дано на это как-то повлиять. Просто знай: пророчество о Трёх, как оказалось, не такие уж бредни сумасшедших.

— И какой он, новый бог? — немного успокоившись, спросил Рентан с тревогой, заботливо вернув Ярека в прежнее положение.

— Обычный, сильно растерянный человек. Ерунду какую-то мелет — языка не знает. Так и не скажешь, что перед тобой бессмертное существо из иного мира.

— Возможно, он ещё не вошёл в силу? — предположил лекарь.

— Как по мне, он просто не знает, кто он таков и где оказался. Выглядело именно так.

— И где он?

— Хочешь повидаться? — с кривой усмешкой предположил Ярек. — Не судьба. Он далеко на западе, аж на Пиратских островах.

О том, что на западе Эндрии имеются какие-то острова, прозванные, видимо, из-за обилия соответствующих преступников, Пиратскими, Рентан знал лишь очень приблизительно, теоретически. Путь туда из Власвы был чрезвычайно долог и опасен, потому что пролегал через земли Расколотой империи, которая ещё шесть веков назад была известна под несколько иным названием, но с тех пор распалась на бесчисленное количество королевств, княжеств, герцогств, баронств и прочих политических субъектов, непрерывно враждовавших между собой.

— Если пришёл один... — начал лекарь с нескрываемым беспокойством, вспоминая подробности веры триединников.

— То скоро должны прибыть и остальные, — закончил за него старый барон.

Однако Рентана волновало совсем не это. Согласно Триединству, смене богов предшествовала череда разрушительных катаклизмов и раздоров.

Ярек тем временем расплылся в странной улыбке, как будто что-то знал:

— Не спрашивай, потому что мне придётся уклоняться от ответа. Скажу так: ты сегодня ещё поговоришь о старых и новых богах.

— С гостьей вашего сына, господина барона?

— Ну явно не с Кобыславом! — Ярек не то закашлялся, не то засмеялся: — Кхе-кхе, он у меня не теолог! Знаешь, как лодку назовёшь...

Повисла тишина. Рентан прекрасно осознавал значение пословицы «что позволено Рензу, то не позволено быку», поэтому помалкивал. Старому барону же после такого длительного, по его меркам, разговора требовалась передышка. Однако, как выяснилось после паузы, причина была не только в этом.

— Пришла пора прощаться, — начал с нескрываемой скорбью в голосе Ярек. — Сюда уже идёт слуга, который тебя позовёт за собой.

— Это последняя наша встреча? — предположил Рентан, глядя на старика перед собой.

— Нет, но разговор последний, — по щеке старого барона скатилась слезинка. — Спасибо тебе за всё. И я, Рентан, очень сожалею, правда. Мне бы хотелось, чтобы у тебя был выбор.

Сказав это, старый барон протянул к лекарю руку в неясном жесте, но на полпути, потеряв силы, завалился на кровать, медленно теряя сознание.

— Берегись... она, Рентан, она т... тебя погубит... — невнятно проговорил Ярек, прежде чем провалиться в забытие.

Его глаз из-под опущенного века снова начал постепенно светиться синим. Старый барон отправился наблюдать за будущим и прошлым.

Часто говорят, что талантливые люди талантливы во всём. Рентан в этом сильно сомневался по той простой причине, что искренне считал себя талантливым человеком, но за пределами медицинской сферы и некоторых прилегающих к ней иных талантов за всю свою немалую жизнь обнаружить не сумел. А вот в обратное он охотно верил и имел немало возможностей убедиться в этом.

В тот вечер не слишком изящно, как будто рывками, перетекшими в ночь, лекарь имел

возможность лишней раз убедиться в собственной правоте. Барон Кобыслав Властенский был сложным человеком. Трудным в первую очередь. Его было сложно понять. Тяжелее было разве что барону что-то растолковать, если он предварительно решил иначе. Довольно нетипичная ситуация: обычно в случае людей, страдающих отсутствием ума, воспитания и образования, всё происходило как раз с точностью до наоборот.

Например, очень сложно было понять, почему Кобыслав, организовавший приём или во всяком случае участвовавший в этом, написавший своей рукой столько приглашений, распорядившись набрать по окрестностям девушек в качестве прислуги, набив всех гостей и слуг в тесное помещение, вырядился так, будто собрались они все на свежем зимнем воздухе где-то в ледниках. Конечно, все эти шкуры и меха выглядели роскошно, пускай и утратили прежний лоск с тех времён, когда Ярек ещё занимался охотой. Но вот сильнейший запах пота, с каждой минутой приёма расплывавшийся всё дальше и дальше, впечатлял куда больше.

Сложности с понимаем логики поступков касались также стола и его наполнения. Постарался молодой барон на славу: еды было не на двадцать гостей, а сотню как минимум, с соответствующим количеством разнообразием. Вот только подавалось это всё совершенно вразнобой, без какой-либо системы и без правил. На стол, как волнами в шторм, накатывались пальцем пиханные колбаски, быстро надоевшие всем и потому лежавшие горками; супы, жирные настолько, что стоило им хоть немного остыть, как ложка в них застревала без шансов на извлечение; слишком маленькими порциями врывались очень хитро сделанные слоеные пирожные с мёдом и лесными орехами; им на смену вновь прибывали колбаски, в этот раз в компании разнообразных каш...

Где-то на этом моменте Рентан и сдался, оставив попытки поучаствовать в жизни стола хоть в какой-нибудь роли кроме как наблюдателя. А понаблюдать было за кем и за чем.

Во-первых, внимание привлекали заезжие музыканты: труппа в составе двух флейтистов, одного лютниста и девушки с двумя выдающимися достоинствами, которые она очевидно не считала нужным скрывать от посторонних, а также на удивление приятным голосом, хотя, чтобы заметить последнее, требовалась определенная выдержка. Играли они не то чтобы очень хорошо, но в этом случае, в отличие от той же еды, хотя бы было видно, на что ушли деньги.

Во-вторых, за столом собрался цвет Власвы и окрестностей — сплошь голубая кровь и белая кость, увенчанные тем максимумом титулов, который вообще можно было встретить в этих краях. Правда, и в этом молодой барон сумел спаршиветь: каким-то неведомым образом здесь не оказалось ни одного воцерковленного человека. Сплошь аристократы и магнаты. Хотя Цимон ну никак не смог бы пропустить такое событие. Речь шла отнюдь не о желаниях или возможностях — подобные приёмы нельзя было пропустить.

Во всей этой разношерстной компании Рентан был единственным, кого представили без особых почестей: по имени и профессии. Некоторых из этих людей он встречал и был даже знаком, пускай и сугубо в профессиональном плане; о других был слышан; приглашены оказались и незнакомые люди.

Среди последних, да и в общем-то в целом, самой интересной персоной на приёме оказалась та самая таинственная гостья барона, которую он усадил по правую руку от себя. Обычно это место занимал Венегил, но в этот раз ему пришлось довольствоваться лишь левой.

— Келестия ван Шеон, архимаг ордена Трёхлучевой звезды, магистр...

— Достаточно, — остановила герольда магичка и, не дожидаясь приглашения, села за стол.

Это случилось в самом начале приёма — её представили первой после Кобыслава, но уже тогда это задало тон всему мероприятию. На Келестию было непрерывно обращены почти все взгляды гостей. Каждый её жест, движение, слово или смешок ловили как зайца в голодную пору.

Причиной тому был не только крайне необычный статус гостя. Даже Рентан, человек максимально далёкий от любви и вопросов красоты, едва мог оторвать взгляд от магички. Келестия была экстраординарно красива и умело это подчёркивала, хотя в её одежде не было ни намёка на пошлость. Ни единого лишнего выреза, недостающих сантиметров юбки и прочих банальностей.

Лекарь понимал, что эта внешность есть результат кропотливой и долгой работы, а не естественный дар природы. Да и сомнительно, чтобы архимагом магического ордена и магистром чего-то там мог стать подросток. А Келестия имела внешность в первую очередь подростка, пускай и крайне до притягательной неестественности приукрашенную. Правда, вела себя магичка отнюдь не соответствующей внешнему возрасту. Держалась она высокомерно, отрешённо и крайне невозмутимо, а ведь внимания на неё было уделено даже слишком много. Именно это сочетание высокомерия и запретной красоты почти ребёнка создавало гремучую смесь, наверняка заставившую потерять голову не одного глупца.

Однако даже в этой, казалось бы, почти идеальной картинке присутствовал своей изъясн. Малозаметный, но тем не менее располагавшийся у всех на виду — взгляд. Не ребёнка или умелой обольстительницы. Взгляд совсем не человека, а существа, твёрдо убеждённого в своём превосходстве над кем бы то ни было. Ни одному заклинанию такое замаскировать не под силу.

И Рентану было вдвойне неудобно, когда этот самый взгляд он то и дело ловил на себе. Среди всех прочих, включая влюбившегося по уши Кобыслава, Келестия предпочитала смотреть в сторону лекаря. Словно изучала его и примерялась. Причём делала она это крайне умело, поэтому почти незаметно — куда там до неё неискущённому в подобных застольных интригах лекарю!

Тем не менее ни разу за время основной части застолья они не обменялись ни словом, ни жестом. Да и это было трудно осуществимо, когда они сидели на почти противоположных концах стола. Но то, что разговор неизбежен, Рентан несколько не сомневался, и не только он.

По правую руку от лекаря сидел пожилой мужчина с непроизносимым именем Мштишлав Собльзецкий. Занимался он выделкой кож и заработал на этом целое состояние, а также весьма специфический, уже неизлечимый запах, который преследовал его по пятам круглосуточно. Правда, всё это досталось ему совсем-совсем не даром. Судя по непрерывному бормотанию, бегающим глазкам и в целом повышенной нервозности, ценой богатств стал разум.

Его сосед по левую руку, некий Божек Вротебок, — судя по расположению за столом кто-то малозначительный, но вот точнее Рентан сказать про него ничего не мог. Что казалось уже само по себе странным. Про этого человека можно было многое сказать: про его явно не дешёвые духи, пышную, качественного кроя одежду, тщательно маскирующую фигуру, полное отсутствие каких-либо драгоценностей. Но самым важным в этом всём и, как полагал лекарь, единственно важным, был взгляд Божека — очень внимательный и

проницательный. Разумеется, от него не укрылись и переглядывания между Рентаном и Келестией.

— Кажется, у вас, мастер, намечается интересный разговор, а? — поинтересовался Божек, неторопливо потягивая из чаши яблочное вино.

Данный напиток, который местные именовали именно так, отказываясь принимать более правильное название «сидр», Рентан так и не смог понять. Яблочное вино встречалось сугубо в двух вариантах: слишком кислое, такое, что аж челюсть сводило, и слишком сладкое, что аж зубы скрипели. Это и копеечная стоимость были единственными достоинствами данного напитка.

Особенно он был популярен среди молодёжи, и именно поэтому Кобыслав натурально спаивал в этот вечер им своих гостей. Многие, как заметил лекарь с ухмылкой, предпочитали обезвоживание.

— И мне так кажется, — согласился Рентан уклончиво. — Боюсь, я запомнил, кто вы?

К его удивлению, на этот вопрос последовал вполне честный и даже прямой ответ. Настолько, насколько он вообще мог быть в данном случае прямым и честным.

— Отнюдь. Ваша память вас не подводит, мастер. Я Божек де Вротобок, моя же профессия, — он едко и недобро ухмыльнулся, — её не принято называть в столь высокой компании. Если вы понимаете, о чем это я.

— Кажется, понимаю, — кивнул лекарь и вправду всё поняв.

Мгновенно стало ясно, откуда взялись эти противоречивые факты из облика Божека, а также его цепкий взгляд. Рядом с Рентаном сидел настоящий человек без имени, как бы он там ни назывался, зато с одной вполне конкретной профессией.

— Ну а как же история-прикрытие? — спросил лекарь с лёгкой усмешкой.

— Это чушь из дешёвых книжек, — шпион скривился. — Вы все, — он обвёл мимолётным взглядом стол, — тут друг друга знаете, пускай и зачастую заочно. Я могу назваться хоть халифом Сундза, хоть ярлом Севера — мне никто не поверит. Так к чему тогда тратить свои силы и время? Я не беден, со связями этого более чем достаточно для получения приглашения за этот стол. За кем шпиону тоже всем понятно.

— И всё вот так просто, без всякой маскировки, и вы до сих пор живы?

— Хех, так это и есть моя маскировка! — Божек расплылся в самодовольной ухмылке. — Люди либо слишком глупы, чтобы сделать хоть какие-то выводы касаясь моей профессии, либо делают таковые и вдруг обнаруживают, что всё слишком просто. Шпион, который не прячется — так не бывает! — притворно воскликнул Божек. — Он должен быть мёртв! Но знаешь что, мастер-лекарь?

— М-м-м-м?

— Я до сих пор жив и цел, — улыбка стала шире. — Мне всего лишь пяток раз ломали ноги, раза три — руки, и один раз грозили выжечь глаза. Оба, как вы видите, до сих пор на месте. А я в ремесле, верите или нет, без малого тридцать лет. Многие мои коллеги лежат в безымянных могилах или похоронены не под своими именами на гильдейских кладбищах вдали от дома. У многих из них была, поверьте мне, очень приличная маскировка. Она их не спасла, потому что на деле бывает лишь два вида хорошей маскировки. Как у меня, — глаза шпиона задорно блеснули, — и как у вас, мастер-лекарь родом из Оренгарда.

Рентан не особо удивился такому выпадку и уж тем более не стал демонстрировать свою реакцию собеседнику. Вместо этого он не слишком изящно увёл тему в сторону:

— В вашем случае я примерно понял принцип действия: вы не пытаетесь обмануть людей вокруг, а нарочито выпячиваете свою профессию, из-за чего люди, получившие ответ на свой вопрос, слишком просто и быстро начинают обманывать себя сами. Но что насчёт моей «маскировки»?

— Тоже ничего сложного, — пожал плечами Божек, однако без прежней уверенности. — Но и простого, если подумать. Ваша метода, мастер-лекарь, мне не нравится тем, что необходимо строго её придерживаться, самому верить, что ты тот, за кого себя выдаёшь. Верить так, чтобы продолжать врать самым близким людям, церковникам, пыточных дел мастерам, палачам и даже на смертном одре.

На некоторое время их беседа прервалась очередным наплывом блюд и связанной с этим суетой. Подавали какие-то замурранные пироги то ли с голубятиной, то ли с голубикой. Слишком уж невнятно объявили. Ни то, ни другое Рентану не нравилось, поэтому он пропустил данное блюдо мимо. Так же поступил и Божек, правда, прежде чем продолжить разговор, выждал, когда все любопытные уши в округе окажутся заняты хрустом то ли голубятины, то ли голубики.

— Я здесь, чтобы засвидетельствовать события этого вечера, — не стал скрывать своих целей и планов шпион. — Хотя, вернее сказать, ночи, ведь всё интересное ещё только впереди, верно?

В этот момент лекарь понял, почему с ним говорят так искренне. Он был ещё одним источником информации, не больше, но и не меньше.

— И что это за события? — решив, что не готов вот так просто быть искренним, спросил Рентан.

— А-а-а, так вы тоже не в курсе, — с сожалением констатировал Божек. — Как и я. Знаю лишь то, что что-то случится. — Он покосился в сторону Келестии. — Там, где она, всегда что-то случается.

Это было уже интересно, и поэтому Рентан с намёком поинтересовался:

— Вы так хорошо осведомлены о госте барона?

— Хе, «госте», — хмыкнул Божек. — Конечно, её можно назвать и так. Хотя злые языки скажут, что человек, который приехал к тебе в дом без приглашения и навязался, используя, хм, разные свои качества, это никакой не гость.

Лекарь посмотрел на пьяного флиртующего Кобыслава, которого Келестия терпела, хотя и лишнего не позволяла, и не стал уточнять, что это за «качества». Шпион этот взгляд заметил и уточнил:

— В данном случае важно не это, а кровь. Некоторые за этим столом, в первую очередь хозяин, я знаю это точно, уверены, что они родственники.

Рентан, не веря, посмотрел сначала на магичку, затем на молодого барона. Сходств между ними было предельно мало.

— Дальние, разумеется, — внёс ясность Божек, усмехаясь. — Многие рода записывают её себе в родственницы. В западных провинциях, в основном, но, как видите, здесь тоже нашлась родня.

— Вы, как я погляжу, иного мнения, не так ли? — продолжил эту странную игру лекарь, всё гадая, когда же настанет черед платить.

— Я что-то понимаю в родословных, и многие из них изучал. Чисто из любопытства, разумеется. Я любопытный человек, знаете ли.

Шутку и немалое количество самоиронии Рентан оценил вежливой, но искренней

улыбкой.

— И что же вы узнали?

— Не сильно больше того, что может узнать любой умеющий читать, — за этими словами скрывалась злобная ирония, ведь кроме умения читать требовался доступ к редким и зачастую скрываемым книгам. — Род Джиспера ван Шеона. На здешний манер, м-м-м, будет что-то вроде Джиспера Шеоновского. Так вот, род этот прервался добрую сотню лет назад. Келестия последняя. Точнее, теперь последняя. Ближе всего к ним род ван Фарсиров. Как вы можете заметить по всё той же специфической приставке, эти тоже с западных провинций. Примерно из одной области, на самом деле. Так же захирели, хотя и не исчезли. Пока.

Последнее слово он выделил особо, похоже, поставив на роду ван Фарсиров крест уже сейчас. На этом шпион замолчал, делая вид, что его крайне заинтересовала то ли новая порция колбасок, то ли певица, которая, захмелев и отчаявшись перетянуть на себя хоть капельку внимания, совсем пошла в разнос.

— Кстати, о западных провинциях: бываете там? — поинтересовался Рентан, подумав немного и решив, что с Божека не убудет, если он поделится именно этими сведениями.

— В последнее время — не часто, — Божек выразительно посмотрел в сторону Келестии.

— Странно, — тоже посмотрев в её сторону, отметил лекарь. — Слышал на островах происходит нечто любопытное. Что-то, вызывающее интерес у людей её круга.

— Слышали? — скептически уточнил шпион. — Слухи, скажу вам так, не самая надёжная вещь.

— Иногда они позволяют нам оказаться в самом эпицентре событий. Пускай и с задержкой.

— Хм, — Божек посмотрел на собеседника как будто с уважением. — Тогда и я поделюсь с вами одним интересным слухом в качестве жеста доброй воли: из всех собравшихся здесь только двоим дозволено остаться на ночёвку в замке, а не в том городке подле него.

Рентан, прекрасно осознавая, кому именно выпала такая честь, натянуто улыбнулся. Вечер, несмотря на довольно содержательную беседу, становился всё более неприятным.

Основная часть приёма продолжалась невероятно долго: лишь незадолго до полуночи Кобыслав соблаговолил гостям и артистам покинуть зал. В первую очередь потому, что, перепив в своих чрезмерных одеждах, откровенно угорел и был «отправлен» Венегилом портить своим присутствием свежий воздух. За ним последовали и многие другие, наивно полагавшие воспользоваться слабостью барона. Они, видимо, не заметили, что коморник, не оставлявший без внимания своего господина ни на минуту, за весь приём едва-едва пригубил один несчастный кубок вина, хотя умело демонстрировал следы опьянения не менее сильного, чем у господина.

Куда-то запропастился и Божек, сделав это настолько незаметно, что даже прислуживающая ему девушка-служанка не смогла ничего понять и ещё долго растерянно озиралась, не зная, как ей поступить.

Рентана же вся эта придворная возня и лесть интересовала мало, да и делать ему там было нечего. Поэтому он предпочёл остаться в замке. Благо знал его достаточно неплохо, чтобы отыскать укромный балкон на третьем этаже.

Когда-то давно это место показал ему Ярек, тогда ещё имевший право выбора и потому

предпочитавший вести длительные беседы в приятных глазу местах, желательно на свежем воздухе. Кроме того, здесь можно было говорить, не боясь быть подслушанным: для этого «наушнику» требовалось либо обладать навыками акробата и ползать по отвесным каменным стенам, либо уметь слышать через массивные дубовые двери, усиленные скрипучей половицей.

Не успел Рентан толком облокотиться и вдохнуть свежего ночного воздуха, как пол за его спиной заскрипел. Правда, по всей видимости, скорее из вежливости — дабы не напугать. Келестия шла легко, как кошка, и также беззвучно: ни шагов, ни шелеста одежды слышно не было. Лишь единожды, за добрых три метра, доска скрипнула под её изящной ножкой в каблучке.

— Мастер Рентан, — сделав намёк на поклон, поздоровалась магичка.

— Госпожа архимаг, — поклонившись как положено, сказал лекарь.

— Выберите одно слово на ваш вкус и используйте только его, — поправила не без раздражения в голосе Келестия. — Вы же не обращаетесь к Кобыславу как господин, ваше превосходительство, барон, верно?

Это был чувствительный укол. Особенно учитывая, что разговор только начался.

— Впрочем, я пришла сюда не учить вас простейшему этикету, а поговорить, — смягчилась скорее для вида магичка. — Поговорить, конечно же, не об этом, кхм, мероприятии, как было бы не прискорбно использовать данное выражение по отношению к этому невразумительному сборищу провинциалов, а о делах. И делах крайне важных.

Манера речи у неё была необычной: тягучей и плавной, но при этом без единого лишнего слова. Даже слова-паразиты Келестия использовала вполне осмысленно, насыщая ими свою речь целенаправленно, а не по привычке. Так же осторожно и аккуратно она подбирала и остальные слова. Чувствовался в этом всё богатый опыт общения в сферах, где говорить лишнего означало ставить свой статус и даже жизнь под угрозу.

— Кхм, ну если вам будет угодно, — откашлявшись, скрывая за этим удивление, ответил Рентан. — Только, боюсь, в моём случае разговоры не смогут похвастаться обилием интересных тем. Я тоже провинциал, архимаг.

— Хех, вот как?

— Странно ожидать иного от провинциального лекаря.

— Самого известного в провинции лекаря, — поправила его магичка с некоторым укором в голосе и, слегка склонив голову на бок, спросила: — так уж и не о чем?

— Пожалуй, самым интересным событием последних дней для меня является искусно сделанный гомункул, созданный, не ошибусь, если скажу, вашими руками.

Келестия с удовлетворением кивнула, словно, скажи Рентан что-то иное, она бы сильно в нём разочаровалась.

— Полагаю, мне не надо уточнять, что тело моего потерявшегося гомункула распадётся само. И что уж точно не следует делать, так это кормить им скот. Скот кормить с тем же успехом можно воздухом или обещаниями еды, — произнеся всё это, магичка вдруг сразу перешла к делу: — вы мне интересны. Интересны тем, что, во-первых, обладаете уникальным знанием. Во-вторых, вы никакой не провинциальный лекарь. В-третьих же... — она сделала небольшую паузу, которую заполнила особо коварной улыбкой, смотрящейся довольно жутко на её личике подростка, — никакой вы не Рентан.

К последнему лекарь был готов, что явно огорчило магичку, не доставив ей ожидаемого удовольствия. Был готов он с того самого момента, как понял, что данный разговор

неотвратим.

— Меня действительно зовут иначе, госпожа. Только, боюсь, что все, кто мог бы уличить меня во лжи, остались в Оренгаре и сгорели вместе с ним. Поэтому для нашего с вами, госпожа, удобства лучше использовать «Рентана». Если вам угодно — Рентан Ниоткудашний.

Вновь это оказалось своеобразной проверкой, которую лекарь прошёл. Судя по улыбке магички, именно так, как она и ожидала.

— Вы зря полагаете, что вместе с жителями Оренгарда погибло и знание. Знание ведь передаётся не только устно. То, кто вы такой, загадка лишь для тех, кто мало или недостаточно настойчиво ищет. Ищет не так, как умею искать я.

Её глаза недобро сверкнули. Келестия применяла какую-то магию, но какую именно — понять было невозможно, потому что внешне это никак не проявилось.

— Скелеты в шкафу не умеют врать, а? — припомнив недавно услышанную поговорку, грустно усмехнулся Рентан.

— Занятно, что вы знаете это выражение. Оно неместное и даже не оренгардское — с югов. Вы ведь в курсе, что полная версия звучит немного иначе? — прищурившись, уточнила Келестия. — Скелеты в шкафу не умеют врать, поэтому нельзя давать им говорить. Впрочем, вы этот момент упустили. Ваши скелеты уже рассказали мне многое. Очень многое.

— В таком случае, госпожа, мне не остаётся ничего иного, кроме как спросить: за кого же вы меня принимаете?

На лице магички проявилось недовольство, но быстро исчезло. Ей явно не хотелось устраивать здесь лекцию по истории, но она была вынуждена продолжать свою игру.

— Оренгард был уничтожен вспышкой невиданной до того болезни — Синей чумы, — начала издали Келестия, облокотившись на каменные перила, хотя заметно было, что виды окрестностей её не интересовали. — Данное заболевание создано не природой или богами, а человеком. Несколькими учёными. Самыми именитыми из которых является Фрим Мено и его компаньон Фрим Набен. Их больница, известная также как больница двух Фримов, была одним из немногих заслуживающих внимания заведений в том городишке. По слухам, между этими двумя произошел разлад, закончившийся тем, что Синяя чума вырвалась на свободу и опустошила город, который подожгли от отчаяния Охотники. — Магичка с интересом, очень внимательно наблюдала за реакцией лекаря. — Полагаю, ваше имя — Фрим, а значит, мне осталось понять только, который именно. Впрочем, на самом деле, это не так уж и важно.

Рентан усмехнулся и, некоторое время размышляя о прошлом, смотрел на затянутое тучами небо.

— Вы много узнали об этих Фримах, архимаг, — констатировал он, не скрывая огорчения и некоторой претензии.

Келестия её, конечно, заметила и отреагировала соответствующе характеру:

— Не вам ставить мне в укор любопытство! Это вы час назад слушали целую лекцию о моей родословной. — Она скривилась как от зубной боли. — Кстати, закрывая гештальт: как бы это ни было печально, но Кобыслав и вправду мой родственник. Родственник, чья лучшая кровь — моя, осталась в жилах его отца, осев там теперь навсегда.

Рентан слушал это безо всякого интереса и вдруг, даже сам удивившись, понял, что беседа, которую многое предвляло, оказалась пустым пшиком. Игрой слов. Маневрами фигур на чужой шахматной доске.

— Если вы надеетесь узнать от меня секреты Синей чумы, госпожа, — начал он,

стараясь не выказывать волнения, — то скажу так: выведать их у меня не удастся даже под угрозой смерти.

— О-о-о, поверьте, смерть для меня не является преградой, скорее напротив. Или вы наивно полагаете, я настолько плохо искушена в некромантии?

— Нет. Просто я не Фрим. Ни тот, ни другой. А про чуму знаю не сильно больше того что было написано за эти двадцать лет в книгах. Вот и всё, архимаг.

Келестия, не сильно удивляясь сказанному, скорее разочарованная этой попыткой лжи, мягко улыбнулась и слегка коснулась своей холодной как лёд рукой ладони Рентана.

— Знаете, для человека, который так хочет выглядеть искренним, у вас слишком плохая предыстория. Точнее, её нет вовсе. Кроме того, амулет, мешающий мне читать ваши мысли, тоже не добавляет доверия, — магичка наклонилась к лекарю и приблизилась почти в упор как для поцелуя. — В конце концов, как женщина, совсем недавно разменявшая третью сотню лет, скажу вам прямо: для мужчины лгун вы никудышный.

Тем не менее на этом «допрос» завершился. Магичка отстранилась и даже сделала шаг назад. Вместе с этим улетучились остатки некоего уважения, которые она высказывала до этого.

— Так или иначе сегодня ночью вы интересуете меня не как Фрим, не как знаток Синей чумы, а как Рентан, ещё точнее как врач Ярека. Как врач Ярека, вы расскажете мне всё, что знаете о его состоянии и возможностях.

— «Возможностях»? — подозревая худшее, но все же надеясь на лучшее, уточнил лекарь.

— Хотя ваши познания в магии несомненно смехотворны, вы наблюдали за Яреком и проявлениями его дара больше, чем я. Это будет полезно перед началом ритуала.

По спине Рентана пробежал недобрый холодок. Беседа окончательно ему разонравилась. В глазах же Келестии зажёгся неприятный огонёк фанатизма:

— Не думайте о плохом. Подумайте о том, что эта старая, не сделавшая ничего славного за свою жизнь развалина наконец послужит чему-то большему. Чему-то важному, — на лице магички вдобавок к фанатизму появилась мерзкая ухмылка. — Кстати, что вы знаете о истинной вере — Триединстве?

— Вы правда позволите ей сделать это, господин? — спросил вызывающе, не скрывая ни раздражения, ни даже злобы и презрения, Рентан.

Этот вопрос за эту ночь он задавал уже во второй раз. В первый раз Келестии, которая сейчас готовила зал, где ещё пару часов назад проходил приём, к проведению некоего ритуала, получив вполне ожидаемый ответ. Теперь настал черёд выслушать отказ от Кобыслава. Тем не менее поступить иначе лекарь не мог — не хватало ещё корить себя за отсутствие попытки.

Молодой барон был нетрезв и откровенно клевал носом, сидя на своём троне, подле которого стоял Рентан. Тем не менее спровадив даже Венегила, он упрямо участвовал в происходящем. Вопреки здравому смыслу и порядочности.

— Она, ихх, знает, что делает, — заплетающимся языком поведал Кобыслав, пуская томные взгляды в сторону Келестии. — Р-ритуал пойдёт только на пользу.

— Господин барон, это убьёт вашего отца! — прямо и с претензией заявил Рентан.

— У-убьёт? Как же так? — молодой барон удивился, а затем отмахнулся. — Вы сгумите... сгущамете...

— Сгущаю краски, — потеряв терпение, закончил за него лекарь и попытался ещё раз. — Ваш отец на смертном одре. Дар и так его почти доконал. Любое воздействие, я подчёркиваю, господин, любое убьёт господина Ярека. — Заметив, что и эти слова ушли в никуда, он привёл ещё более понятный аргумент: — Вы пытаетесь заставить бежать загнанного коня на последнем издыхании!

— Бежать? Коня? Вы что-то п-путаєте, речь про р-и-т-у-а-л. Такое странное слово...

Молодой барон глупо захихикал, невнятно бормоча себе под нос что-то, казавшееся ему невероятно смешным. Тем временем к ним подошла Келестия, и хотя она, судя по реакции Кобыслава, который только с трона не свалился, а слюни пускал только в путь, могла продавить своё решение, в первую очередь магичка обратилась именно к Рентану:

— Специально для того чтобы облегчить участь Ярека, по моей просьбе вы доставили из города ингредиенты усиливающего отвара. Отвара, рецепт которого вам прекрасно известен, не так ли? Кажется, в этих краях он зовётся вроде бы «Стотравный». — Лекарь нехотя кивнул. — Таким образом, рассуждая логически...

— Л-л-логически, хе-хе-хе, — подал голос совсем проваливающийся в царство сонного опьянения Кобыслав. — Лю-лю-любимая...

Скривившись, магичка сделала лёгкий, почти незаметный жест рукой, и молодой барон застыл на месте, онемев вплоть до глаз.

— Он будет в порядке, — ответила Келестия на немой упрёк Рентана.

— Вы, кажется, говорили что-то про логику?

— Да. Так вот: вы не можете предотвратить ритуал. По правде говоря, мне для этого даже не требовалось терпеть руки озабоченного кретина на своей талии, — магичка с раздражением кивнула на молодого барона. — А уж ждать вашего согласия и подавно. Тем не менее вы здесь. Тратите моё, своё и Ярека время на бесполезный спор. Спор бесполезный потому, что ваше мнение касемо моих планов я уже слышала и больше не желаю. Имеете что-то против — уходите.

Двери зала распахнулись настежь. Глаза Келестии недобро сверкнули.

— Если желаете, можете отправиться в вашу кровать. Или вовсе уехать прочь. Только прекратите стоять столбом и пытаться умереть, мешая неизбежному! Такой милости не будет: вы не умрёте, а я не отступлю.

— Вы предлагаете мне убить человека! — не поддался увещаниям Рентан. — Или поучаствовать в убийстве! Или не мешать убийству!

Магичка закатила глаза от раздражения и цокнула языком — эй это всё изрядно надоело.

— В последний раз: вы знаете Ярека и его состояние лучше моего. Значит, вы сможете приготовить отвар нужной силы и концентрации, таким образом сократив различные издержки ритуала до минимума. Хотите уйти — уходите. Мне вы не мешаете, а своему подопечному, о котором якобы так заботитесь, устройте пытку. Теперь ясно? Он умрёт, это факт, пускай и ещё не свершившийся. Так помогите ему умереть не в муках!

Это уже была неприкрытая угроза, хотя магичка и до этого не особо скрывала, что, если надо будет, она пойдёт по головам, как по травяному полю. Причём прекрасно понимая, что грозить самому Рентану ей нечем, Келестия без какой-либо задней мысли угрожала пытками беспомощному старику.

И хотя соблазн заупрячиться, стоять на своём и не двигаться был велик, лекарь всё же внял голосу разума:

— Я помогу. Но не вам, не этому полудурку-отцеубийце, а Яреку.

— Вот и отлично, — с удовлетворением кивнула магичка, махнула рукой, и рядом с ней появился ещё один гомункул, выглядящий точь-в-точь как предыдущий. — Мой слуга отведёт вас в заранее подготовленную лабораторию. Ингредиенты уже на месте.

Произнеся это, она внимательно наблюдала за реакцией собеседника, буквально пожирала его глазами. Рентан не стал изображать упрямого ребёнка, упираясь до последнего по смехотворным мелочам, хотя и мог так поступить. Не скрывая, что умеет варить Стотравник, и даже более того знает как это делать наизусть, он молча направился за гомункулом.

Келестия могла думать что угодно. Сейчас был его ход. То, что лекарь задумал, несомненно не понравится магичке. Очень сильно не понравится. Но как она не обращала внимания на пожелания других, так и он не собирался играть по чужим правилам.

Самой главной проблемой укрепляющего отвара из смеси трав, коих пускай было и не сто штук, как следовало из названия, но всё равно хватило бы на целую книгу, была необходимость точно знать нужные пропорции. Неправильно приготовленный Стотравник ничем не отличался от яда. Именно поэтому Келестии нужен был Рентан.

Готовить же отвар было не то чтобы очень сложно: Стотравник и его вариации по полному праву считались во многих частях мира «народным» лекарством. Имея под рукой все необходимые ингредиенты, соответствующий навык, помощника, зная рецепт и состояние человека, кому отвар предназначался, его приготовление занимало самое большее час. Рентан, быстро убедившись, что гомункул профнепригоден даже для нарезания корешков, справился за сорок минут.

Сам по себе правильно приготовленный Стотравник был опасен не больше чем любой другой концентрированный стимулятор при введении в ослабленный организм. Но одновременно с этим он позволил бы магическому дару Ярека проявить себя во всей красе как никогда ранее, а вот это уже было смертельно опасно. Причём без каких-либо оговорок

и призрачных шансов.

Келестия не говорила, что именно она собирается делать, но вариантов было не то чтобы очень много: либо лицезреть дела давно минувших дней, либо ещё только предстоящих.

Рентан склонялся именно ко второму варианту, хотя и первый нельзя было вот так просто списывать со счетов. Теоретически Ярек мог показать, например, сотворение мира Двенадцатью или их конфликт с Отвергнутым. Эти знания стали бы бесценным подарком миру, хотя лекарь сильно сомневался, чтобы магичку это сколько-нибудь заботило.

— Вы знали, что его дар уникален? — поинтересовалась Келестия, когда Рентан вернулся с флаконом в руках. — Такой встречается крайне редко. Большая часть его обладателей погибает в самом начале, во время первого же видения. А он, — магичка кивнула на старого барона, — отделался глазом. Глазом, ха!

Она рассмеялась. Выглядело это до крайности неестественно по той простой причине, что это была не искренняя реакция, а некое подражание ей. Учитывая внешность подростка, получилось вдвойне противоестественно. Впрочем, даже будь это иначе, Рентан бы всё равно не улыбнулся, слишком хорошо зная обстоятельства того случая: двум слугам, которые тогда пытались остановить Ярека, повезло куда как меньше.

В зале уже всё было готово: и пентаграмма, и обрамляющие её по периметру руны. Сам старый барон, пребывавший, как и его сын, в состоянии некой «заморозки», висел в воздухе примерно там, где должен был находиться во время ритуала.

— Да. Не часто встретишь «дар» настолько неотличимый от проклятия, — едко возразил лекарь. — Имейте уважение если не к своему родственнику, то хотя бы к старости — снимите его и приведите в чувство.

— Это опасно, — возразила магичка. — Во время стресса дар обостряется.

— Вы буквально собираетесь сделать то же самое!

— Конечно, но контролируя это и направляя нужным образом, — она блеснула глазами, но переходить к делу не спешила. — Уже составили список тех ужасных вещей, что я собираюсь с ним делать?

— Я и так знаю, что вы с ним собираетесь делать: нечто богопротивное. Вопрос «зачем» нахожу избыточным.

— Богопротивное, хе! — лицо Келестии исказила ухмылка. — Как раз наоборот. Я знаю, что пророчество о Трёх начало исполняться, — она сделала короткую паузу, изучая реакцию на сказанное, — и вы, судя по всему, тоже. Что, признаюсь, удивляет.

— Как связаны ритуалы и слухи о...

— Слухи уже два года как не слухи, — цокнула языком магичка. — Пророчество реально. Реальное же можно и в данном случае нужно ускорить.

— Нужно? — удивился Рентан. — Вам настолько не терпится слиться в религиозном экстазе с другими триединниками?

Прозвучало резко, и Келестии даже пришлось закусить губу — настолько её задели эти слова. Тем не менее ответила она крайне спокойно:

— Дело не в Триединстве. Дело в нашей стране, которую сейчас стыдливо на картах именуют Расколотой империей! Доля правды в этом есть, пускай и небольшая: когда-то все эти земли являлись единым государством. Это была эпоха мира, процветания и благоденствия. Не мне вам рассказывать об этом, как и о том, сколько мы живём в распрях и войнах.

Рентан поморщился от всей этой политики. Суть её всегда была одинакова: за красивыми речами скрывались очень некрасивые вещи и ещё более омерзительные поступки.

— Да, звучит не очень интересно для человека, которому осталось пару десятков лет максимум. Но я, — глаза магички снова блеснули, — намереваюсь прожить куда больше. И в отличие от вас меня волнует происходящее в мире. А вы знаете, что происходит в мире?

Она не стала дожидаться ответа, а продолжила сама, постепенно всё сильнее и сильнее распаяясь от переполнявших чувств, которые даже сдержанная Келестия не могла полностью скрыть:

— Здесь, в этом уютном захолустье, может создаться впечатление, что в мире всё хорошо, спокойно, тихо. Но если вы развеете эту иллюзию в голове и взглянете на мир трезвым взглядом, то обнаружите страшную правду. Правду, состоящую в том, что наша страна умирает. Точнее, её убивают. Убивают морские налетчики с Западных островов, которых по старой памяти ещё называют Пиратскими. Убивают рейды Северян, эти варвары, что с каждым годом становятся не только смелее, но и сильнее — за наш счёт, конечно же. Умирают восточные провинции — там пропадают целые города, и никто не знает в чём дело! — магичка выдержала очень короткую паузу, исключительно чтобы ещё сильнее подчеркнуть пренебрежение. — Лишь на юге, в этом благоденствующем краю, пока относительно спокойно, хотя распри никуда не делись. Ибо на юге Великая пустыня, естественная преграда, якобы непреодолимая. Но знаете что, Рентан? Я была там и как никто знаю две вещи: пустыня не так уж и непроходима, как кажется некоторым, а за её пределами лежит бескрайнее, очень сильное и богатое государство. Государство, правителям коего пока нет до нас дела, но это может измениться. И уж тропки через пустыню они найдут и расширят. Расширят до такой степени, что вскоре это будут настоящие магистрали, по которым к нам придут захватчики. Тогда загорится и юг тоже.

Лекарю нечего было на это всё сказать. Да и не то чтобы он собирался. Рентан не особо верил Келестии, в том смысле, что вещала она явно на эмоциях, а значит, всё остальное, вне зависимости от реальности, «подгоняла» под своё видение ситуации.

— Понимаете! — почти что торжественно подвела итог молчанию магичка. — Вам всё равно. Я же не безразлична к судьбам простого люда, просто думаю не о каждом страждущем, а о народе в целом. Судьба которого напрямую зависит от того, что за государство будет стоять над ним.

Последнее заявление показалось Рентану особенно кошунственным. Такое мог сказать либо сумасшедший, либо крайне наивный человек. Учитывая возраст Келестии, второй вариант был практически невозможен. Тогда как лишь мысль о том, что рядом с ним находится сумасшедший с такими-то возможностями, способностями, заставила лекаря вздрогнуть от страха.

— И, полагаю, мысли о народе в целом и государстве привели вас к выводу, что пару десятков лет религиозной резни — это лучший выход?

— Дальше от истины вы уже не можете оказаться, — с сожалением констатировала Келестия. — Воин интересуется меня не как бог. А как правитель. Правитель новой, обновлённой Империи, которую он создаст. Или ему помогут создать такие люди как я, — чем дальше она углублялась в эту тему, тем меньше в её голосе оставалось человеческого. — Старая Империя рухнула из-за идиотов на троне и кризиса престолонаследия. Новая будет лишена этого недостатка. Ею будет править бессмертное, практически всемогущее

существо...

— А также клика магов-советников, — закончил за неё Рентан.

— По необходимости, — спокойно, пускай и уклончиво согласилась магичка.

— Вы ошибаетесь. Насчёт последнего. Этому бессмертному существу не нужны будут никакие маги. По той же причине, по которой магам не нужны простые люди даже в качестве помощников, — лекарь указал на гомункула. — Сила и власть не терпят конкуренции. Поэтому первой жертвой этой вашей новой Империи станут не войны и раздоры, а вы и ваши сподвижники, то есть конкуренты.

— Это мы ещё посмотрим.

И хотя Келестия попыталась сделать вид, что слова Рентана её не задели, лекарь видел, что задели, и очень обрадовался этому. Магичка явно была не из тех людей, которым на регулярной основе давали отпор, хотя бы словесный.

Тем временем Келестия ещё раз внимательно и не чураясь даже ползать по полу, проверила узоры, как горели свечи, расположение рун, проделала несколько малопонятных ритуалов и наконец заявила:

— Всё готово, можно начинать.

Посчитав, что это относится к нему, Рентан сделал шаг к Яреку, намереваясь дать Стотравник, но был остановлен.

— Не сейчас. Сперва...

Поморщившись, магичка не стала ничего объяснять и приступила к понятным лишь ей самой действиям. Она перенесла старого барона в центр пентаграммы. Бросив короткий взгляд на лекаря, Келестия сотворила там кресло и уже в него усадила бесчувственного Ярека.

— Идите к нему, но отвар пока не давайте. Прежде успокойте его. Старик будет не в себе, поговорите с ним, утешьте, что вы там обычно делаете в таких случаях. Затем дайте отвар, мелкими глотками. Я буду следить, чтобы он не умер раньше срока.

Последние слова, брошенные несомненно не случайно, заставили Рентана на мгновение остановиться. Его обуяла жажда броситься на Келестию. Он бы ничего не смог ей сделать, но даже так просто глупо погибнуть и не участвовать в дальнейшем для него сейчас казалось не самой худшей альтернативой.

подавив в себе этот порыв, Рентан, осторожно ступая меж светящихся линий и дрожащих свечей, подошёл к Яреку. Тот пришёл в себя на удивление быстро — не иначе как благодаря магии. Как и говорила Келестия, он был не в себе, причём очень сильно: лепетал что-то невпопад, пытался то встать, то сползти или вырваться. Взгляд его был пуст — ни капли чего-то хотя бы отдалённо напоминающего сознание.

— Всё в порядке, господин, успокойтесь, — повторял лекарь механически, придерживая старого барона, поглаживая его по руке. — Я здесь, я помогу вам.

Слова эти, вернее, наглая ложь, резали сердце Рентана, но иначе было нельзя. Мало-помалу Ярек успокоился, хотя в сознание так и не пришёл — просто перестал вырываться, дергаться и тому подобное.

— Господин, надо выпить, это необходимо, — сказал лекарь, поднося к губам старого барона склянку с отваром.

К его удивлению, поить насильно не пришлось. Ярек вдруг необычайно осознанно и целенаправленно подал руку, будто бы сам желал взять склянку. Лекарь так рисковать не стал и поднёс напиток к его губам сам, предварительно бросив взгляд на магичку. Однако та

если и имела какое-то отношение к этому оживлению, никак внешне этого не показывала, просто наблюдала за процессом и попутно руками проводила манипуляции на висевших подле неё прямо в воздухе рунах.

— Я знаю, знаю. — вдруг, необычайно чётко и громко для своего состояния сказал барон. — Видел это, разрази меня гром, много раз! Свой конец.

Он обращался не к лекарю, и даже не к магичке. Не сразу, но Рентан понял: Ярек действительно так часто видел эту сцену, что попросту отрепетировал прощальную речь. Такое было вполне в его духе.

— Ты ничего не добьёшься, высокомерная сука. Все твои труды, все до единого, пойдут прахом. Ты окажешься в ошейнике в роли цепного пса на короткой привязи. И закончишь соответствующее, охо-хо-хо...

Ярек забулькал хохотом, который давался ему куда хуже, чем речь.

— Давайте ему отвар, — поторопила Келестия с недовольством. Похоже, эти слова не слишком ей понравились.

И хотя старому барону явно было ещё что сказать, пить и говорить одновременно было невозможно. Удивительно, но он практически не сопротивлялся, видно, предвидев и это.

Что-то происходит начало практически с первых глотков. Воздух вокруг Рентана и Ярека сделался будто бы горячим, как в летний безветренный полдень. Глаз старого барона начал светиться с каждой секундой всё сильнее. Одновременно с этим его тело напряглось, сжалось, будто перед каким-то рывком; участился пульс; расширился до неестественных размеров зрачок; побелели губы; закрипели сильно стиснутые остатки зубов.

— Прочь из круга! — холодным как лёд голосом скомандовала Келестия в ту же секунду, когда склянка опустела.

Впрочем, Рентану особое приглашение и не требовалось. Он на чисто интуитивном уровне ощущал, что сейчас рядом с Яреком крайне опасно находиться.

Не успел лекарь сделать и десяти шагов, как этот его страх подтвердился. Зал, а возможно, и весь замок вздрогнул как при землетрясении. Поднялся неведь откуда взявшийся ветер, сразу же принявшийся скручиваться вокруг старого барона в вихрь. Правда, ни один вихрь на памяти лекаря не переливался всеми цветами радуги и не обжигал, касаясь открытой кожи и глаз.

В самый эпицентр назревающей магической бури уверенным шагом, словно преодолевая некое сопротивление, но не более того, направилась Келестия. На её лице читалось предчувствие невероятного торжества — она до сих пор считала, что всё идёт по плану.

Лекарь, прекрасно зная, что будет дальше, не пытался скрыться или убежать, просто отошёл подальше и, скрестив руки на груди, терпеливо ждал развязки. Келестия была права: Рентан как никто знал своего пациента и понимал, что тот выдержит, а что нет. Чем вопреки лечебной этике и воспользовался.

Всего пара лишних кусочков корня, повышающего кровеносное давление, и Стотравник при неизменности всех своих прочих свойств становился непереносимым для слабого сердца старого барона. Причём, хотя лекарь этим совсем не гордился, результат проявился не сразу, создав по первости иллюзию, что всё идёт нормально.

Вихрь всё закручивался и закручивался, становясь больше, быстрее и горячее. Ярек же, напротив, всё сжимался и сжимался, как будто нечто давило на него со всех сторон, страшно пуча глаз. Вдруг его рот неестественно широко, наверняка до боли и крови растянув щёки и

губы, распахнулся, и оттуда раздался пронзительный высокий крик. Эти ужасающие звуки нарастающей агонии были Рентану слишком хорошо знакомы — так умирали люди, раздираемые изнутри магией. Естественной или приобретенной.

Глядя на это, Рентан рефлекторно схватился за значок Двенадцати, принявшись невпопад молиться. Келестия тем временем приблизилась к Яреку вплотную и положила руку ему на голову, ладонью на лоб. Её глаза засветились в тон глазу старого барона, а вихрь чуть успокоился и даже приобрёл некую систематичность. Цвета до этого непонятно переливавшиеся на его поверхности, начали складываться в какие-то картинки, силуэты и даже целые сцены. Увы, для наблюдателя со стороны понять, что именно они изображали, было невозможно.

Вдруг раздался крик уже самой магички, и всё это исчезло, снова слившись в цветную мешанину. Только Келестия вопила не от боли, а от злобы, разочарования и бессилия. В голове старого барона она увидела совсем не прошлое или будущее. Только агонию умирающего организма и последствия обширного инсульта.

Прекратив кричать, магичка отстранилась от умирающего и бросила взгляд, полный ненависти, на лекаря. Она всё поняла.

«С тобой я разберусь позже», — прозвучал в голове Рентана её голос. — «Смотри и начинай молиться всем своим богам, ничтожество, потому что ты умрёшь многократно хуже!»

Вокруг рук магички вновь появились светящиеся руны, которые она резким движением направила на старого барона. Тело старика под их воздействием выгнулось дугой, засветилось изнутри, даже задымилось. Ярек уже не кричал, скорее, мерзко булькал, только теперь к этому звуку добавился хруст и какое-то неестественное, очень мерзкое чавканье.

Рентан хотел бы не смотреть, не слышать происходящего, однако под воздействием чужой магии не мог не только шелохнуться, но и отстраниться, мысленно отгородиться от происходящего кошмара наяву.

— Вот как! Всё же нашлось что-то полезное в этой грязи! — вдруг прерывая свои манипуляции, воскликнула Келестия самодовольно. — Ха-ха-ха!

Вихрь на мгновение успокоился, снова приобрёл систематичность. Он демонстрировал чрезвычайно яркую сцену, какой-то пожар или что-то подобное. Посреди пламени были различимы множество человеческих силуэтов. Длилось это не больше секунды, но магичке, похоже, больше было и не надо.

Он отступила от Ярека, чьё тело охватило странное синеватое свечение. Звуков он больше не издавал ни мерзких, ни каких-либо других. Старый барон Власвы умер и теперь стремительно, буквально на глазах, обращался в прах. Не прошло и десяти секунд, как кресло опустело, не осталось даже одежды.

Магический вихрь быстро затих, напоследок затушив все источники света в помещении. Остались только горящие ненавистью и голубым светом глаза Келестии, обращённые к Рентану.

— Думал помешать мне? — раздался в полной тиши её голос с нескрываемой насмешкой. — Сделал отвар немного сильнее, чтобы я не заметила, что ты собираешься прикончить эту развалину, да? По-детски глупо. Глупо потому, что тебе не удалось. Я увидела, что хотела. Хотела больше, но и этого вполне достаточно. Теперь же...

Снова зажглись свечи и масляные лампы, неприятно ударив по глазам резкой вспышкой света. Лекарь, к своему глубочайшему удивлению, ощутил не боль, не напряжение, а свободу

— его больше ничто не держало.

— Пошёл вон, — неожиданно scomандовала Келестия и кивнула на Кобыслава, который всё так же не двигаясь сидел на своём троне. — Ни я, ни этот кретин видеть тебя более не желаем.

И хотя говорила она внешне спокойно, что-то таилось за этими словами. Что-то ужасное. Ухмылка, которая перекосила лицо магички в этот момент, была такой, будто лекарь находился прямо сейчас на пыточном столе аккурат в середине процесса. Что именно она задумала, Рентан так и не понял. Зато наглядно убедился, что произошло бы, если бы его и вправду хотели убить.

Келестия сделала пару шагов к Кобыславу, видно, намереваясь привести барона в чувство, но вдруг остановилась и глянула через плечо, куда-то в район дверей. Что именно она там заметила было неясно, но вдруг раздался очень громкий щелчок пальцами и подле неё оказался никто иной как Божек Вротобок. Судя по его мгновенно вытянувшемуся лицу и вытаращенным глазам, он был растерян и удивлён произошедшим не меньше Рентана.

— Давно надо было это сделать, — заметила магичка коротко и принялась с явным разочарованием осматривать шпиона. — Мда. Так вот чей взгляд я ощущаю на своей спине последние месяцы. Посмотрим, кому ты служишь.

— Пойдите, я всё... мои покровители...

Договорить Божеку не дали. Знакомым движением Келестия коснулась его лба, правда, на этот раз не всей ладонью, а лишь парой пальцев.

— Тьфу, — недовольно фыркнула магичка спустя пару секунд. — Даже хозяина нет, — вдруг на её лице появился звериный, кровожадный оскал. — Значит, и искать тебя некому.

Шпион тем временем пришёл в себя. Он уже всё понял, но сохранить самообладание не сумел, поэтому, трясаясь всем телом, попытался упасть на колени, попутно моля о пощаде:

— Стойте, прошу!

Было уже поздно. Келестия махнула рукой, и Божек Вротобок с мерзким звуком превратился в кровавую линию, протянувшуюся от пентаграммы аж до стены.

Стараясь не смотреть в ту сторону, Рентан, всё ожидая удара в спину, на негнущихся ногах продолжил путь к выходу. Но ему никто не мешал, не останавливал, даже издевки и те отсутствовали.

Такое странное пренебрежение было хуже любых пыток. Лекарь понимал, что магичка не разбрасывалась угрозами попусту: она не собиралась его отпускать и тем более прощать. Однако в голове старого барона увидела нечто такое, что заставило её поступить именно так, а не иначе.

Лекарю вдруг вспомнился демон в хате еретика. Демон, имевший возможность убить его самым изощрённым или мерзким образом.

«Он тоже что-то знает!» — догадался Рентан.

Уже в самых дверях он услышал фразу, подтвердившую его худшие опасения. Хотя Келестия обращалась к Кобыславу, делала она это специально так громко, чтобы прекрасно было слышно даже на другом конце зала:

— Мой любимый родственник, хочу с высочайшим удовольствием констатировать, что, как ты и хотел, я задержусь в твоих владениях ещё на пару недель. Пару недель, которую мы проведём вместе! Представляешь, оказывается, в твоих землях ещё есть на что посмотреть!

Ночь тем временем подходила к концу. Даже сквозь серые тучи, затянувшие небосвод,

был виден рассвет, расплывающийся вдаль. Интуиция подсказывала Рентану, что солнце сегодня взойдет в платье алого цвета.

В замке лекарь не намеревался оставаться ни на минуту дольше необходимого: зашёл в комнату, снял и выбросил прямо на пол, срывая злобу, подаренный наряд. Переодевшись в привычную одежду, пропахшую смесью лекарств, дорожной пыли и пота, он собрал немногочисленные вещи и отправился в путь. Рентан собирался спуститься в город, найти попутную телегу или, при отсутствии таковой, снять, а затем всю дорогу до Власвы подремать в ней. Хотя вопрос, как заснуть после всего увиденного, был открытым. Оставалось надеяться, что рано или поздно, хотя бы на пару часов моральное и физическое истощение возьмут верх над беснующимся разумом.

Замок Листвица, несмотря на поздний час, отнюдь не спал. Слуги и другие гости, пускай даже не зная, что происходит, всё равно чуяли неладное и потому были на ногах. Многие из них пересеклись с Рентаном, порой совсем не случайно — никто из них не удостоился не то что ответа, даже взгляда.

Исключением стал Венегил. Он сидел на колоде во внутреннем дворе и пытался отвратительно смердящей трубкой, понуро разглядывая свои испачканные в грязи сапоги.

— Я был против, — бросил он, заметив лекаря и то, с каким лицом тот проходил мимо.

С точки зрения Рентана, это прозвучало жалко. Как оправдание тому, что нельзя было оправдать. Лекарь, не в силах побороть желание что-то сказать, замедлил шаг, а затем остановился в двух метрах от коморника и с презрением бросил:

— Но ты здесь.

— Да, — не стал спорить или уточнять, что это значит, коморник. — Как и ты.

— Я убил Ярека, — спокойно, даже хладнокровно сообщил Рентан. — Прервал страдания старика.

— Уж не гордишься ли ты этим?

— Может, и горжусь. Может, и нет, — лекарь качнул головой. — А ты что сделал? Сколько раз с того момента, как узнал о грядущем, ты мог подняться к нему и придушить подушкой, м?

Венегил ничего не ответил. Он так и сидел, уперев взгляд вниз, даже про трубку во рту забыл, отчего та практически затухла. Рентан же, глядя на эту картину, понял, что издевается над человеком, который уже сам морально уничтожил себя, и потому молча последовал дальше. Кто и что мог сделать было уже не важно. Всё осталось позади, и изменить это не могли даже боги.

Если замок худо-бедно был освещён, то вот дорога, ведущая к городку, оказалась погружена в утреннюю полутьму практически целиком. Фонарь лекарь прихватить с собой не догадался, а возвращаться и снова сталкиваться с коморником не хотелось. Пришлось поддаться гордыне и упрямо идти по ухабистой дороге, которую даже толком видно не было.

Удивительно, но он был здесь не сказать чтобы в полном одиночестве. «Компанию» ему составляли вороны, вдруг решившие в столь ранний час исследовать окрестности Листвицы. Птиц было на удивление много, и очень наглых — к лекарю они относились с демонстративным пренебрежением, будто бы он сильно мешал.

— Всё как и всегда, — вдруг раздался вкрадчивый, очень хриплый голос у Рентана из-за спины.

Раздалось возмущенное карканье и хлопанье крыльями — птицы, почуяв неприятности, разом сорвались с места.

— Гордость и спесь стоят выше разума, — продолжил вещать голос. — Выше мудрости. Выше богов. Даже свою никчёмную жизнь вы подчас цените меньше.

Лекарь обернулся, но ничего не увидел, кроме тьмы, сгустившейся вокруг него особенно плотно.

— Да-а-а, это снова я. Твой покровитель. Твоя тень.

— У меня другие покровители! — хватаясь за значок Двенадцати, крикнул лекарь. — Что тебе надо, демон?

— Ничего. У тебя ничего нет, а мне ничего сейчас не надо. Я своё ещё возьму — потом в самом конце.

Рентан осторожно сделал шаг и убедился, что тьма, в которой он, словно в коконе, оказался, не двигается вместе с ним.

— Мы поговорим, а затем ты пойдёшь дальше, — сообщил голос спокойно и с сочувствием посоветовал: — опусти руку — устанет. Всевышние не услышали тебя там, во время ритуала, думаешь, услышат здесь, сейчас?

Руку лекарь не убрал и, конечно, не перестал воспроизводить в памяти текст молитвы.

— Неужели ты ещё не понял? Боги заняты. Им нет дела до тебя. Злая ирония состоит в том, что лишь мне — тому, кого ты ненавидишь и боишься, — не всё равно.

— Ты собираешься похитить мою душу и наслаждаться её страданиями! — напомнил Рентан гневно.

— Кто из нас не без греха? — с сарказмом заметил голос, не отрицая своих намерений.

— Что тебе надо? Говори и убирайся! Или убирайся сразу!

— Какая грозная мошка, — презрительно восхитился демон. — Скажи, там, в лаборатории этой Келестии, что ты чувствовал, пока варил отвар?

Рентан нервно сглотнул, прекрасно поняв, к чему именно задан этот вопрос. Впрочем, мгновенного ответа от него и не требовали.

— Нарезая все эти корешки и травы, в окружении мензурок, колб и котлов, ты ведь ощутил себя как тогда, двадцать лет назад, верно? Она ловко поймала тебя, признай — этот Стотравник умеют готовить даже не все алхимики. А ты, наивно врущий ей о своей личности, вдруг умеешь. Да ещё как! Оно и немудрено: твои пациенты получали такой же отвар перед тем, как умереть в агонии...

— Заткнись... ЗАТКНИСЬ! — прокричал в гневе лекарь. — Да. Ощутил себя так же, как тогда. Доволен? Теперь убирайся!!!

— Тысячи умерли на твоём столе. Тысячи, — не реагируя, продолжал с упоением, словно смакуя каждое слово, демон. — Но ты горюешь не о бродягах, сиротах или преступниках, которые захлебнулись кровью, беззвучно крича от боли. Ты винишь себя всего за одну смерть. Смерть человека, который умер мгновенно, даже ничего не поняв — вовсе не от чумы. Твой коллега, друг, брат, тот самый, никогда не врущий скелет в шкаф...

Не желая слушать дальше, Рентан бросился во тьму, не думая, что будет потом — лишь бы это прекратилось. Только бы не слышать, что было дальше. Голос и вправду замолк, а затем, омерзительно клокоча, как стая ворон, рассмеялся ему в спину. Лекарь снова стоял посреди дороги, тьма исчезла, ей на смену пришёл рассвет.

Путь до Власвы Рентан не практически не запомнил, хотя тот не был ни быстрым, ни лёгким. Лекарь спустился в городок при замке, нашёл первого попавшегося крестьянина, кинул тому чрезмерно много монет и пробормотал, что ему надо и куда, а затем провалился во тьму.

Это была не простая темнота закрытых век и не такая какую, создавал Отвергнутый. Эта тьма принадлежала персонально Рентану — его личный клубок из боли, страданий, отчаяния, обречённости и запаха горячей человеческой плоти. Так же пах Оренград в последние часы своего существования.

По его горящим, заваленным телам улицам метался человек в лохмотьях. От переполнявших его чувств он сошёл с ума, но недостаточно сильно, чтобы броситься в огонь и прекратить свои страдания. Ему мешала совесть — последний оплот разума, терпящего крушение. Именно она не позволила уйти вот так просто, без наказания. Человек в лохмотьях должен был страдать за всё содеянное. Как можно сильнее и дольше.

Вдруг среди огня и тел показался ещё один силуэт. Молодой парень брёл по улицам и не знал, что ему делать. Его шевелюра в таком-то пейзаже особенно сильно напоминала огонь, даже несмотря на грязь и копоть. Все вокруг погибли, а ему повезло выиграть в лотерею — каким-то невероятным образом иметь врожденный иммунитет к заразе, уничтожившей целый город.

Заразившись, пережить Синюю чуму было невозможно — летальность была абсолютной. По этой же причине приобретённый иммунитет к ней на весь Оренград был лишь у одного человека, который просто провёл с ней слишком много времени, исследуя и изучая творение своего злого гения.

Они встретились посреди улицы и долгое время тупо смотрели один на другого. Не было произнесено ни одного слова, не сделано ни единого жеста, но тем не менее они поняли друг друга. И поэтому дальше шли уже вместе, продираясь через улицы умирающего города.

На выходе их ждало не спасение, а ещё одно испытание. На этот раз холодом, голодом и жаждой. Их и немногих других «везунчиков» Охотники загнали в дырявый хлев, как скот, и держали там, изредка давая тухлую воду и гнилой хлеб. Так прошло целых две недели. Две невероятно долгих недели. Потом стало ясно, что среди них нет ни больных, ни разносчиков заразы, и их просто выкинули на улицу.

Некоторых забрали шныряющие вокруг маги. Охотники не одобряли подобное, но и вмешиваться не спешили. Судьба этих несчастных была наихудшей — пережив ужасы и лишения, сгнить на лабораторном столе в роли подопытных.

Локто Хорену и его безымянному спутнику повезло. Прежде чем их заметили маги, они сумели прибиться к группе паломников-триединников. Некоторое время путешествовали вместе, а затем разделились. Триединники двинулись дальше в поисках своих божеств, тогда как Локто и второй нашли караван беженцев, следующих на север к речке Власва и одноимённому городу.

Других горожан, кроме них двоих, в караване были считанные единицы. Он состоял почти целиком из людей, которые с удивлением обнаружили, сколь большую роль в их жизни играл Оренгард, хотя некоторые в нём ни разу в жизни даже не бывали. Те, кто жил за счёт земли и скотоводства, ещё надеялись как-то протянуть, пережить трудное время, пересидеть на запасах. Но вот кожевенники, рудокопы, лесорубы и многие другие — все они ринулись прочь, не питая иллюзий насчет своей судьбы.

На городских косились и плевались, но не прогнали. Общая беда оказалась сильнее страха и предрассудков. Помогла этому и харизма Локто, и умение врачевать его спутника, который упрямо не желал называть своего имени.

Впервые Рентаном он назвался уже в воротах Власвы. Спустя примерно полгода после

гибели Оренгарда. Караван, уменьшившийся за это время на две трети, застрял подле города — его не желали пускать внутрь, и даже остаться в окрестностях не разрешили. Лишь человека, чей дар к излечению болезней опережал любые повозки, решились пустить, и то на своеобразные «смотрины». Он должен был спасти всех этих людей, которые наперекор погоде, зверью, болезням и разбойникам добрались до города, а потому пришлось играть по правилам.

— Имя? — хмуро спросил стражник-сотник, старательно выводя символы в учётной книге.

— Рентан, — коротко и без всякого желания буркнул лекарь.

— Что это значит? — растерянно уточнил сотник.

— Имя.

Последовал скрип пера и новый вопрос:

— Фамилия есть?

— Нет.

Никакого удивления, только быстрое движение пером — прочерк.

— Откуда?

— Ниоткуда. Этого места больше нет.

Стражник недобро осклабился, но, глянув на человека перед собой, подавился усмешкой. Даже сняв с пояса хлыст, которым он обычно гонял особо настырных попрошайек, он не смог бы причинить человеку перед собой большую боль, чем тот и так испытывал.

Так и повелось по первости: Рентан Ниоткуда. С годами вторая часть где-то подзабылась, многие вообще были не в курсе, что знаменитый лекарь родился не во Власве или окрестностях, а остальные старались это не вспоминать уже из уважения.

А вот он сам этого не забыл. И даже двадцать лет спустя, путешествуя в стогу сена, уставший, разбитый, Рентан, пребывая в полудрёме, вновь и вновь возвращался в те далёкие дни, снова их переживая. Вновь ощущая запах умирающего Оренгарда.

Скелет в шкафу

Вернувшись во Власву, Рентан быстро забрёл в общежитие, где сменил одежду, не столько потому, что та запачкалась, сколько из-за ощущения какой-то налипшей на неё невидимой мерзости. Избавиться от мыслей и видений ужасов, случившихся ночью, это не сильно помогло, но хоть что-то. После чего настала пора отправиться в лечебницу. Разумеется, о времени на отдохнуть, собраться с мыслями и тому подобное речи даже не шло.

Лечебница мученика Эвана встречала Рентана вполне привычным образом — претензиями и придирками. Похоже, единственный человек, который здесь испытывал к нему хоть какую-то жалость, оказалась бабушка-вахтёр, подметавшая крыльцо.

— Шёл бы отсюда, милоч. Взбучка тебя ждёт.

— Так будет только хуже, — давя из себя вежливую улыбку, ответил лекарь.

— Она злая сегодня. Очень.

Кто такая «она» уточнять не потребовалось.

— А вот и наша звезда, любимчик барона! — с порога поприветствовала Рентана Миловида, которая в компании нескольких учеников собиралась на обход. — Думает, что ему теперь всё можно, и поэтому опять опаздывает.

Раздались тихие смешки. На лекаря волной накатило чувство обиды и несправедливости. Однако лишь затем, чтобы почти мгновенно исчезнуть — сил ругаться, выяснить, кто прав, кто что сказал, у него не было.

Рентан тоже периодически занимался обучением следующего поколения лекарей и также обладал властью превратить их жизнь на отдельно взятый день в форменный ад. Тем не менее молодая поросль очень хорошо чувствовала, на чьей стороне сейчас сила, и потому позволяла себе такое. Дав время похихикать, Миловида прекратила публичное унижение и жестом прогнала «свиту» заниматься чем-то условно полезным. Другим взмахом руки она пригласила Рентана для личного разговора в свой кабинет.

— Выглядишь просто ужасно, — прокомментировала женщина.

— Я не спал всю ночь, но...

— Подними руки, вытяни их перед собой, — не желая его слушать, скомандовала Миловида.

Лекарь, хотя и знал, что будет дальше, всё же, кривясь и морща губы, подчинился. Руки его, разумеется, заметно тряслись, хотя всё оказалось не так плохо, как могло бы быть. Бывало сильно хуже. Тем не менее Миловиде этого вполне хватило.

— Мда, — оценила увиденное женщина, едко усмехаясь. — Ты ведь знаешь, что до сих пор работаешь здесь исключительно потому, что твои руки обычно не ходят ходуном?

— Я не пьян, это от усталости и...

— А-а-а, — перебила его Миловида презрительно. — Думаешь, если нет запаха, то я тебе так просто поверю?

Рентан стиснул зубы и сжал кулаки, собирая остатки терпения.

— Можете не верить. Можете меня прогнать. После этой ночи мне уже всё равно.

Женщина смерила его долгим, тяжёлым взглядом, в котором боролись предвзятое презрение и глас рассудка. Вопреки обыкновению, рассудок победил, и Миловида смягчилась:

— И что же случилось этой ночью? — многозначительно поинтересовалась она, тяжело заваливаясь в своё кресло. — По городу слухи ходят. Неужели рябчики оказались недостаточно прожаренными?

— Дело не в приёме, хотя он был ужасен...

— Поверь, мог быть ужаснее.

Миловида махнула рукой в район стола, где в грудe других бумаг и писем лежал конверт, очень схожий с тем, что достался самому Рентану. Лекарь не стал любопытствовать, что там к чему и даже прикасаться к письму, но не без оснований подозревал, что в письме содержится приглашение на две персоны.

— Я не видел вчера вашего мужа.

— Конечно, не видел! — скривилась женщина. — Зачем ему такой позор — при живой жене явиться на званый приём одному! Впрочем, я тоже его не видела уже две недели, а Кобыслав всегда скупился на копии писем. Возможно, Витиас даже не знает про приглашение, — она приподнялась, так, чтобы ей было лучше видно собеседника. — А теперь ближе к сути, если можно. Меня не интересуют пирушки этого имбецила. Что там случилось?

— Ярек мёртв, — Рентан выдержал небольшую паузу, ожидая вопросов, но их не было. — Кобыслав отдал его на растерзание одной сумасшедшей магичке — это её гомункула мы нашли.

Миловида долго буравила тяжёлым взглядом стену напротив себя. Наконец она, словно не веря в сказанное, переспросила:

— Барон убил своего отца? Не верю. Он имбецил с напрочь отсутствующими социальными навыками, но не отцеубийца.

— Строго говоря, его убил я, спасая от куда более худшей участи, — не стал скрывать Рентан. — Неправильно приготовил «Стотравку» и...

— Типично для тебя, — перебила его женщина, буравя взглядом уже лекаря.

Они оба замолчали. Рентану было что сказать, и он находился на самой грани, едва сдерживая себя от того, чтобы высказать по полной. Миловиде сказать было нечего, но явно очень хотелось. Так они и смотрели один на другого несколько минут. Первой нашлась женщина:

— Мне следует ожидать визита стражи?

— Не знаю, — лекарь пожал плечами. — Из замка меня выпустили свободно. Уже зная о произошедшем.

— Хвастался им, что ли?

Снова повисла пауза, но на этот куда короче. Миловида решала, что ей делать, и размышляла над этим она совсем не долго.

— Никакой работы для тебя сегодня — это никуда не годится, — женщина кивнула на руки лекаря. — Отработаешь в другой день. Каждый час за два, ясно?

Не намереваясь спорить, Рентан собирался выйти, но его придержали за руку и тихо, но при этом грозно сказали:

— Если я узнаю, что ты кого-то убил в этих стенах — из милосердия или ненависти — стража явится за твоим сильно изувеченным телом, ясно? — Миловида не стала дожидаться ответа или иной реакции. — Мне здесь врачи-убийцы, милосердные палачи и прочие отравители не нужны.

— У меня и в мыслях...

— Ой! — перебила его женщина притворно. — А болиголов ты, наверное, склянками для повышения потенции хлещешь, а?

— Болиголов нужен тем, кому без него будет многократно хуже. И денег я за это не беру.

— Это тебя как-то оправдывает, что ли? — Миловида махнула рукой. — Катись отсюда. Видеть тебя не могу с твоим лицемерием.

Отправиться отдохнуть Рентану не дали. События настигали его непрерывно, одно за другим. Не успел лекарь ступить и десяти шагов по направлению к общежитию и вожделенной кровати, как дорогу Рентану преградил молодой гонец, разносчик вшей и писем. Было ему на вид лет двенадцать, и он был настолько худ, грязен и взъерошен, что определить его пол просто не представлялось возможным. Как и по звонкому голосу:

— Дяденька, письмо м-мастеру Рентану! — словно хвастаясь, заявил гонец, улыбаясь всем своим беззубым ртом.

Вручив письмо, он стал навязчиво, пускай и без слов, требовать оплаты. Лекарь же тем временем обнаружил на конверте две интересных надписи: «Общество беженцев Оренгарда» и «Доставка оплачена».

Монетку гонцу Рентан всё же бросил, правда, далеко не такого номинала, как тот рассчитывал.

— Дяденька, здесь слишком мало.

— А-а-а, прости, сейчас добавлю, — лекарь демонстративно стал закатывать рукав. — Счас как добавлю! Научись читать, прежде чем врать!

Однако гонец получать добавку не собирался и, ловко уклонившись, бросился прочь, не забывая на ходу верещать:

— А вот и не догонишь! Старый скряга!

Прямо на ходу он подхватил с мостовой комок конского навоза и запустил в лекаря. К счастью, не попал, но судя по хохоту это было и не важно.

Убедившись, что в него больше ничего не будут кидать, Рентан отошёл чуть в сторонку и вскрыл письмо. Ничего интересного по тексту он не нашёл — обычное, немного настойчивое, абсолютно стерильное в плане официоза приглашение зайти по такому-то адресу.

Что это за организация такая «Общество беженцев Оренгарда» лекарь прекрасно знал, так как регулярно платил взносы, хотя сам из общего фонда ни разу не взял ни гроша. Возглавлял её Локто Хорен, и он же, судя по подписям и почерку, был отправителем. Почему своё приглашение он оформил именно так, Рентан гадать не стал: идти было не так чтобы далеко, и проще всего выяснить, зачем вся эта конспирация — это спросить у главного конспиратора.

«Общество беженцев Оренгарда» располагалось, разумеется, по чистому совпадению, там же, где и магазинчик «Лучшая тысяча зелий Кальциниуса», владел коим не некий чудаковатый тип со странным именем, а вполне обычный Локто Хорен. О том, где остальные не столь хорошие зелья, хозяин непременно с улыбкой отвечал что-то вроде:

— У моих конкурентов, разумеется. Рискнёте проверить?

Рисковали немногие. Справедливости ради — обман покупателей или чрезмерная экономия на ингредиентах в число недостатков Локто не входили. Этим-то продаваемая им продукция и выделялась в первую очередь.

«Лучшая тысяча зелий» располагалась, как говаривали местные, ссылаясь на давние времена, «на стыке двух городов» — аккуратно возле крупнейшего моста через Власву. Для торговли это было наилучшим местом в городе — из-за непрерывного потока людей. А вот для желающих добраться туда из остальных частей города, особенно с той его части, что располагалась на левом берегу реки — нет, из-за постоянной толкучки, заторов и грязи под ногами. Ни одна мостовая здесь не держалась дольше пары месяцев — всё из-за близости реки и интенсивного движения. Называлось это всё соответствующе — Чумазой набережной.

По дороге к Локто Рентан успел вкусить все прелести данного района: и с криком потолкаться, и лишь чудом избежать участи быть перееханным возом, и, конечно же, измазаться в грязи.

«Лучшая тысяча зелий» как обычно заманивала свежескрашенным фасадом и магически поблескивающей вывеской, которая ночью наверняка смотрелась особенно красиво.

— К хозяину, он у себя? — стоя на пороге и отряхиваясь, спросил Рентан у продавца.

Тот, отвлекшись от других посетителей, хотел было прогнать невзрачно выглядящего грязнулю, но, прищурившись, опознал в нём лекаря и указал на дверь за спиной.

— У себя, — его лицо перекосила мерзкая ухмылка, — но он не один.

Спрашивать, с кем именно мог быть Локто рано утром, не имело всякого смысла — решать дела, связанные с торговлей, он предпочитал во второй половине дня.

— Всегда мечтал познакомиться с девушкой, носящей имя Рогнеда, — ухмыльнулся в ответ Рентан.

— А это не она. Какая-то девица явилась вчера ближе к ночи. С тех пор гостит.

— М-м-м, а говорил «не сезон», — не особенно удивился такому повороту лекаря и с позволения продавца направился во внутренние помещения магазинчика.

Там скрывался целый лабиринт из коридоров, проходных комнат, тупиковых комнат и лестниц. Локто, перестраивая это здание под себя несколько лет назад, попытался совместить несовместимое, попутно нарушая правила геометрии в части соблюдения объемов. Помимо самого магазина в «Лучшей тысяче зелий» имелись также алхимическая лаборатория, склад, включавший и ледник, подвал, небольшая канцелярия, рабочий кабинет Локто, а также несколько жилых комнат, неопределённое количество кладовок, кухня, и уборная с внушительных размеров медной ванной, вызывающей зависть у половины города. Всё это каким-то неведомым образом умещалось не в самом крупном трехэтажном строении.

Заблудиться здесь было легче лёгкого, и лишь богатый опыт посещения данного места неизменно спасал Рентана. И этот раз, несмотря на измученность, исключением не стал. Искать дельца лекаря даже не думал. Вместо этого сразу же направился к нему в кабинет. Локто, разумеется, отсутствовал, но дверь оказалась открыта, что Рентан посчитал вполне достойным поводом зайти.

В нос ему сразу же ударил густой запах чернил, пыль и невероятная сухость. Последнее объяснялось очень просто — здесь хранилось огромное количество различных бумаг, от договоров и контрактов до редких рецептов, поэтому с сыростью боролись всеми доступными средствами, включающими и магию. Только с её помощью и никак иначе во Власве, особенно так близко к реке, можно было добиться настолько впечатляющей сухости воздуха.

В целом, кроме кип бумаг, ящиков для кип бумаг и шкафов для ящиков с кипами бумаг, здесь было только окно с мутным стеклом, рабочий стол со всем необходимым инвентарем, массивный сейф и два кресла. Опытный Рентан без всякого стеснения плюхнулся именно в «хозяйское». Второе, то, что стояло напротив, выглядело точно так же, но зная Локто, можно было предположить, что гости сидели с куда меньшим комфортом, чтобы не засиживались.

Ждать пришлось довольно долго. Рентан успел изучить добрую треть бумаг на столе и даже поправить пару рецептов, прежде чем явился явно запыхавшийся Локто. Судя по халату, безуспешно скрывавшему ночную рубаху, и общей растрепанности — прибыл он аккуратно из кровати.

— Неужели мне удалось помешать измене знаменитой Соловушке? — не скрывая некоторой надежды, поинтересовался лекарь.

— В основном тебе удалось помешать моей краткой попытке поспать, — в тон ему возразил делец. — А Рогнед... кхм, Соловушка тут каким боком?

Лекарь в ответ только развёл руками, даже не предпринимая попытки встать с места. Как и ожидалось, в гостевое кресло делец даже не подумал сесть, вместо этого попытавшись освободить своё.

— Не по тебе креслице-то! Оно на меня рассчитано!

— Я заметил. Понятия не имею, как тут нужно раскабаниться, чтобы занять хотя бы его треть.

— Вот именно!

Однако Рентан, несмотря на некоторое неудобство, даже не пошевелился, но Локто просто так отступать не спешил:

— Или, может, ты наконец решил почувствовать себя на месте человека, который занят чем-то по-настоящему важным? Чем-то достойным своего таланта в полной мере?

Рентан поморщился от последних слов.

— Я как-то знавал человека, который так же оценивал мой талант. Правда, тогда он был уверен, что я уже занят чем-то важным и чем-то достойным моего таланта.

— И что было дальше?

Лекарь не стал отвечать, только выразительно поморщился и напомнил:

— Кажется, ты хотел меня видеть?

— Да, только не думал, что Миловида тебя отпустит вот так сразу же. — Локто ехидно ухмыльнулся, почёсывая щёку. — Неужели поверила приглашению?

— Она его не видела, но уверяю, если бы увидела, больше бы ты из лечебницы живым не вышел.

— А ещё лекарями завётесь! — притворно возмутился делец. — Разве вы не должны облегчать страдания там, врачевать, м?

— Поверь, те, кто лечит людей, лучше кого бы то ни было знают, как причинять страдания и увечья, — сказав это, Рентан вернулся к прежней теме, демонстрируя трясущуюся руку: — Миловида меня выгнала на сегодня.

— Зная тебя и твоё отношение к местному алкоголю, предположу, что это совсем не из-за весёлых возлияний в интересной компании? — поинтересовался Локто, который не мог не заметить, в каком состоянии находится его собеседник.

— Ты не совсем прав. Эту ночь я провёл в компании одной, м-м-м, выдающейся особы и затейливого шпиона. Это вполне можно назвать интересной компанией. Правда, веселья

мною замечено не было, — лекарь помрачнел, вспомнив произошедшее, и добавил: — лучше бы я перебрал дешёвого пойла и нашёл себя поутру в чьей-нибудь кровати, о чём бы долго ещё жалел.

Локто, видно, поняв, что кресло отвоевать не выйдет, нехотя присел, но не в гостевое, а на краешек стола.

— Вижу, по небывалому словоизлиянию, тебе есть что рассказать, да?

— Могу сказать про тебя то же, разве что в качестве аргумента приведу тот факт, что у тебя кто-то гостит. И этим кем-то, судя по оговорке в начале разговора, ты был «занят» всю ночь.

Как это ни странно, но делец словно бы и не заметил лёгкого укола, таившегося за этими словами. Словно его волновало совершенно иное.

— А-а-а, это, — глаза Локто нервно забегали, — это, м-м-м, важно, но подождёт. Так что там случилось, в Листвице-то?

Рентан пересказал увиденное, хотя и не пытался передать все краски произошедшего — только суть и некоторые свои догадки. К концу повествования Локто, вопреки обыкновению, совершенно позабыл про улыбочки и шуточки. Он молча подошёл к сейфу, что-то там пощёлкал и покрутил, после чего водрузил на стол пузатую плетеную бутылку с двумя рюмками, которые почти мгновенно оказались наполненными. Компанию им составляла мутная банка с маринованными овощами, не для еды, как элемент антуража.

— Пей, — не терпящим отказов тоном сказал делец и пояснил: — это не местное. Забыл название — какой-то там бальзам. Мёд, спирт... и что-то там ещё.

Судя по запаху, ударившему Рентану в нос, только он успел поднести рюмку — травы, причём в весьма оригинальном сочетании.

— За Ярека, — поднял тост лекарь и залпом выпил.

Вкус оказался вполне ожидаемым: терпкий, горький, очень крепкий напиток. А вот послевкусие приятно удивило — лёгкая сладость, вместе с которой пришёл бодрящий и одновременно расслабляющий эффект.

— Худшее в этом напитке — его цена, — прокомментировал, смакуя, делец. — Но оно того стоит, а?

Рентан в ответ молча жестом предложил налить ему ещё. В этот раз уже Локто произнёс тост:

— За спокойные времена! Кхе...

Второй подход оказался куда как хуже первого — сказывалась крепкость напитка и то, что приятный расслабляющий эффект в этот раз проявился куда менее ярко.

— Что собираешься делать? — выдержав небольшую паузу, спросил Локто с тревогой.

— А что могу? Пожалуюсь сегодня тебе, а завтра Цимону. Буду работать и делать вид, что всё в порядке. Ничего нового.

Ответ как будто бы успокоил дельца — тот аж выдохнул. Он явно ожидал чего-то иного. Тем не менее это были ещё не все тревоги Локто за друга:

— Тебя не волнуют эти мрачные предсказания? Сколько раз тебе за последние дни пророчили неприятности?

— Не знаю, не считал, — соврал Рентан, для вида пожимая плечами. — Пророчить можно разное, как выйдет на деле — одни боги знают.

— Если я правильно понял твой рассказ, то один бог тебе и напроорочил... — призадумался, поглаживая волосы, Локто.

— Отвергнутый никакой не бог, он лишь тень бога — всё худшее, что есть на свете, — перебил его, поправляя, лекарь. — И ты бы следил за словами — за это можно отправиться на костер. Особенно, если это услышат Охотники.

— Судьбы не избежать, — сообщил кисло делец, но дальше развивать эту тему не стал, вместо этого сосредоточившись на том, чтобы равномерно, не пролив ни капли, наполнить рюмки в третий раз.

— Так кто у тебя гостит такой необычный? — поинтересовался Рентан. — И как это касается меня?

Как он и ожидал, руки Локто задрожали, и часть напитка полилась мимо. Делец, прекрасно поняв этот манёвр, гневно посмотрел на лекаря, с претензией поинтересовавшись:

— Не мог подождать? Что, я так часто тебе вру, что нужно вот это вот всё?

Рентан виновато улыбнулся — он и вправду переборщил.

— Пей, — снова скомандовал Локто. — Рассказ потом.

— Хочешь довести меня до кондиции. Зачем?

— Затем. Пей.

Делец, мгновенно опустошивший свою рюмку, принялся внимательно, немного косоглазая, наблюдать за другом, а когда тот тоже закончил пить, нервно облизнул губы и мрачно, неторопливо сообщил:

— Вчера вечером ко мне явилась девушка лет двадцати-двадцати пяти, сообщившая, что ищет отца. Некого Фрима из Оренгарда.

Пустая рюмка выпала из рук Рентана, со звоном упав на стол, и принялась с неприятным звуком кататься туда-сюда.

— Мало ли, кгхм, — голос лекаря дрожал, — мало ли в Оренгарде было Фримов.

Трясущейся рукой он остановил рюмку и затем, поняв, как это всё выглядит, быстро убрал руки из поля зрения собеседника.

— Я тоже так подумал и поэтому уточнил, кто такой, чем занимался и всё такое, — не выражая ни капли веселья, рассказал Локто и тяжело вздохнул, переходя к самому неприятному. — Знает только, что Фрим из Оренгарда...

— И что он — лекарь, верно? — уточнил нетерпеливо Рентан.

— Да.

Делец терпеливо и не выражая никаких эмоций на лице ожидал реакции собеседника. Тот помолчал немного, покрутил в руке рюмку, разглядывая появившуюся из-за падения трещину, и лишь затем сказал, как можно осторожнее подбирая слова:

— Возможно, я знаю, о ком идёт речь. Но мне нужно с ней поговорить.

Снова повисла пауза. Локто, мерно краснеющий от переполняющих его эмоций, тоже долго выбирал слова для ответа. А когда подобрал, его голос дрожал от напряжения:

— Рентан, я з-знаю из Оренгарда только двух Фримов-лекарей. Тех проклятых богами с-сучьих в-выродков, которые ставили экс-эксперименты на людях и п-погубили мою с-семью и весь г-город! Это ведь, мгхм, ведь это, гхм, ты ведь...

— Локто, я Рентан, — успокоил его лекарь, привстав, положив руку на плечо и глядя ему прямо в глаза. — Верь мне. Эта девушка — не моя дочь. Могу поклясться. Это не мой скелет, начавший говорить из шкафа. Хотя её отца я, скорее всего, знаю.

По ответному взгляду стало ясно, что Локто очень хочет поверить в сказанное, но не может. Рентан же, как он ни пытался врать правдоподобнее и убедительнее, тоже не смог

выдавить из себя нечто выдающееся. Тем не менее к некоему консенсусу они всё же пришли, причём даже без обсуждений: делец сделал вид, что верит, лекарь глазами пообещал в обозримом будущем рассказать более правдоподобную версию событий.

— Ты дашь мне с ней поговорить? — деликатно осведомился Рентан.

Локто нехотя кивнул, а затем отстранился и, ничего не говоря, сделал большой глоток прямо из горла бутылки. Стало заметно, что он рефлекторно раздавил ту рюмку, что держал, в мелкую стеклянную крошку, сильно поранившись, но даже не заметил этого.

— Только, кхм, — он закашлялся, да так, что лекарю пришлось встать и хлопнуть по спине, — учти, она, кх, многое пережила...

— Мы все многое пережили, — заметил без претензий, но твёрдо Рентан.

— Да. Но не все ставят это в обиду всему остальному свету. Тьфу...

Только сейчас делец заметил состояние своей ладони и, поморщившись, начал искать, чем перевязать.

— Промыть надо, — сообщил Рентан сочувственно. — Горячей водой или вином. И только потом перевязывать...

— Богатый опыт, хех? — натянуто усмехаясь, предположил Локто.

Для этого несомненно непростого разговора Рентан решил выбраться из «Лучшей тысячи зелий» — там было слишком тесно, душно и постоянно кто-то ходил, нороя подслушать. Гулять по городу тоже было не лучшей идеей, хотя погода стояла отличная, сама Власва бурлила, как разбуженный осиный улей — так нужных для такой беседы покоя с тишиной на улицах было сейчас не найти. Конечно, самым простым и очевидным вариантом оставалось пойти в любой минимально приличный трактир, коих в центре города хватало, снять там закуток и поговорить, но лекарю очень не хотелось поступать именно так.

Судьба расставила всё по своим местам, потому что пока Рентан терзал себя сомнениями, Локто вышел за гостьей, но вернулся не в компании молодой девушки, а лишь с непередаваемым удивлением наперевес.

— Ушла, — сообщил он коротко. — Часа полтора назад.

— Ты не сказал ей подождать там или...

— Сказал, — растерянность на лице дельца сменилось недовольством. — Кто ж меня слушать-то будет?

— Может, она сообщила кому-то куда идёт? — предположил Рентан, начиная догадываться, с кем имеет дело и, соответственно, куда нужно идти.

— Хе, — усмехнулся, — нет, но сообщила, куда может пойти каждый, кому это интересно.

Это несомненно расплывчатое описание окончательно убедило лекаря, что прежде всего идти надо к городской страже — туда, где неизменно оказывались любые смутьяны. Благо, их казарма с темницами предусмотрительно пряталась аккуратно в самом центре города, за зданием городского совета. Впрочем, даже туда идти не пришлось.

Неизменным развлечением толпы во Власве являлись мелкие преступники, коих заковывали в колодки. Располагались те на специальном помосте в самом центре города. Впрочем, сегодня рядом как раз строили иной источник веселья — ещё один помост, но не для пыток и издевательств, а для артистов.

Только увидев это, Рентан вспомнил, что близится главный праздник года — пир Винарда, праздник урожая, знак смены времён года, перерождения и возрождения.

Сегодняшний набор «актёров» не был особо разнообразен: пара мужиков, судя по синякам на лицах, оказавшихся здесь за драку, да молодая девица, громко и ярко поносившая всех вокруг.

— За что она здесь?

Подходя к стражнику в клетчатой котте, сторожившему преступников, который зевал, опершись на алебарду, спросил Рентан, указывая на девушку.

— Оглох, что ли? — поморщился стражник, поправляя съехавший, явно натирающий шлем. — За это самое в адрес самого этого, как же ж его там...

Лекарь не стал мучить беднягу, заставляя угоревшего на солнце человека работать головой, просто сунул пригоршню монет.

— Я её забираю. Спросит кто — скажи, что пришёл мастер Рентан по просьбе святейшего Цимона и...

— Так же ж она же ж его и того, ну этого, — вдруг заблеял стражник.

— Значит скажешь, что он передумал, — подумав, лекарь добавил на всякий случай. — Передумал по просьбе мастера Рентана.

— Р-рентана... — невнятно повторил стражник, уже успевший спрятать деньги, но не спешащий идти выполнять просьбу. — Лекарь, стало быть?

В его голосе появился интерес того рода, который обычно заканчивался полным осмотром тела. Особенно часто — нижней его половины. Рентан поморщился, на это у него не было ни времени, ни желания.

— Зайди в лечебницу мученика Эвана и скажи, что от меня.

Стражник нехотя кивнул, похоже, не очень настроенный следовать совету, и направился, гремя ключами, освобождать не прекращавшую всё это время грязно ругаться преступницу.

Девушку, которая гостила у Локто, звали Вилорой. И хотя делец всё же назвал её имя, в этом не было необходимости. Рентан узнал её с полувзгляда даже полусогнутой в колодках — по лицу. Не в последнюю очередь потому, что пока шёл сюда, непрерывно прокручивал в голове облик той крохи, которую двадцать лет назад неоднократно видел и даже держал на руках в Оренгарде. Конечно же, она выросла и изменилась, но эти черты лица, доставшиеся ей от отца, и волосы матери ни с чем нельзя было спутать.

По Вилоре очень хорошо было видно, что её детство и юность, да и последующие годы, не были ни счастливыми, ни сытыми, ни спокойными. Такое всегда находило отражение во внешности. В первую очередь в волосах — короткая, кривая, явно сделанная собственными руками буквально наощупь стрижка многое могла рассказать о том, чем живёт человек. Есть ли у него возможность регулярно мыться и деньги на цирюльника. Про наличие дома и говорить было нечего.

Не меньшее сообщала и худоба: телосложение у Вилоры как для девушки было весьма неприглядным. В её случае выражение «кожа да кости» вполне могло сойти за комплимент, ведь в некоторых местах из-за лёгкой формы оспы, которую тем не менее запустили в своё время, кожа превратилась в натуральную чешую.

Одежда на удивление была нормальной, хотя и несколько не по размеру — краденая или просто найденная на свалке. То же самое касалось и обуви. Конечно же, никаких украшений или чего-то похожего на них.

После этого печальнее всего было смотреть на лицо Вилоры. Нет, оно не было ни уродливым, ни даже некрасивым. Кожа чистая, без шрамов и следов той самой запущенной

оспы. Напротив, это было лицо девушки, которая могла вырасти красавицей, умницей, с огоньком в голубых глазах. Но не выросла, и Рентан, чьё сердце обливалось кровью, прекрасно это видел.

— Ты ещё кто такой? — разминая затёкшие конечности, поинтересовалась девушка с вызовом. — И чё тебе от меня надо?

Судя по её презрительному взгляду, ситуацию она истолковала максимально превратно, что лекарь поспешил как можно скорее развеять.

— Я Рентан, ты искала разговора со мной.

— Нет, — поморщилась Вилора. — Я искала папку своего — Фрима из Оренгарда или кого-то, кто его знает.

— Ты нашла, это я. — Рентан покосился на людей вокруг, которые развлекались, кидая гнилые овощи в оставшихся преступников, и предложил: — Давай вернемся к Локто и...

— Нет! — резко прикрикнула девушка, отстраняясь. — Никуда я с тобой не пойду.

В её голосе и глазах чувствовался практически страх и ненависть той, кому слишком часто после таких предложений причиняли вред. Впрочем, на этот раз Вилора сообразила, что её агрессия беспочвенна, и поэтому она смягчилась, правда, идти она всё равно никуда не собиралась.

— Так ты, то есть вы мой...

— Я знал твоего отца, — поняв, к чему это, ответил на незаданный вопрос Рентан. — Очень хорошо знал.

— И меня знаете? Так, кхм, смотрите... — спросила девушка, внимательно всматриваясь в собеседника — она его не узнавала.

Говорила Вилора с заметной хрипотцой и то и дело покашливала — ещё один «подарок» на всю жизнь от оспы.

— Знаю, — не стал отрицать очевидного Рентан. — Точнее знал когда-то в другой жизни.

Вилора стояла и слушала это абсолютно неподвижно с непроницаемым лицом. Она ничего не спрашивала, не уточняла, не просила привести каких-то доказательств, просто молчала.

— Как ты выжила там? — когда пауза откровенно затянулась, спросил лекарь.

Девушка, закусив губу, отвернулась, буркнув:

— Хотела жить и выжила.

Других подробностей не последовало, и, как подозревал Рентан, оно было к лучшему. Подумав, он решил вернуться к прежней теме:

— Я знал твоего отца и мать, мне очень жаль.

Эти слова оказались ошибкой. Вилора вспыхнула, как стог сена, в который бросили факел.

— Очень жаль, что знали? Или очень жаль, что я не подошла там с остальными?

— Мне очень жаль, что... — лекарь от такого выпада потерялся в собственных словах и не нашёлся, что сказать.

Немало способствовало этому и то, что стояли они посреди отнюдь не безлюдной площади. И если Вилоре это скорее играло на руку, то вот Рентану это серьёзно мешало сосредоточиться.

— Ну? — поторопила его девушка. — Чего тебе там жаль?

— Жаль, что с тобой это всё произошло, — наконец выдавил из себя Рентан.

— Вот как, — не особо поверила Вилора. — И что мне с того? Что мне с твоей жалости?! Ты говоришь и ведёшь себя так, будто мы знакомы, а я тебя даже не знаю! Кто ты такой, кем был там, кто ты такой здесь. Так что оставь свою жалость при себе.

Лекарь аж оступился, так сильно его ранили эти слова. Тем не менее он не бросился откупаться или извиняться, заранее понимая, что сделает лишь хуже — так шансов на то, что его помощь примут, вообще не было.

— Я был другом твоего отца. Да и семьи тоже. В каком-то смысле являлся её частью. Меня ты не помнишь, потому что, когда всё случилось, тебе было, если не ошибаюсь, без малого четыре года.

Девушка покосилась на него с неодобрением, но всё же немного успокоилась и смягчилась.

— Мой папка — каким он был?

Рентан посмотрел на неё и понял, что это не интерес человека, слишком рано потерявшего родителей. Не интерес из любопытства. Не попытка восполнить белые пятна. Это проверка. Вилора уже выбрала для себя «верную» трактовку, а все остальные загодя объявила враньём. Тем не менее, понимая, что, вероятнее всего, после этого беседа завершится, лекарь рассказал:

— Фрим Мено был удивительным человеком. Ярким, уверенным в себе и своей правоте. Он обладал умением чувствовать суть вещей, даже когда не понимал, что перед ним такое. Он любил свою семью и особенно тебя — ничего дороже на свете для него не было.

Реакция была ожидаема, пускай и последовала не сразу.

— И всё? — подбоченившись, с нескрываемой ненавистью спросила Вилора, а затем, повысив голос, повторила вопрос: — И всё?! Больше вам нечего о нём сказать, только зауспокойную чушь?! За кого ты меня держишь? За дурочку?!

— Послушай... — отчаянно попытался Рентан, но, конечно же, впустую.

— Это ты послушай себя — ты ведь якобы знал этого Фрима Мено! А значит, знаешь, что он сделал! Что из-за него... — её голос дрогнул, и она запнулась, перескочив сразу через несколько предложений. — Из-за него я через это всё прошла! Ты хоть представляешь себе, через что прошла?!

— Представляю, — вдруг перебил её Рентан, становясь против своей воли холодным, высокомерным и отрешённым. — Думаешь, ты первая встреченная мною на этом свете бродяжка? Или единственный ребёнок, спасшийся из Оренгарда?! Ты хоть представляешь себе, сколько детей было в том караване, который привёл нас сюда, в этот город? Как перед нами закрывали ворота многих других, куда более близких мест? Как нам запрещали покупать продовольствие даже с многократной переплатой? Как нас гнали отовсюду, словно чумных?

Вилора молчала. Взгляд её сделался стеклянным, но не лишённым некоторой осмысленности. Она прекрасно понимала и представляла, о чём идёт речь. Просто впервые в жизни этот обиженный, напуганный человек, которого лишили детства, задумался о том, что он не какой-то исключительный. Что через ужасы прошли очень и очень многие.

Рентан тем времен продолжал, распаяясь всё сильнее, отчего голос его становился каким-то механическим, похожим на голос бухгалтера, считающего убытки:

— Представляешь, скольких детей, которые шли с нами, закопали ещё тёплыми, а иногда даже живыми, ведь их нечем было кормить, и это считалось милосердием? Сколько не выдержало той зимы? Сколько потонуло в весенней распутице, падая от усталости?! —

расплывшись, лекарь вдруг схватил растерянную донельзя таким яростным отпором девушку за плечи и хорошенько встряхнул. — Сто две девочки и семьдесят семь мальчиков мы похоронили по пути сюда. Ни одному из них не было даже десяти. Всех я знаю поименно и делал всё, чтобы они выжили. Недоедал, недосыпал, но делал!

Поняв, что эта сцена привлекает слишком много внимания, Рентан глубоко вздохнул и отстранился, отступив почти на метр в сторону. Лишь после этого он закончил уже с меньшим рвением, но всё так же отстраненно механически, как и прежде:

— Говоришь, что ты прошла через ужасы? Так вот: ты через них хотя бы прошла!

Лекарь сделал ещё шаг назад, поправил одежду, хотя это не требовалось, вздохнул и, прежде чем уйти, уже обычным своим голосом бросил через плечо:

— Не тебе рассказывать, каким ужасным человеком был Фрим Мено. Я... кгхм, он этого не заслужил! Захочешь остаться в городе — обратись к Локто, он поможет с жильем и работой. Прощай.

Развернувшись, Рентан, стараясь не обращать внимания на взгляды прохожих, побрёл прочь от Вилоры, которая так и стояла с раскрытым ртом, словно её окатили холодной водой, не зная точно ни куда направляться, ни с какой целью. Ему было безумно стыдно за всё сказанное. А ещё очень страшно, что девушка заметит случайную оговорку и неверно её истолкует, или напротив — верно.

Эта вспышка гнева, эхо чего-то давнего, практически исчезнувшего, испугала Рентана ничуть не меньше, а может, даже больше, чем Вилору. Он-то по наивности думал, что разучился быть таким, забыл, каково это — видеть мир с высоты сухой статистики, где одна жизнь ничего не стоит, если ей противопоставляются десятки или сотни жизней. Как легко игнорировать чужое горе, просто ставя себя выше него или приводя в оправдания страдания других, будто речь шла про какое-то уравнение.

Лекарь шёл по улицам Власвы и не понимал, куда идёт, вообще с трудом осознавая, что происходит. В его ушах звенел отдалённый, очень звонкий детский крик, женские смешки и ещё чей-то голос, мужской, очень уверенный, порывистый, как ветер, как будто его собственный.

Очнулся Рентан лишь тогда, когда заметил, что уже некоторое время стоит и тупо смотрит на дверь дома, где располагалось его общежитие. Видимо, он стоял здесь достаточно долго, потому что как раз в этот же момент дверь открылась, и оттуда показалось худощавое, бледное лицо владельца дома — Витиаса.

— С-с вами всё в порядке, м-мастер? — проблеял он, как и всегда невнятно.

— Да, просто, просто... задумался немного.

— В-вы здесь стоите почти п-полчаса...

— Значит, много задумался, — Рентан выдавил из себя дежурную улыбочку и собирался было пройти вовнутрь, но, как оказалось, Витиасу ещё было что сказать.

— В-вы ведь видели М-миловиду, м? К-как она там?

В его голосе странным образом смешалось беспокойство и надежда. Этот человек настолько долго жил в качестве бесправной тени своей жены, что уже по привычке за неё беспокоился, одновременно с этим мечтая о её смерти, как о освобождении. Лекарю стало мерзко.

— С ней всё в порядке, — буркнул он. — Могли бы зайти к ней. Если переживаете.

— Д-далеко, и н-не было времени! — не подумав, выпалил Витиас и трусливо скрылся.

Видно, ему стало стыдно за эти слова: крышу лечебницы, если знать, куда смотреть,

было видно с порога общежития. Впрочем, Рентану было не до осуждения кого-то. Ему срочно требовался отдых.

Сгорбившиеся возле кострища бродяги с удивлением наблюдали, как на дороге возле тупика, где они прятались от стражи и непогоды, остановилась массивная карета цвета обсидиана, двигавшаяся без лошадей или иных животных. Часть нищих сразу же бросилась наутек, чуя опасность, но многие остались, не располагая такой ловкостью и запасом сил, чтобы пытаться убежать.

Они с интересом, перемешанным со страхом в равных пропорциях, наблюдали за тем, как из кареты выходят двое абсолютно одинаковых лысых мужчин с татуировками на висках. Как те достают несколько массивных корзин, укрытых полотенцами. Как корзины опускаются перед входом в тупик.

— Подарок от барона Кобыслава в честь наступающего праздника.

Говорили не мужчины. Голос был женским, как будто подростка, да и рты странных близнецов даже не дрогнули.

— Ешьте и пейте в честь Винарда!

Затем карета и странные визитёры удалились, поехав дальше. Первой осмелилась приблизиться к каретам рослая, немолодая, некрасивая женщина, умудряющаяся сочетать лохмотья бродяги с весьма гордой походкой.

— Еда! — раздался её полный удивления грудной голос. — Целая корзина жратвы!

— Ну ты даёшь, Целе, верно говорят — Чудная ты! Вечно тебе везёт! — будто в произошедшем была какая-то заслуга женщины, заявил другой житель подворотни.

Не прошло и пяти минут, а вокруг корзин уже шёл бой не на жизнь, а на смерть — внутри оказалась столь вожделенная многими в тупике еда. Вкусная, свежая, до сих пор пышущая жаром печи. Конечно же, на всех её не могло хватить. Даже будь неожиданный подарок раз в десять больше.

Таких «сражений» и, соответственно, предваряющих их вручение корзин, полных еды, в ту ночь по всей Власве произошло несколько десятков. К утру об этом знала половина города, но на уровне слухов. Загадочная карета, как корзины, а следом и объедки, бесследно исчезли ещё до восхода солнца.

Время трудных решений и великих ошибок

Осенняя пора в Оренгарде всегда была мерзопакостной, но в ту осень выдалась особенно противной: не только дождливой, но и неестественно холодной, а также ветреной. Особенно сильно на себе это ощущали те, у кого не было крыши над головой. Каждая ночь у них превращалась в борьбу с влагой, холодом и ветром. Будто этого мало, в последнее время добавился ещё один фактор.

Из уст в уста бродяги рассказывали истории одна мрачнее другой о чёрной повозке, которая по ночам каталась по улицам, скрипя колёсами, и подбирала самых слабых — тех, кто не мог убежать. Тела некоторых из них, тех, кого представлялось возможным, а главное, было кому опознать, находили странно истерзанными в групповых захоронениях за городом.

Слухов, касаемо этого, ходило великое множество. Список подозреваемых был обширен, но не слишком оригинален: маньяк-изувер, безумный алхимик, опальный маг. Отдельной строкой шли Фрим и Фрим. Два именитых лекаря, чья больница одновременно являлась гордостью и страхом всего города.

Про происходившее в её стенах всегда ходили мрачные слухи, но в последнее время в связи с участвовавшей пропажей людей их стало особенно много. При этом про самих Фримов вряд ли можно было сказать что плохое. Они не скрывались: у Фрима Мено в городе жила семья. Фрим Набен слыл одиночкой, но тоже то и дело мелькал то тут, то там, порой в весьма неожиданной компании знатных незамужних дам. Оба родились и выросли в Оренгарде не в самых бедных семьях, которые они рано потеряли. На их богатства и была построена, а вернее, перестроена из городской тюрьмы больница.

Пару лет назад Фримы схлестнулись с каким-то заезжим магом — скандал тогда был страшный и громкий, но быстро забылся. Да и симпатии горожан, чьи предки всего полвека назад в ходе кровавого восстания избавились от представительства ордена Великого древа и других оренгардских магов, явно склонялись в одну определённую сторону.

Тем не менее мрачные тучи обстоятельств над больницей и её владельцами в последние месяцы сгущались всё сильнее.

— Опять мы на первых полосах! — с озорным возмущением заявил Мено, врываясь в кабинет к другу, коллеге и названному брату.

Истошавший в последнее время и утомлённый донельзя непрерывной работой Фрим Набен, записывающий содержимое своей головы и потому чрезвычайно сосредоточенный, нехотя отвлёкся и оторвал голову от стола, заваленного бумагами в несколько слоёв. Фрим Мено, напротив, особенно на таком-то фоне, прямо пылал здоровьем — это было заметно по овалу лица, который становился всё больше овалом.

Тем не менее они были похожи как родные братья, хотя родственниками если и являлись, то невероятно далекими. Со многими другими представителями оренгардской знати у них имелось больше общей крови, чем друг с другом. А вот таких сходств во внешности ни с кем больше не было.

— Что опять?

— Пропажи бродяг!

— М-м-м-м, — потянул Набен и безучастно вернулся к прежнему занятию, чем вызвал недовольство своего друга.

— Твоё «м-м-м-м» дорого нам стоит! — не позволил ему уйти от разговора Мено. — У

меня начинают спрашивать.

— И кого же волнует судьба полудохлых бродяг? — в голосе Фрима Набена чувствовалась насмешка.

— Никого, — развёл руками Фрим Мено. — Как и всегда. Но поговаривают, что скоро пропадать начнут не только бродяги!

— Не начнут. Мы закончим раньше.

И хотя в его голосе чувствовалась уверенность, это было напускным. Эксперименты, длящиеся уже несколько лет с опережением всех графиков, выделялись лишь количеством впустую потраченного времени, а иногда и откровенных провалов.

— Это не всё! Опять пришло письмо от того сноба!

Речь шла про декана городского университета Оренгарда. Раньше оба Фрима отчитывались туда о своей работе, предоставляли на обозрение некоторые открытия и секреты мастерства, но потом, углубившись в новую тему, по понятным причинам перестали это делать.

— Ответь, что... м-м-м-м, — Набен растерянно поднял голову и уточнил: — что мы ему обычно отвечаем?

— Что извиняемся, но у нас нет времени, — ответил с неприязнью Мено. — Поэтому в этом году он прислал свои писульки почти на месяц раньше обычного и попросил не забыть.

— Чем грозит?

— Ничем. Пока. Надо понимать, следующее письмо будет куда менее сдержанным. — Мено вздохнул и добавил менее спокойно, напоминая: — Мы получаем от них деньги!

— Копейки, ни на что не влияющие...

— На эти «копейки» мы содержим половину штата. Если больница перестанет лечить людей, потому что некому будет лечить, тогда нам не поздоровится.

Набен, вняв тревоге друга, нехотя откинулся в кресле, прикрыв глаза и перебирая имеющиеся варианты в слух:

— М-м-м-м, что у нас есть показать? Стабилизированный, упрощённый рецепт «Всетравника»? Подозрительно и никому не интересно.

— После того скандала, — вмешался Мено, — это вовсе не то, что нам надо.

История с отваром вышла мрачная и была напрямую связана с дочерью Фрима Мено — Вилорой. В Оренгард заявился маг-искатель талантов, чей взор безошибочно пал на двухлетнюю девочку. Способности, как выяснилось впоследствии, у неё действительно имелись, однако сильно ниже среднего, что, на самом деле, было многократно хуже любых иных вариантов, в том числе скоропостижной смерти. Так или иначе маг, понимая, что в качестве подопытного-слуги девочку, единственного ребёнка, ему не отдадут, невзирая ни на какие риски, пошёл на мухлёж.

Маг тайком подсунул девочке и заставил выпить отвар. Мало того, что «взрослую» дозу, так ещё и сваренную по весьма суровому рецепту, обеспечивающему высочайшую концентрацию стимулятора. Это всё выяснил Фрим Набен, пока Мено разрывался между Вилорой, впавшей в кататонию, и расправой над магом.

С тех пор в Оренгарде данный отвар имел мрачную репутацию «зелья магов» и потому пользоваться популярностью, несмотря на массу полезных свойств, перестал.

— Какие-то анатомические выкладки? — продолжил перечислять вариант Набен. — Опять же подозрительно. Официально мы не закупаем, даже если бы могли, трупы для вскрытий...

— Как насчёт исследований Чёрной чумы? Нам есть что показать и рассказать на эту тему. Хотя бы эти твои «частицы»!

— В городе и округе не было вспышек уже лет пять, — заметил после недолгой паузы Фрим Набен. — Это могут превратно истолковать — как будто мы рискуем, проводя такие исследования. И кстати, мои «частицы», которые, как мне видится, передаются по воздуху, лишь усугубят это подозрение.

Мено задумчиво стал мерить шагами комнату.

— Должно же быть хоть что-то! — он посмотрел на коллегу. — Если мы опять проигнорируем этого чудака, то поставим под угрозу всю нашу работу. От нас ждут нового «Иммунитета»! И ждут уже давно!

«Иммунитет» был их совместным трудом, весьма солидным исследованием, доказывающим, что сопротивление многим заболеваниям есть результат наличия в организме человека неких очень адаптивных механизмов защиты. Суть их и форму выявить не удалось, но зато удалось доказать факт их наличия и примерный принцип работы. Здесь точки зрения исследователей расходились.

Фрим Мено считал, что подобное уничтожает подобное, а значит, организм учится использовать болезнь против неё же самой. Точка зрения Фрима Набена состояла в том, что защитный механизм неким образом запоминал характерные черты заболевания и потому впоследствии быстрее реагировал. Так или иначе работа произвела определённый фурор и разошлась немалым тиражом.

Имелся в этой работе и другой аспект, старательно вымаранный из текста, но подразумевавшийся сам собой. Он так и не был замечен кем-либо — этот скелет из шкафа не успел разболтать все секреты. Тем не менее именно работа над «Иммунитетом» стала основой для всех дальнейших исследований Фримов, включая текущие.

— Значит, скормим «частицы», — предварительно обдумав всё, нехотя заключил Набен. — Только не чумные — и вправду слишком подозрительно. Что у нас там лютует?

— Эм, пенка, пенка... — Фрим Мено стал копаться в больничных записях, попутно озвучивая попавшиеся ему на глаза диагнозы. — Боги, с этими бешеными собаками пора бы что-то сделать! О!

— Что там? — приоткрыл один глаз Фрим Набен.

— Симптомы: температура, заложенность носа, кашель, высыпания на коже.

— М-м-м-м. Не уверен...

— Тут есть запись о том, что бедолага заболел, общаясь со своим больным подельником, — Фрим Мено помахал найденными бумагами. — У того были те же симптомы.

— «Подельником»?

— Это преступник, которого нам привезли при смерти. Мы его вылечили, а потом... — Мено осмотрел бумаги, но, ничего не найдя, пожал плечами. — Уверен, его казнили.

— Что он сделал? — уточнил Фрим Набен.

— Проповедовал веру в Отвергнутого.

Оба Фрима синхронно хихикнули — они считали себя выше религиозных заблуждений.

— Нам это подходит — никаких следов, — заключил Набен.

— В худшем случае этот чудило пришлёт нам претензию в стиле: «Ищите больше доказательств». А на поиск может уйти прилично так времени.

Фрим Набен закивал, соглашаясь с такой оценкой, и вдруг поднялся из-за стола,

приглашая друга за собой.

— Идём. Мне есть что показать.

— Вчерашний образец?

— Нет, привезли утром. Результат обнадеживает — я как раз заканчивал расчёты.

— И что?

— Болезнь присутствует в организме, без особых последствий, но при этом имеются признаки того, что она способна к распространению. Только вот... — голос Набена дрогнул.

— Что такое?

— Есть небольшое осложнение, — вдруг его голос дрогнул во второй раз, сделавшись холодным как металл. — Или прорыв, тут как посмотреть.

Лаборатория Фримов была бы гордостью по меньшей мере всего Оренгарда, знай о ней чуть больше людей. Однако в курсе её существования было всего несколько десятков персон. А бывали внутри и того меньше — даже больничной прислуге строжайше запрещалось туда входить.

Официально из-за опасностей разнести какую-либо заразу или вмешаться в ход важных экспериментов. Неофициально же слухи ходили не менее мрачные, чем об остальной больнице. Как это ни странно, оные сплетни оказывались куда ближе к истине.

Эксперименты здесь шли непрерывно, но в их ход не всегда удавалось вмешиваться даже самим экспериментаторам. Что же касается распространения заразы, то с этим всё было особенно непросто...

— Это ужасно.

Голос Фрима Мено звучал дежурно. Само заявление тоже было традиционным с того самого дня, как он после долгих споров всё же уступил и дал согласие на эксперименты, как заявлялось, на «качественном материале» — бродягах, смертельно больных, проданных сиротах...

Что удивительно, весь этот «материал» стоил сущие копейки — иной раз на ингредиенты зелий уходили суммы многократно большие, чем стоили те люди, в которых их вливали. Это при том, что большая часть денег утекала в карман посредника, доставлявшего несчастных в больницу по ночам. Сами Фримы прекрасно осознавали, что, если они попадутся лично за подобным занятием, то это будет в первый и последний раз.

В тот день в лаборатории было малоллюдно. Всего один подопытный заключённый в гигантских размеров стеклянном сосуде, окутанный целой паутиной трубок, по которым в его организм закачивалось с добрый десяток различных эликсиров и зелий. Тело несчастного заметно покраснело, как от сильного жара, и было покрыто испариной. Если бы не хитрая система ремешков и креплений, он наверняка бы метался в бреду и кричал в агонии. Однако средство против этого «отвлекающего звука» Фрим Набен придумал практически в самом начале работы.

— Подопытный номер семь, дробь четырнадцать, дробь сто два, — зачитан Набен, хотя в этом не было особенного смысла. — Жив после введения образца заболевания вот уже восемнадцать, м-м-м-м, девятнадцать часов.

— Это рекорд?

— Да. Из этой партии выживали и дольше, однако...

Продолжая бормотать малопонятные особенности данной серии экспериментов, Фрим Набен достал из клетки мышь. Её глаза заметно светились красным. Это был специально

выведенный мутант — животное с усиленной чувствительностью к магии. Будь эта мышь разумна, она бы вероятно сумела даже творить заклинания, однако без этого всё ограничивалось практически безвредным, неконтролируемым созданием разноцветных искр.

Через хитрую систему шлюзов мышь оказалась в специальном закутке, куда поступал воздух из той части сосуда, где располагался больной. Почти сразу же глаза мутанта засверкали, заискрились, а сам он, не прошло и пяти минут, завалился на бок, принявшись, хрипя, тяжело дышать.

— Быстро, — сглотнув, оценил Фрим Мено. — Очень быстро.

— Да. Нам не подходит. Зараза уничтожит сама себя, прежде чем доберется до цели. Но направление верное...

— Подожди-ка, но ведь внутри не маг! — поняв, что происходит, Мено, изучил листки с изложением того, что представлял из себя подопытный. — «Магические способности незначительные»!

— Да, — нехотя согласился Набен. — Это не маг. И он смертельно болен. М-м-м-м, тем не менее он является переносчиком и...

— Когда мы обсуждали, кхм, это вот всё, речь шла про то, что для обычных людей это будет безвредно! — напомнил Фрим Мено, начиная сердиться. — Ты забыл?

— Я не забыл, — голос Фрима Набена стал холодным. — Я понял, что это невозможный путь. Не получится погнаться за двумя утками и поймать обеих. Если мы хотим расправиться с магами, создать наше идеальное оружие против них, то придётся заплатить цену.

— Цену?! Ты... ты посчитал?

— Да. Текущий вариант чумы унесёт жизни девяти из десяти. Но если...

— Прости, — без какого-либо намёка на извинения перебил его Мено с подозрением, — к каким цифрам ты стремишься?

— Три-четыре, — спокойно и невозмутимо ответил Набен, внимательно наблюдая за бьющейся в агонии мышью. — М-м-м-м, пять — допустимо. Из десяти, разумеется.

— Половина? — не поверил своим ушам Фрим Мено. — Половина!!!

— Не считая различного рода аномалии неясного до конца толка. Предполагаю, что речь идёт о людях изначально мало чувствительных к магии или нечувствительных вовсе. Некая аномалия, — не замечая или не желая замечать реакции друга, продолжил хладнокровно рассуждать Фрим Набен. — Так или иначе имеет место быть определенный процент невосприимчивых к самой чуме.

— Иммунитет? — наострил уши Мено.

— Не думаю. М-м-м-м, скорее, как я уже сказал, аномалия организма. — Набен кашлянул и продолжил предыдущую мысль: — Итого: на каждую тысячу выйдет...

— Я знаю, сколько это выйдет! — снова перебил, на этот раз схватив друга за плечо, Фрим Мено. — ТЫ понимаешь, что это много?! Слишком много!

— Теоретически, м-м-м-м, если у меня будет достаточно времени, количество можно снизить до двух целых и трёх десятых, плюс-минус...

— Дву... — Мено осёкся, поняв, что это не важно. — Это всё ещё слишком много!

— Увы, — Набен равнодушно пожал плечами. — Мы должны выбрать что-то одно: или оружие против магов, или безвредный насморк, который они даже не заметят.

Фримы смотрели один на другого, и в этих взглядах было предельно мало

взаимопонимания. Каждый из них думал о чём-то своём. Каждый пытался найти какой-то компромисс, но не мог.

— Я... я не буду в этом участвовать! — решительно заявил Мено. — Это... это бойня! Мясорубка! Резня!

— Речь о всего двух из десяти, — заметил Набен примирительно. — Что это такое? При родах умирает половина женщин. Меньше трети детей доживает до десяти лет. Два из десяти...

— Это много! Пойми, это очень, очень много! Ты ведь не роды облегчаешь! Женщина умирает, как и дети! Только теперь они ещё будут умирать от твоей... нашей чумы!

— Это допустимая цена за месть и освобождение. В ходе боёв за город полвека назад в процентном соотношении погибло даже больше, я посчитал. А уж сколько осталось без крова и...

— Я не собираюсь считать! — перебил Мено. — Не собираюсь искать некую цифру, которая успокоит совесть, потому что это «незначительно»! Меня устроит смерть магов, можно мучительную смерть, кровавую смерть после того, что они сделали с моей семьей, хотели сделать с Вилорой, но нельзя трогать простых людей! Нельзя, понимаешь?! НЕЛЬЗЯ!!!

Фрим Набен смотрел на него и не понимал. Он уже всё просчитал, всё продумал. Ему нужно было только время — снизить число смертей для обычных людей. Не из жалости, а из простого расчёта: если будет умирать слишком много народа, то зараза уничтожит сама себя практически сразу. Конечно же, маги умрут вместе с прочими, но цель состояла совсем не в том, чтобы создать одноразовое лекарство. Это должна была быть прививка. И поэтому Набен сделал вид, что отступил.

— Я, м-м-м-м, продолжу эксперименты. Попытаюсь добиться... меньшего числа жертв.

— Полного их отсутствия! — стоял на своём Мено. — Наш уговор в силе: делай что хочешь, но в итоге должны пострадать маги и никто больше!

— Да, никто больше... — скривившись, подтвердил Фрим Набен. — Сделаю так, что кроме магов никто не пострадает.

Фрим Мено смотрел на него и размышлял. Его друг никогда не отличался умением лицедея, а врал и вовсе особенно плохо. И текущий разговор не был каким-то исключением. Тем не менее сердце Мено дрогнуло. Оно ещё не забыло родителей, которых маги несправедливо обвинили, не менее несправедливо осудили, а затем, называя это восстановлением справедливости, казнили всех без разбора — стариков, взрослых, подростков. Уцелел лишь он один — его самого младшего из всего семейства, как и Фрима Набена, оставили в живых в качестве назидания другим бунтарям.

— Держи меня в курсе всего... всего этого.

— Как пожелаешь.

Эксперименты продолжались день за днём, час за часом, ещё месяц. Фрим Набен фактически поселился в лаборатории, окончательно перестав появляться на публике. Загадочная повозка, после появления которой пропадали люди, напротив, оказывалась в поле общественного внимания всё чаще и чаще.

Мрачные слухи вокруг больницы лишь ширились и множились. Нашлись даже некие пострадавшие, хотя по той чуши, что они несли, быстро становилось ясно, что это не более чем решившие нажиться на ситуации мошенники. Сильнее всего это, конечно же, било по

продолжающему жить публичной жизнью Фриму Мено. Ему раз за разом приходилось объяснять происходящее, щедро раздавать быстро нарастающие в объемах взятки, а порой даже платить «кому надо», чтобы особо говорливые провокаторы поубавили пыл своих речей. Тем не менее тенденция была понятна: вокруг больницы сложилась нездоровая ситуация, и достаточно одной ошибки, маленькой промашки, как всё полыхнёт, и волна народного гнева сметёт всё на своём пути.

Поэтому атмосфера за столом, где собрались оба Фрима, царила мрачная и нервная. Такие посиделки в гостях у семьи Мено раньше были еженедельной нормой, но затем, по мере того как Набен сильнее погружался в работу, происходили всё реже. Тем не менее все присутствующие старались будто бы этого не замечать, ведя себя ещё более противоестественно, чем могли бы.

— Вилора, сиди ровно, не вертись и не корчи рожи! — потребовал Фрим Мено. — Обрати своё внимание на тарелку — еда скоро остынет.

— Не дергай её, дорогой, — примирительно сказала Алессия Мено.

— Нихасю кафу, кафа — некусная! — невнятно возмутилась нарушительница спокойствия.

— Алессия, не потакай ей!

— Каша очень полезная, дорогая. Будешь много есть каши — не будешь болеть.

— Никогфа не буфу?

— Никогда-никогда.

Фрим Набен, которому и корчили рожи, сидел с видом человека, который смутно помнил, как должен поступить, но уже не мог. Раньше он корчил забавные лица в ответ, чем неизменно срывал целую бурю позитивных эмоций у ребёнка. Но сегодня он чувствовал себя здесь чужим, впервые за всё время.

Глядя на эту, может, не идеальную, но семью, Набен отчётливо как никогда прежде понял, что его эксперименты обречены. Если до этого он тешил себя надеждой, что этот гуманизм — так, сиюминутное веяние, то теперь стало ясно: Мено запретит ему работать дальше, даже если бы имелся оптимистичный результат. Которого, как назло, не было и в помине.

Более того, в последней партии умирали десять мышей-мутантов из десяти, исключениями становились лишь в редчайших случаях. Аномалии, которых не могло быть больше сотых долей процента от всей популяции. Набен полагал, что проблема состояла в общем подходе, той самой попытке догнать двух уток сразу и сделать вид, что они «не такие», как их враги, что они лучше и умнее.

Вдруг Фримы встретились взглядами. И хотя их дружба трещала по швам, они всё так же прекрасно понимали один другого без всяких слов. Набену показалось, что у него есть шанс, что ему удастся переубедить друга, воодушевить на очередной виток экспериментов, объяснить суть своей новой задумки.

Конечно же, за столом такие вещи они обсуждать не стали, да и сразу после тоже. Они решились на данный разговор лишь глубокой ночью, когда все, кроме них, включая слуг, уже заснули. Местом выбрали уютный, особенно в летнюю пору, балкон — осенью здесь было холодновато и слишком ветрено, однако вид на сад при доме, а также усеянное звёздами небо, был ничуть не хуже.

— Как мы дошли до этого? — спросил Мено, меланхолично покуривая трубку в своём излюбленном кресле. — Когда между нами возникла эта трещина?

— Семь лет назад, — без раздумий и упрёка ответил Набен.

Пояснений здесь не требовалось — именно тогда Фрим Мено женился.

— Может, ты и прав. А может... может, просто я успокоился? Никакой огонь не может гореть вечно. Выходит, верно говорят — время лечит.

— Нет, не лечит, — Набен вздохнул и рефлекторно пригладил волосы. — Ведь у меня этот огонь горит до сих пор. Так же ярко и горячо, как в самом начале. Просто есть времена великих решений, а есть — великих ошибок.

Фрим Набен, стоял на ногах, облокотившись на витую ограду. Его, казалось, не интересовало ничего, кроме звёздного неба. Он пожал плечами, показывая, что причина не играет никакой роли. Важен лишь итог.

— Ты живёшь в иллюзии. Заставил себя поверить, что всё хорошо, что магов нет.

— Ну да, а того подонка, который приперся сюда пару лет тому назад, чтобы осмотреть моего ребёнка, который хотел забрать его, да так сильно, что решил при мне накачать его алхимической дрянью, я и не заметил! — съязвил Мено. — Я ничего не забыл и ничего им не простил. Но есть разница...

— Нет разницы, — перебил его Набен. — Нет никакой разницы, какое оправдание своему бездействию ты нашёл. Важна лишь готовность отступить, сдаться. Ты готов отступить и сдаться, — это было не вопросом, а категоричным утверждением.

— Ты не прав, — Фрим Мено заметно колебался и юлил. — Я не готов сдаваться, но и... приносить в жертву неповинных людей тоже. Не хочу становиться как они, понимаешь? — Вдруг голос его стал куда более уверенным и громким: — Суть ведь не убийстве как таковом, даже не в мести.

— Значит, ты стал наивен, раз надеешься победить, не замарав руки. Не перейдя черту.

Фрим Мено недовольно скривился, но вместо того чтобы спорить и опровергать данное заявление, несколько сместил тему разговора.

— А где твоя черта? Где та граница, которую ты не готов пересечь? И есть ли она вообще?

Перед тем как ответить, Фрим Набен долго смотрел на звёзды, находя знакомые очертания созвездий и попутно пытаясь найти ответ внутри. Начал он издали:

— Священник, который меня опекал, всегда говорил, что любые ограничения перед нами — это испытания богов. Проверка нашей воли, терпения, смелости и прочих добродетелей. Поэтому у меня нет никаких черт и границ, понимаешь? Каждое препятствие — это испытание, проверка, которую необходимо пройти, чтобы двигаться дальше.

— Но зачем двигаться дальше? — продолжил с намёком допытываться Мено. — В чём конечная цель?

Это, конечно же, не понравилось Набену. Ему показалось, словно его друг и названный брат ставил себя выше, словно он познал некую вселенскую мудрость, тогда как на деле...

— Ты забыл, верно? — не дождавшись ответа, переспросил Фрим Мено.

— Извести магов, покончить с ними навсегда...

— Значит, всё же забыл. Мы собирались не «извести магов», мы собирались покончить с несправедливостью, беззаконием, вседозволенностью магов. С террором! Это разные вещи.

— Как по мне — нет. То, что ты перечислил, лишь красивая обёртка, а суть одна. Борьба, мы или они. Они или мы. Иначе и быть не может, — Фрим Набен старался звучать как можно более спокойно и умиротворенно, но вряд ли бы он сумел кого-то этим обмануть. — Как наши родители не смогли отстоять свою жизнь на том судилище, так и мы

не сможем чего-либо добиться, если не продемонстрируем наличие силы. Только тогда с нами станут считаться, начнут слушать и слышать.

— И для того чтобы продемонстрировать свою силу, ты хочешь истребить кучу людей? Как ты там насчитал, пять десятых населения Эндрии? Интересный подход, как там говорят? «Чтоб чужие боялись — бей своих»?

Повисла пауза, казалось, что им уже нечего сказать сверх сказанного, но на самом деле оба Фрима просто готовились к следующему раунду. В этот раз после довольно продолжительной паузы первым заговорил Набен:

— Послушай, я всё продумал. Высокая летальность не помеха — это возможность. Мы превратим нашу вакцину от магов в скальпель. Да, будут умирать все наповал в течение считанных дней, но это сделает возможным контролировать заразу. Она просто не сможет распространиться достаточно далеко.

— Ты говоришь скальпель, но, насколько я знаю, скальпелем управляет человек, — задумчиво пустился в рассуждения Мено практически сразу. — Именно человек его направляет, выбирает усилие и угол. Верно говорю?

Истинная подоплёка этого вопроса укрылась от Фрима Набена.

— Да. К чему это ты?

— Кто будет направлять этот твой скальпель? — задал ключевой вопрос Фрим Мено.

— Конечно же...

— Мы? Послушай, я, конечно, самовлюблен не меньше твоего, но идея взять образцы болезни, поместить в закупоренную колбу, куда подкидывать мышей, чтобы зараза не погибла, а затем отвезти в город своих врагов и выпустить на волю — лежит на поверхности. Для этого не надо быть даже одарённым медиком.

Фрим Набен молчал не потому, что услышал нечто новое или неожиданное. Обо всём этом он уже думал, просто ему казалось, что всё очевидно, что это даже не тема для обсуждения.

Да, его заразу можно будет распространять без ведома создателя, но прежде её необходимо будет изучить, понять свойства. Это совсем не просто сделать, когда счёт для заражённого идёт на дни или даже часы. Болезнь защитит себя сама, выкосив незадачливых исследователей в первую же очередь.

— Вероятность подобного, м-м-м-м, чрезвычайно мала.

— Как по мне, это вопрос не вероятности, а времени, — усмехнувшись, парировал Фрим Мено. — И те, против кого ты собираешься направить эту чуму, найдут способ её контролировать первыми — это будет для них вопросом выживания, понимаешь? — Вдруг он вскочил и воскликнул в гневе: — Ты собираешься дать магам страшнейшее оружие из возможных! Заполучив твою чуму, они больше не будут устраивать городские бои или показательные судилища! Не-е-ет! Они выпустят на непокорных чуму, а выжившие сами приползут к ним на коленях — за спасением.

— Чума будет воздействовать на наделённых магическим даром сильнее, им не удастся...

— Удастся! — прервал друг Мено. — Не сразу, не с первой попытки, но удастся! Они всемогущие, ты не забыл?! В их арсенале отыщется инструмент, подходящий и для такого.

Повисла тишина. Фримы стояли и буравили друг друга взглядами. Пожалуй, говори они оба на разных языках, между ними было бы больше понимания и согласия, чем сейчас.

Набен искренне не понимал друга: тот возвеличивал их общих врагов, называя

«всемогущими». Это была риторика совсем не горящего жаждой мести юноши, чьих родителей растерзали на городской площади. Такие слова обычно принадлежали прислужникам магов.

Не меньше был озадачен и Мено. Он знал человека перед собой большую часть жизни, к тому же самую важную её часть. А теперь не узнавал. Даже внешне тот переменялся: стал отрешённым, холодным, как скальпель. На него словно упала какая-то тень...

— В таком случае это вопрос летальности, — закусив губу, попытался ещё раз Фрим Набен. — Сделать чуму быстрой, крайне быстрой. Чтобы она выжигала за считанные...

— Это ничего не изменит, пойми ты наконец! — не поддался Фрим Мено. — Да, ты можешь затруднить магам работу, но они всё равно добьются своего, получают в свои руки чуму, и тогда всё то хорошее, чего ты успеешь добиться, пойдёт прахом. Прахом, слышишь?!

Вновь повисла пауза. Но на этот раз более напряженная, как всегда бывает перед дракой. Тем не менее драться Фримы не стали — в этом не было смысла, это ничего бы изменило. Они оба уже приняли решение, что делать дальше. Первым высказался Фрим Мено, говоря о будущем, как о свершившемся:

— С завтрашнего... уже сегодняшнего дня твои эксперименты прекратятся. Лаборатория будет опечатана, все записи будут изъяты и сожжены. Ты можешь остаться и продолжить работу, но не над чумой. Или уйти — держать не буду, но и записи вынести не позволю.

Немного переведя дыхание, Мено добавил без всякого ехидства или злобы:

— Как ты сказал? Времена ошибок и решений? Вот моё решение — не допустить ошибки!

Фрим Набен закусил губу от обиды — у него отнимали общее дело, но сдержался, сумел сохранить некое подобие спокойствия, не ударившись в истерику.

— Как пожелаешь. Я удалюсь из города...

Набен спешил. Он как никто знал, что времени у него не просто мало, а что его нет вовсе. Покинув дом Мено, он ринулся к себе в лабораторию, гадая, есть ли у него хотя бы час. Конечно же, о сохранении текущего подопытного или хотя бы зараженной мышью-мутанта даже речи не шло. Его целью были записи экспериментов — то, что позволило бы продолжить работу в другое время, в другом месте. Те самые записи, которым доверялось всё самое важное, чтобы не забивать себе попусту голову. Возможно, подойдя к вопросу как-то иначе, сейчас он мог бы с клеткой в руках уже покидать Оренгард, но...

Сверху раздались шаги — в лабораторию спускалось несколько человек. Тем не менее внутрь, предварительно наигранно вежливо постучав, вошёл один лишь Мено. Играя натянутой улыбкой, он поинтересовался:

— Сумел что-нибудь переписать?

— Я не собираюсь вот так жертвовать трудом всей моей жизни! Самым важным в наших жизнях!

— Хорошо, будь по-твоему, — демонстративно уступил Фрим Мено. — Тебе оставят все записи, оборудование и даже мышей.

— Но? — мрачно осведомился Фрим Набен.

— Ты будешь находиться под постоянным контролем в качестве, скажем, пациента...

Мено принялся расписывать все преимущества и выгоды такого решения, но Набен знал ключевое: это ложь и уловка. Иллюзия возможности работать, некоего решения,

устраивающего их обоих. На деле же, без доступа к опытам над человеком всё это — пустая трата времени. Лучшим исходом которой станет открытие чумы, убивающей мышей-мутантов.

Пока его друг разглагольствовал, Фрим Набен думал над следующим шагом.

«На что мы готовы ради мечты?» — раздался в голове тихий, вкрадчивый голос, его собственный голос. — «Если иного выхода нет, то...»

— Может, это тебе сделать вид, что всё вышло из-под контроля, м? — поинтересовался Набен, играя коварной ухмылкой.

— Что ты имеешь в виду? — было заметно, что затея с самого начала не понравилась Мено, но он пока ещё был готов хотя бы слушать.

— Отпусти меня. Дай два-три часа на сборы, и я навсегда пропаду из Оренгарда. Затем вешай на меня всех собак, всех пропавших людей, всё, что только захочешь, м-м-м-м, даже отрекись публично.

— Я не собираюсь от тебя отречься ни публично, никак, — твёрдо заявил Фрим Мено. — Мы братья. И как братья решим всё здесь и сейчас.

— То есть ты отпустишь меня? — скользя по лаборатории взглядом в поисках чего-то подходящего, спросил Набен.

Вдруг ему на глаза попался стол со сваленными в кучу реактивами, ингредиентами и прочими алхимическим расходниками как раз за спиной Мено.

— Об этом и речи быть не может. Я не пойду на сделку ни с тобой, ни со своей совестью.

— Тогда пойдешь на сделку со здравым смыслом — уступи, дай мне работать дальше и...

— Тем более нет. Это не здравый смысл, это безумие! — вдруг голос Фрима Мено дрогнул. — Да что с тобой?! Ты смотришь на меня, будто готов убить! А ведь это ты из нас двоих всегда чтит Двенадцать как...

— Двенадцать здесь ни при чём, — перебил Набен, незаметно сдвигаясь чуть в сторону, чуть ближе к своему освобождению. — Они не помогли мне тогда, не помогут и сейчас.

Услышав это, Мено от удивления аж отшатнулся, неожиданно для себя обнаружив на спине какой-то железный прут по типу кочерги.

— Мне? Мне?! Кто ты такой? — спросил он ошарашенно. — Ты не мой брат. Он не мог такого сказать!

— Ты отрёкся от наших планов! — воскликнул Набен, которому оставался всего один шаг до стола с реактивами. — А значит, и прошлого не достоин!

То, что внутри лаборатории всё идёт не так, как расписывал Фрим Мено, прихваченные им помощники из числа больничных санитаров поняли не сразу — лишь по повисшей тишине, сменившей жаркий спор. Звука драки или чего-то похожего они не слышали, но вывод, пускай и запоздалый, сделали верный, ринувшись внутрь.

Стоило распахнуть дверь, как им в лицо сразу же ударил густой, жгучий, горячий химический дым. Что-то, похожее на живой ковёр, копошилось под ногами. Что конкретно — разглядеть не представлялось возможным. Из-за дыма, самого по себе плотного, слезились глаза.

Санитары не знали, что их ждёт в лаборатории — у Мено не было ни времени, ни желания на объяснение. Зато они наслушались мрачных баек касаясь этого места, пожалуй, наиболее полную их коллекцию из возможных. Поэтому героев среди них не нашлось. Не разбирая дороги, санитары бросились наутёк, не замечая писка раздавленных ими мышей и

затруднённого совсем не из-за дыма дыхания.

Очень скоро раздались первые крики: «Пожар! Пожар!!! На помощь!». Невероятно горячее пламя не удастся сбить ни водой, ни песком, ни даже магией. Оно, противоестественно медленно, словно напояк, последовательно охватит всё вокруг: сначала больницу, потом купеческий квартал, а затем и весь Оренгард. С огнём будет сражаться весь город до единого человека, даже не подозревая, что истинная опасность исходит совсем не от пламени.

Спустя примерно сутки по заваленным телами, догорающим улицам, будет бесцельно брести человек в лохмотьях, приговаривая едва слышно:

— Брат, Алессия, Вилора... что же я наделал...

— Никто здесь, особенно я, тебе в почтальоны не нанимался! — мельком заглянув в каморку, фыркнула Милвоида, бросила увесистый, крайне необычный конверт и сразу же удалилась.

Рентан под косые, любопытные взгляды пациента, которому он как раз выписывал рецепт, отвлекся и углубился в чтение. Будь конверт обычным или даже с бароновой печатью — это бы подождало. Но ни конверт, ни печать не были обычными для Власвы. Плотная, качественная бумага и восковой знак в форме меча, окруженного двенадцатью рунами, выдавали отправителя — военно-монашеский орден, посвященный богу справедливости Рензу, более известный среди простого люда как Охотники.

Текст письма, демонстративно возвышенный, очень официальный, но при этом не сухой, а напротив, изобилующий красками, мягко, но очень требовательно приглашал Рентана на встречу. Пройти она должна была в храме Оруза, и хотя никаких свидетельств того, что письмо писалось при участии Цимона, не было, очевидно, что священник поучаствовал в процессе. Именно ему текст был обязан своим стилем. Карающий клинок богов в мире смертных так не выражается.

— У вас проблемы, мастер-лекарь? — поинтересовался пациент участливо.

— Пока нет, — натянуто улыбнулся Рентан, откладывая письмо. — Я ещё к ним не ходил...

Тот же самый вопрос, но куда в более грубой форме, задала ему и Миловида, которая, хотя и сделала первоначально вид, что ей нет до этого никакого дела, всё же ожидала Рентана в коридоре.

— Так и чего они хотят?

— Полагаю, услышать мой рассказ о произошедшем в Вороново, Лиственнице, Оренгарде...

— А список-то за три дня вона как вырос! — фыркнула женщина и едко ухмыльнулась. — Как быстро растут чужие грешки... — она демонстративно вздохнула. — По поводу последнего тебя и спрашивать не надо. Всё на лице написано. Жирными такими чернилами.

Рентан с намёком на неё посмотрел, требуя разъяснений, но Миловида не снизошла до такого, вместо этого резко сменив тему:

— Письмо доставила девчонка. Не местная, худая, как палка, чёрные волосы, злющие глаза — знаешь такую?

Это, конечно же, был вопрос с подвохом. Женщина несомненно уже сделала какие-то свои выводы и теперь просто сверяла их с реальностью.

— Возможно, — уклончиво ответил лекарь, делая максимально непроницаемое лицо.

Как обычно ложь оказалась абсолютно не убедительной. Миловида ярко оценила её презрительной улыбкой и едким комментарием:

— Видеть тебя хотела, между прочим.

— А я её нет, — позабыв про то, что он якобы не в курсе этой истории, ответил Рентан, раздражаясь всё сильнее.

То, что ему принесли письмо и просили о встрече, он знал с самого начала, но сделал вид, что очень занят выписыванием рецепта.

— Что-то там про извинения лепетала, но, если хочешь знать, не слишком...

— Не хочу знать ни её, ни ваше мнение, — разозлившись, перебил лекарь и, поняв, что грубит, поспешно извинился. — Встал не с той ноги, прошу прощения.

Вместо каких-либо едких замечаний Миловида выразительно вскинула остатки брови, но больше никоим образом Рентана задерживать не стала.

То, что в храме Оруза гости, было видно издали по цепочке массивных повозок, стоявших стеной возле главного входа. Горожане боязливо обходили их по широкой дуге. Простой люд всегда побаивался Охотников, и те сделали многое, чтобы этот страх усилить и раздуть.

Как и в случае с магами, это выражалось в первую очередь тем, что им позволялось игнорировать законы людей. Законы же Двенадцати были написаны слишком широкими мазками полупрозрачными чернилами, позволяющими известную степень трактовки.

Вот и сейчас Рентан, только подходя к храму, встретился с отрядом тяжеловооруженных солдат, из-под красно-жёлтых котт которых виднелись кольчуги. Во Власве такое позволялось лишь городской страже и то с оговорками. Сам Кобыслав, взбреди ему такое в голову, не смог бы попасть в город в доспехе и при мече. А ведь у Охотников дело только этим не ограничилось. За одним отрядом лекарю повстречался второй и почти сразу — третий. Все вооружённые до зубов и напряжённые, словно перед боем.

Гадать, что на этот счёт думает Цимон и другие представители городского самоуправления не пришлось: их Рентан повстречал ещё по пути, как раз аккурат посреди спора. Причём крайне сомнительно, чтобы первого за сегодня. Кроме знакомого настоятеля, смутно знакомого представителя городских купцов, присутствовал также совершенно незнакомый мужчина.

Предводитель Охотников чем-то смахивал на хищную птицу. Не сколько из-за острых черт худощавого лица, сколько из-за взгляда зелёных глаз — цепкого, острого, пронизывающего насквозь. Лекарь рассчитывал, что им пришлют какого-нибудь дедулю в возрасте, когда фанатичная вера вытесняется жизненным опытом, либо же ей на смену приходит тоже фанатичная, но глупость, однако этим чаяниям не суждено было сбыться.

Прислали молодого Охотника, но с первого взгляда понятно было, что очень рьяного, не лишённого ума и опыта. О последнем ясно говорили несколько шрамов на лице неоднозначного происхождения — это с равной вероятностью могла быть магия, алхимия или просто пропущенный удар меча.

В данном случае такое сочетание черт было практически наилучшим из возможных. Не хватало лишь персональной ненависти, но этот пункт ещё требовал уточнения, его рано было вычёркивать. Рентана Охотник узнал мгновенно, судя по запинке и прищуру, но разговора он не прервал, оставшись невозмутимым:

— Как я сказал **ранее**, мои люди останутся в городе столько, сколько нужно. При оружии.

— Скажите, против кого вы собираетесь его применять? — прозорливо уточнил Цимон. — Уверен, соответствующие лица окажутся в ваших руках за считанные часы, и надобность подобного отпадет.

— Его применят против всякого кто помешает **делом** нашему расследованию, — заявил Охотник категорично. — Не пытайтесь усыпить мою бдительность сладкими речами. Оружие будет убрано лишь тогда, когда я решу, что этот город безопасен, и ни минутой

раньше.

Священник поморщился и тяжело вздохнул, однако спорить не стал, выразительно посмотрев на представителя купцов. Тот, игнорируя более чем очевидный намёк, всё же попытался найти компромисс:

— Возможно, тогда вы остановитесь за городскими стенами? Город обеспечит вас...

— Мы сами себя всем обеспечим **внутри** городских стен, — перебил Охотник, выражая нетерпение. — Двенадцать направили нас сюда не для того, чтобы мы в час нужды оказались перед закрытыми воротами, дожидаясь прихотей тех, кто к воле богов чаще всего оказывается глух.

Этот намёк торговец уже прекрасно понял. Поэтому побледнел и отступил.

— Как будет угодно, господин.

Как ни странно, это заявление Охотнику также не понравилось:

— Среди служителей Ренза, — он указал на значок бога справедливости на лацкане, — нет ни господ, ни слуг! Мы — помощники богов, их карающий клинок! **Советую** это запомнить.

На этом разговор завершился, после чего присутствующие, в первую очередь Цимон и его «коллега» по служению богам, заметили ожидающего в стороне Рентана.

— Друг мой, подойдите, — окликнул его священник, подзывая жестом. — Хочу вас представить глубоко мною уважаемому служителю Ренза — капитану Войтону Турне.

Охотник слегка кивнул головой, скорее обозначив жест, при этом внимательно наблюдая за реакцией лекаря. Всё это ушло в никуда. Рентан и в иной ситуации не стал бы улыбаться. Легендарный Войтон, в честь которого назвали капитана Турне, был не только наивно добрым героем детских сказок. Просто за давностью событий как-то подзабылось, что сказка некогда была мифом, до этого — легендой, а ещё раньше самой что ни на есть правдой.

— Полагаю, передо мной прославленный в этих краях мастер-лекарь, **называющий** себя Рентаном? — выдержав небольшую, верживую паузу, уточнил Войтон.

Взгляд его в этот момент был холоден и, подобно морозу, пронизывал насквозь. Целью этого всего было лишь одно — заставить лекаря сказать что-то не то, какую-то глупость или ещё что-то лишнее. Однако Рентан, готовый к чему-то такому, не поддался на провокацию и сохранил демонстративное спокойствие.

— Именно он. Приятно слышать, что результаты моих трудов дошли до ваших ушей. Признаюсь прямо: Охотников я никогда не лечил, поэтому и удивлён.

— Не только ваш талант к излечению болезней попал в сферу нашего внимания. — Войтон выдержал небольшую паузу и добавил: — Наслышан и о иных происшествиях с вашим непосредственным **участием**, — ещё одна пауза-проверка. — Речь про Вороново и барона Ярека.

— С радостью облегчу вам душу и расскажу всё без утайки.

— **Уверен**, что без утайки, — с едва уловимым намёком сказал Охотник.

Делая вид, что ему понравилась шутка, Рентан выдавил из себя улыбку:

— Только я бы предложил отправиться в более уютное место.

— Мой сад всегда открыт для гостей, — подхватил Цимон, без всякого удовольствия взвизывая на этот разговор со стороны. — Особенно для длительных бесед...

Разговор был длинным, несмотря на то, что основная его часть — та, в которой Рентан пересказывал увиденное в Вороново и Листвице, заняла не больше часа. И к тому же крайне

тяжёлым, хотя он старался не говорить ничего, кроме правды. Вопросов у Войтона имелось много, самого разного толка. И именно из-за них разговор больше напоминал допрос с пристрастием.

Охотник спрашивал не только детали и уточнял подробности. Вопросы также касались того, что думал лекарь, что он чувствовал, чем пахло, какая была температура...

Всё это происходило в уютной деревянной беседке, расположенной в самом укромном уголке сада при храме. Правда, в это время года её уже как правило убирали — из-за непогоды и холодов. Во время прошлого визита Рентана место беседки уже пустовало. Однако, видимо, готовясь к этому разговору, Цимон распорядился вернуть беседку на место и даже обновить поистрепанную за лето краску — ею пахло, причём довольно заметно, до сих пор.

Кроме запаха, во время разговора присутствовал и целый поднос свежих фруктов, усиленный кувшином добротного вина. Впрочем, к еде никто ни разу за всё время не прикоснулся. Даже вино и то осталось практически без внимания.

— Ита-а-а-к... — закончив допрос, протянул Войтон, после довольно продолжительной паузы. — Вороново мы уже проверили. Еретиков там **больше** нет. Деревни, впрочем, тоже — место явно осквернено.

— Лучше отдать его природе — она очищает, — вклинился Цимон.

— Заявление достойное слугителя Оруза, — со своеобразным ехидством в голосе оценил Охотник. — Только огонь моего покровителя Ренза очищает по-настоящему. Остальное лишь прикрывает фиговым листом **проблему**.

Он выразительно посмотрел на Рентана, отчего тот поёжился и попытался увести разговор в иное русло:

— Вы знаете, досточтимый слугитель Ренза, что за существо со мной говорило в той хате?

— Полагаю, что ваше предположение, мастер-лекарь, касаясь природы этого отродья тьмы вполне **приемлемым**. Больше вам знать необязательно. Это не ваша забота.

Вновь повисла пауза. Охотник по-прежнему буравил своим холодным взглядом лекаря, а тот старался делать вид, что ему всё равно и он ничего не замечает. Один лишь священник старался как-то разрядить обстановку:

— Войтон, скажите, неужели меня обманывает память? По-моему, при прошлой нашей встрече, м-м-м, года три назад, вы на одеждах носили символы не только Ренза, но и Макмина. Что же случилось с вашим посвящением богу мудрости?

Вопрос, на удивление, оказался очень даже серьёзным, во всяком случае, Охотник отвлёкся от своего прежнего занятия и пустился в объяснения. По его несколько побледневшему лицу и слегка подрагивавшим губам, было видно, что тема как минимум является очень чувствительной:

— В нашем ордене лишь достойнейшие могут служить богу мудрости. Для этого они должны пройти одиннадцать испытаний. Доказать свою верность **остальным** богам.

— И кто же встал на вашем пути? — улыбнувшись, Цимон добавил в шутку: — Уж не мой ли покровитель?

— Нет, испытание Оруза оказалось сложным, но **преодолимым**, — ответил Войтон, вздохнув, и вдруг на посмотрел на Рентана как будто бы с обидой. — Я провалил испытание Малакмора.

Лекарь невыразил удивления по этому поводу. Подобные испытания практиковались

много где, и хотя по древним легендам придуманы они были богами, всё же их форму, а значит, и сложность определяли люди. И конечно же, на долю бога жизни и смерти выпадали самые нетривиальные из них.

Несомненно, было также и то, что для решившегося на испытания и провалившего их, это являлось страшным, несмываемым позором. Может, именно эти следы Охотник носил на лице, а может, раны остались исключительно на его душе.

— По вашему взгляду, — неожиданно заметил Войтон, — я понимаю, что вы **знаете**, о чём идёт речь, верно?

— Сам я не решился на подобное, хотя имел возможность испытать себя и свою веру в Двенадцать, — осторожно подбирая слова, рассказал Рентан. — Полагаю, учитывая специфику служителей Ренза, речь шла совсем не про паломничество к могилам святых или мучеников, — он замолк, не зная, продолжать ли, но Охотник показал, что готов слушать и дальше, — видимо, это было, м-м-м-м, какое-то связанное с алхимией испытание. Полагаю, вас поставили на грань жизни и смерти, верно? Заставили заглянуть за черту?

— Да, **это** так, — кинул Войтон.

— Что вы увидели там? — поинтересовался не без интереса Цимон.

— Всё, как в книгах: дверь посреди ничего, а подле неё... — голос Охотника стал монотонным. — Двенадцать судей-привратников. И ещё босая девушка с печальными тёмными глазами. Она меня и отвергла — не подпустила и на полшага. Сказала, что я не готов, что мне ещё не время идти раньше, но что мы **обязательно** с ней ещё встретимся.

И хотя это событие несомненно было очень важным событием для него, говорил Войтон практически без эмоций. И если отсутствие обиды ещё можно было понять, истолковать как крайнюю приверженность своим идеалам. Только вот куда подевался религиозный восторг было неясно. Ведь воочию увидеть подтверждение своей вере, даже пускай вызванное поставленным на грань выживания организмом и в конечном счёте провальное, доводилось совсем не каждому.

— Как вы **поняли**? — вдруг спросил Охотник, обращаясь к лекарю, касаясь лица рукой, словно пытаясь разгладить кожу. — Про алхимию? Из-за шрамов?

— Это было бы большим преувеличением. Ваши ногти, — не стал делать вид, что прочитал об этом или слышал где-то Рентан, хотя это также было правдой. — Они тогда почернели и выпали, верно? А новые в вашем возрасте уже растут долго.

Войтон покосился на свои пальцы, которые оголил за столом. Ногти и вправду выглядели несколько неественно. Он кивнул, подтверждая верность сказанного.

— Вы наблюдательны, — Войтон сделал паузу, не предвещающую ничего хорошего. — И всё же **кое-что** пропустили в своём рассказе. Чем вызван такой интерес к вашей персоне со стороны Келестии ваш Шеон?

— Как я и сказал...

— Я **слышал**, что вы сказали, — прервал его Охотник. — Меня интересует то, что вы не сказали. Во Власве и округе живёт порядка полутысячи выходцев из Оренгарда. Но только вы заинтересовали данную особу.

— Полагаю, всё дело в таланте Рентана, — довольно бесцеремонно вклинился Цимон. — И Яреке, разумеется.

— Если верить всему сказанному, так и есть, — демонстративно согласился Войтон. — Но я предпочитаю верить тому, что не было произнесено вслух, хотя **подразумевается**, — он неприятно улыбнулся. — Знаете, как паук определяет, что в его паутину попалась мошка?

Не глазами и не днём и ночью обследуя каждую ниточку, нет. По натяжению паутинок, их вибрациям, что создаёт мошка, борющаяся за свою жизнь. Ваш рассказ, Рентан, очень обстоятелен и подробен, но я **чувствую**, как дрожат и вибрируют ниточки его составляющие.

— Вы хотите предъявить мне обвинение? — заранее зная, какой ответ он получит, всё же спросил лекарь.

Однако ответ Охотника удивил, причём не только его одного.

— Нет. **Не сегодня.** Прежде мне ещё предстоит несколько не менее обстоятельных разговоров.

Цимон в этот момент выразительно прокашлялся, понимая, что за персона будет участвовать в одном из них.

— Я слышал о правителе этих земель, — прекрасно, без всяких уточнений поняв намёк, успокоил его Войтон. — Могу вас заверить, ваше святейшество, что не буду особо измываться над господином бароном. **Меня** он, откровенно говоря, вряд ли удивит.

Охотник встал и, больше ничего не говоря, коротко откланявшись, неторопливо пошёл прочь. Можно было подумать, что его очень привлекает сад, и именно этим вызвана неторопливость, но Рентан видел, что Войтон насколько погружился в свои мысли и едва замечал дорогу, по которой шёл.

Только когда он удалился на добрые метров десять, Цимон позволил себе облегчённо выдохнуть и даже откинуться в кресле. Он ничего не сказал, но по взгляду было понятно, насколько сильно его измотал этот разговор.

— Мою историю будут проверять, — заметил лекарь с огорчением.

— Будут, — кивнул священник коротко.

— И найдут несоответствия.

Ещё один кивок.

— Найдут.

— Это...

— Это никак. Поймите, Рентан, несоответствия есть во всех историях. Вы в конце концов пускай и нетривиальный, но всё же человек. Ваша память не идеальна, вы эмоциональны, вы устаёте. Проблема ведь не в этом. Совсем не в этом.

— А в чём же, ваше святейшество?

Лекарь ожидал какого угодно ответа, в первую очередь, конечно же, упрёка в слишком плохой лжи, но всё оказалось несколько иначе.

— В том, что он, — Цимон кивнул в ту сторону, куда ушёл Войтон, — тоже из Оренгарда.

— Ещё одно дитя, выжившее волею Двенадцати? — неосторожно поинтересовался Рентан.

— «Ещё одно»? — вскинул бровь священник, но решил не углубляться. — Впрочем, это, несомненно, подождёт. — Он замолк на мгновение, а затем вернулся к прежней теме: — Нет, Войтон не выжившее дитя. Он — сирота, которому повезло оказаться у Охотников за несколько лет до трагедии.

Пока лекарь размышлял, стоит ли спрашивать о том, куда подевались родители Охотника и как это связано с дальнейшей судьбой разрушенного Синею чумой города, священник пояснил, в чём же состояло везение:

— У него выявили склонность к магии. Незначительную, что, как вы, мой друг,

понимаете, является худшим приговором из возможных.

Рентан кивнул, показывая, что действительно понимает. На человека без соответствующей склонности или вовсе не чувствительному маги бы даже не посмотрели. Человек, склонный к магии или более того, имел все шансы пройти обучение и стать полноценным членом одного из магических Орденов. В случае же с такими как Войтон, маги не могли пройти мимо, но и светлое будущее им не грозило. Зато с высокой долей вероятности грозила участь подопытного, слуги, либо вовсе личного раба-игрушки.

— А что с его родителями стало? — всё же решился спросить лекарь.

Это было важно в том смысле, что могло сулить ещё большими неприятности, чем было до этого. Увы, Цимон отреагировал на этот вопрос лукавой улыбкой и лёгким движением плеч, сообщившим, что ответ ему неизвестен. Повисла пауза. Пока лекарь пытался сопоставить в голове даты и понять, насколько всё плохо, священник сопоставлял совершенно иные вещи. Он же первый поделился результатом вычислений:

— Вчера до моих ушей дошли занятные, ха, вести. Некая девушка на городской площади, очевидно, чем-то крайне возмущенная, посоветовала моим послушникам, а следом и мне самому отправиться в места не предназначенные для визитов кого бы то ни было. Это услышала и стража, после чего оная персона, не ставшая отрицать свою вину, оказалась в колодках, где ей предстояло провести несомненно очень запоминающиеся два дня. Но вот что интересно, — Цимон добродушно улыбнулся, — не успел я услышать об этом происшествии, как узнал, к своему глубочайшему удивлению, что простил глупышку и даже распорядился отпустить её! Друг мой, вы что-нибудь слышали об этом?

— Слышал, — виновато потупившись, признал Рентан неохотно. — Девушка сказала это...

— По глупости, свойственной её возрасту — так я заявил ещё вчера, до новостей о прощении. Но всё же... — священник замолчал и посерьезнел. — Полагаю, это и есть то самое первое «чудом спасшееся дитя Оренгарда», верно? Или скелет из шкафа, который хочет добавить нечто важное к вашей биографии?

Лекарь долго смотрел на свои руки, не знал, что именно ему ответить. Врать не хотелось, но в текущей ситуации нельзя было давать ни малейшего лишнего намёка даже самым близким людям. Это знание могло серьёзно им навредить.

— Это... — наконец очень неуверенно начал Рентан. — Это дочь одного человека из Оренгарда. Человека, которого я хорошо знал. Как себя самого...

— Эти многозначительные полутона, мой друг, — с намёком скривился священник и цокнул языком. — Ни к чему хорошему они вас не приведут. Скелеты в шкафу не умеют врать.

Однако лекарь не стал вносить какую-либо ясность и просто продолжил:

— Мне надо было с ней поговорить. Сами понимаете, разговаривать с человеком в колодках — не лучшее проявление дружелюбия.

— Особенно, когда есть возможность, прикрывшись именем известного человека, выпустить его, — усмехнувшись, закончил Цимон. — Не делайте такое лицо, друг мой, вам бы подобное понравилось ничуть не больше моего. Хотя, признаюсь как есть, меня эта ситуация скорее забавляет. Но вижу, — раздался тяжёлый вздох, — по результатам разговора вы уже успели пожалеть о своей милости, не так ли?

— Нечего молодым девицам делать в колодках, — покачал головой Рентан, не соглашаясь с последней частью. — Что касается разговора... — перед тем как продолжить,

лекарь налил и отпил вина, — я испытал лишь разочарование.

— Неужели ребёнок, которого вы когда-то знали и прошедший через худшие из возможных испытаний, оказался не тем ребенком, которого вы запомнили? — явно перебарщивая с иронией, поинтересовался Цимон. Заметив реакцию и осознав свою ошибку, он извинился: — Простите, друг мой, в осеннюю пору на меня особенно часто нападает цинизм.

— Проблема не в этом, — словно и не заметил едкого замечания лекарь. — Она считает себя какой-то особенной, уникальной...

— И имеет на это полное право.

— Она не единственный ребёнок, выживший...

— Несомненно, что не единственный, — довольно грубо перебил священник. — Но видите ли в чём заковырка: в нашем мире живёт множество людей, в жизни многих из них случались трагедии, и чаще всего эти трагедии отнюдь не уникальны. Хотя воспринимаются именно таковыми. Но и что с того? — Цимон слегка наклонил голову набок, наблюдая за реакцией собеседника. — Или вы рассуждаете с той позиции, что уж ваша-то трагедия чем-то уникальна? Но ведь вы и сами рассказывали, что из Оренгарда спаслись не в одиночку. — Предвосхищая любые замечания, он добавил: — Да и в остальных аспектах той истории, уверен, найдутся параллели.

Воцарилось долгое молчание. Как это часто бывало, Цимон оказался во многом прав, но Рентан не был готов вот так сходу это всё принять. Ему требовалось нечто большее, чем простое указание на факт, и священник, хорошо его знающий, тоже понимал это:

— Уверен, кроме вас свою трагедию считает уникальной этот прохвост Локто. Или вот взять сегодняшнего моего гостя, к сожалению, званого — Войтон тоже несомненно считает свою историю уникальной, что в случае с таким-то именем особенно иронично, — Цимон налил себе вина. — Или вот ещё пример, мой друг, вам наверняка очень хорошо знакомый...

— Чудная Целе, — догадался лекарь, угадывая ход мыслей собеседника. — Конечно, кто же ещё.

— Уж не слышу ли я в вашем голосе осуждение?

— Конечно, слышите! И, конечно, осуждение! — горячо подтвердил Рентан. — Вы прекрасно знаете, что она из себя представляет на самом деле.

— Да, имел неудовольствие убедиться. Но как бы ни была плутовата данная особа, глупо и странно отрицать, что она прошла через многое, — возразил Цимон и, пригубив вина, подвёл итог рассуждениям. — Поэтому, мой друг, могу посоветовать два варианта: либо начинайте укорять в неоригинальности всех вокруг, начиная с себя, либо прекратите искать соринки в чужих глазах и оставьте несчастную девушку в покое.

Как это часто бывало при разговорах в этом самом саду, Рентан не нашёлся, что возразить, хотя очень того хотел. Как он ни рассматривал свое поведение днём ранее, ему не удалось найти у своей вспышки иных причин, кроме как постыдного разочарования от завышенных ожиданий.

— Возможно, вы и правы, ваше святейшество, — нехотя признал лекарь. — К тому же вспоминая её отца в эти же годы...

— Ещё один завсегдатай колодок? — с довольной улыбкой предположил Цимон.

— Не совсем. — Рентан, помявшись, сообщил: — В Оренгарде никто бы не решился заковать Фрима Мено в колодки.

— М-м-м, понимаю. Распространённый недуг нашего общества. Очень часто те, кому

колодки нужнее всего, оказываются в них до ужасающего редко.

— Не знаю ни одного человека, которого бы исправили колодки, — заметил с явной претензией лекарь.

— Знаю множество людей, которые сдерживались, боясь вновь в них оказаться, — мгновенно парировал священник.

Покидая сад в крайней растерянности, Рентан неожиданно поймал себя на мысли, что за последние дни ни разу не воздавал положенного Двенадцати. Поэтому его дальнейший маршрут претерпел резкие изменения.

Храм Оруза лекарь не бесосновательно считал образцовым. Не из-за чистоты, порядка, обилия священных символов и книг или речей проповедовавшихся с кафедры храма. Даже неся за спиной груз непомерной вины, в вотчину Цимона, как и его сад, хотелось возвращаться, но что ещё важнее — там хотелось быть искренним.

Внутри возле алтаря, посвящённому богу-покровителю тех, у кого не было за душой ничего, кроме желания жить — Лансела, лекарь заметил хрупкую девичью фигурку, опустившуюся на колени. Она тихо, как умела, молилась.

Такой выбор покровителя Рентана одновременно удивил и не удивил вовсе. Кого ещё могла выбрать бродяжка? С другой стороны, Вилора родилась под знаком Макмина, как и её отец.

Тревожить девушку лекарь не стал, направившись к алтарю своего бога-покровителя. Тоже не «родного». Малакмора он выбрал уже после трагедии в Оренгарде, хотя и ранее тяготел именно к нему по долгу профессии.

Алтарь бога жизни и смерти непременно содержал два атрибута: весы или некое их подобие, а также чашу, куда клали подношение — вороньи перья. Эти птицы считались символом Малакмора, его вестниками и наблюдателями в мире людей. Перья надлежало регулярно сжигать, таким образом возвращая богу утраченное.

Подношений у Рентана под рукой не оказалось, а бабулек-торговок, вечно крутящихся подле храма, разогнали Охотники. Поэтому лекарь ограничился прикосновением к тем перьям, которые уже лежали в чаше, и парой монет.

Этот алтарь среди прочих выделялся тем, что молитва Малакмору здесь не была высечена прямо на камне, а находилась в виде раскрытой книги на специальной подставке. В ином регионе это посчитали бы за признак достатка, но на деле просто сказывалась близость Власвы к источнику древесины.

Впрочем, никакие подсказки Рентану не требовались. Нужную молитву он знал наизусть с малых лет, как и почти все остальные. Хорошо лекарь знал и их подлинный смысл, а также подходящие ситуации — читать молитвы, не относящиеся к насущным проблемам, считалось плохим тоном.

Где-то на середине процесса он услышал шорох за спиной, а чуть погодя ощутил на себе чужой, пристальный взгляд. Впрочем, Вилора, а это несомненно была она, тоже уважала чужое личное пространство и поэтому терпеливо дождалась, пока Рентан закончит молиться. Это был хороший знак, внушавший определенный оптимизм по поводу того, что их новый разговор не пойдет по стопам предыдущего.

— Я бы хотела, — без всяких предисловий начала девушка, когда лекарь поднялся на ноги, но осеклась и добавила крайне тихо и смущенно: — хочу поговорить о моём отце. Если ты... вы не против.

— Не против, — Рентан мягко улыбнулся, глядя на раскрасневшуюся Вилору.

Та истолковала этот взгляд и ответ несколько превратно:

— Ты, кхм, вы ведь не в обиде за вчерашнее? Я... я прошу прощения.

— Я тоже вчера сказал лишнего, — поддержал её лекарь. — Думаю, нам обоим стоит попробовать ещё раз, верно? — Девушка кивнула. — И тебе необязательно обращаться ко мне на «вы», говори, как тебе удобнее...

Говорили о разном, но старались держаться только хорошего. О плохом было сказано уже достаточно. Поэтому разговор далеко не всегда получался искренним. Им обоим было что скрывать и чего стыдиться. Они скрывали и стыдились.

Говорили о прошлом. Вилора практически не помнила своего детства и тем более родителей, поэтому с удовольствием слушала рассказ Рентана о тех временах. Лекарь узнал много нового о краях, их традициях и нравах, по которым скиталась девушка.

Говорили о будущем, но совсем немного. Так уж вышло, что они оба редко задумывались о таких вещах, предпочитая жить настоящим. Вилора пообещала задержаться в Власве и перезимовать либо в самом городе, либо в его окрестностях. Рентан уверил её, что окажет всю возможную помощь.

Говорили об общих знакомых. Как это ни странно, но таковые имелись. Римпана Вилора повстречала почти около недели назад, и он немало поспособствовал тому, чтобы девушка оказалась в городе. Наслышана она была и Войтоне Турне, насколько он жесток и немилосерден. Много Вилора слышала, что особенно удивляло, о Витиасе и его лечебнице, но ничего при этом не знала о Миловиде.

Говорили они долго. Вплоть до боли в ногах от непрерывной ходьбы, ибо оба отличались острой любовью к этому способу времяпрепровождения. До сухости в горле, благо, в чём не было недостатка, так в это в способах утолить жажду. Вплоть до вечерних сумерек, замеченных совершенно случайно, потому наступивших для них двоих внезапно, неожиданно и слишком быстро.

Пообещали поговорить ещё, на следующий день, если представится такая возможность. И впервые за двадцать лет Рентан, заснув необычайно быстро, увидел хороший сон. Который, как ему очень хотелось, было бы здорово увидеть наяву.

— Входи, не нужно стесняться, я почти готова тебя принять, — произнесли намеренно приглушённо, как будто томно.

Общая двусмысленность сказанного заставила Войтона Турне посмотреть на открывшего ему дверь спальни лысого мужчину с татуировкой на лбу. Никаких эмоций лицо гомункула, конечно же, не выражало, хотя Охотник всё равно как будто заметил некое осуждение.

Только узнав, с кем ему предстоит разговор, Войтон понял, что это будет испытанием его характера и силы воли на прочность. И конечно же, Келестия не была настроена как-то облегчить ему задачу, скорее, напротив.

Сначала магичка отдала на растерзание барона, словно стараясь измотать и обессилить Охотника. Разговор с Кобыславом и вправду был малоприятным, но после Цимона и человека, называющего себя Рентаном, Войтон счёл его скорее разминкой после пути в замок. Сама Келестия в это время отправилась заниматься неким, не терпящим отлагательств делом и попросила посетить её после в личных покоях.

«Делом, не терпящим отлагательств» оказалось принятие ванны, причём с таким

расчётом, чтобы Охотник появился во время процесса, застав магичку полностью обнажённой. Пригласив собиравшегося выйти Войтона, Келестия демонстративно неторопливо встала из бадьи и позволила нескольким служанкам себя вытереть. Охотник бросил несколько оценивающих, несомненно ожидаемых взглядов в сторону молочно белой кожи магички, её идеальных округлостей и выпуклостей.

Келестия же, откровенно издеваясь, демонстративно неторопливо вытерлась, завернулась в полотенце, надёжно скрывая всё, что только что без капли стыда демонстрировала с различных ракурсов, а затем и вовсе спряталась за ширмой. Это не означало конец игры, только новый её раунд. Служанки тем временем по требованию магички покинули комнату, бросая абсолютно беспочвенные, полные осуждения взгляды.

— Несомненно тебя тревожат очень срочные дела, поэтому, дабы не дожидаться исполнения моих женских ритуалов, советую начать немедленно, — раздался холодный как лёд голос магички из-за ширмы.

Охотник, действуя по привычке, собирался сделать шаг вперёд, чтобы иметь возможность видеть что-то, кроме тени собеседника, но его мгновенно остановили:

— Не надо. Стой там, где стоишь, так мне удобно с тобой говорить. Ты мне не мешаешь.

Войтон стерпел унижение. Любая другая особа за подобные игры отправилась бы в темницу, где долго бы исповедовалась в своих грехах, однако в случае с Келестией он был не более чем гостем. И не имел никаких рычагов давления. Поэтому, чтобы узнать от неё хоть что-то, приходилось идти на уступки, в том числе своей совести и чувству гордости.

— Ритуал, что вы проводили в замке, — начал Войтон. — Что это, какие цели вы ставили и каких **результатов** добились?

— «Вы»?! — раздался насмешливый девичий смешок. — Неожиданное обращение. Мне казалось, что этой границы между нами нет. Уже нет.

— Я здесь с **деловым** визитом, архимаг, — серьёзно ответил Охотник.

— Считай, что ВАШ деловой визит закончился там, внизу. Теперь ТЫ в моей спальне, и моё распаленное после ванны голое тело отделяет от тебя не самая закрытая ширма. Поэтому веди себя соответствующе.

Войтон мог поклясться, что до этой минуты в ширме не было никаких щелей, просветов и дыр, однако они появились. Охотник слегка сместился, так, чтобы максимально закрыть себе обзор. Раздался ещё один смешок, очень тихий, после чего дыры, словно жуки, переползли на новое место, вновь приоткрывая вид на магичку. Та успела игриво приспустить полотенце, несомненно зная, как это будет выглядеть и какой эффект произведет.

— Так о чём это мы, хм-м-м? — продолжая издеваться, протянула Келестия. — О ритуале, верно?

— Да, о **ритуале**.

— По-моему, ты не тем занимаешь свою голову. Я могу пуститься в долгие объяснения, что это, какие цели я ставила и каких **результатов**... как ты сказал? Достигла?

— Добилась, — рефлексивно поправил Охотник.

— Да, добилась, верно, — в голосе магички чувствовалось злоба. — Так к чему это? К чему тратить твоё и моё время на рассказы о вещах, которых не поймёшь? Мы можем провести это время с куда большей пользой и удовольствием.

Щели, просветы и дыры на ширме увеличились до размеров небольших окошек, а сама Келестия, невозмутимо приоткрыв рот, как бы невзначай пересела так, чтобы вид на её тело

для Охотника открывался наиболее подробный. Полотенце тем временем «случайно» упало на пол.

— И всё же ритуал...

Раздался тяжёлый вздох, только совсем не девичий. А затем последовало не менее взрослое объяснение:

— К чему эта игра? Ты ведь прекрасно знаешь: я тебе ничего не скажу. Ни про ритуал, ни про Фрима, ни про Синюю чуму или что-то иное, сколько-нибудь важное. Но так как ссориться с тобой и твоими вооружёнными прихвостнями мне не с руки, мы можем заключить вполне удобоваримую для нас обоих сделку, — магичка встала и, призывно покачивая бёдрами, вышла из-за остатков ширмы. — Мне предстоит томиться в ожидании неизбежного целый вечер и ночь. Вечер и ночь, которые ты поможешь мне в меру своих сил скрасить, а я взамен подарю тебе то, чего ты ещё ни разу в жизни не пробовал, а возможно, и не попробуешь. — Она провела рукой по грудям и, игриво подмигнув, спросила: — Так что, по рукам?

Некоторое время они буравили взглядами друг друга не двигаясь. Затем Войтон решительно сделал шаг вперёд, резко развернулся на месте и вышел, злобно бросив через плечо:

— Я узнаю всё меня интересующее **иными** путями.

— Импотент! — полетел ему в спину оскорбленный донельзя возглас.

Предводитель Охотников почти покинул Лиственницу, когда его нашёл запыхавшийся донельзя слуга. Пожалуй, сильнее он был только напуган то ли из-за шанса провалить поручение, то ли персоной Войтона.

— Мой господин, господин Венегил шлёт вам наилучшие пожелания и приглашает к себе на приватный разговор.

О коморнике Кобыслава Войтон Турне был наслышан немало. Половины из этих сведений было вполне достаточно для однозначного приговора, а вторая вполне годилась в качестве отягчающего обстоятельства. Поэтому, с одной стороны, он несколько не удивился тому, что Венегил уклонился от разговора при своём подопечном-бароне, а с другой, сам не искал беседы, ибо в ней уже не было смысла. Тем не менее коморник вдруг изменил своё решение, и эта резкая перемена не могла не вызвать интереса.

У Войтона не вызвала. Объяснить поведение Венегила он не мог, не хотел и даже не пытался, но сильно сомневался, что узнает что-то новое и тем более полезное. И тем не менее проследовал за слугой, рассудив, что может позволить себе потратить ещё полчаса своего времени впустую.

Коморник пребывал в многодневном запое со всеми сопутствующими особенностями данного состояния. Ужасно вонял смесью чеснока, капусты, мочи и алкоголя; пребывал в одном исподнем, причём уже явно не первый день; не брился и не расчесывался. Всё то же самое, лишь немного в меньшей степени относилось и к помещению, где должен был произойти разговор.

В иных обстоятельствах, глядя на это помещение, предводитель Охотников мгновенно бы решил, что оказался в логове бывшего разбойника. Очень уж тут было много шкур и разномастного, правда, совершенно неухоженного оружия. Больше было только бутылок, чаще всего пустых. Присутствовали и иного рода ценности: золото, серебро, медь — почти всё в форме посуды.

Войтон стоически выдержал и отвратительный запах, и полное отсутствие вкуса. Хотя в

само обиталище Венегила предпочёл не заходить, оставшись в открытых дверях — на каком-никаком сквозняке.

— Я что хотел сказать, кхм, — немного растерявшись от такого начала разговора, начал коморник, — ваше... ваше величество, вы...

— Я не король, — холодно оборвал его Охотник. — **Капитан** или капитан Турне.

— Капитан, значится, — кивнул Венегил, предварительно прожевав это слово про себя. — Я знаю, чевой-то тут забыла эта сука, тварь...

— Келестия, — прервал его Войтон. — **И почему же?**

— Курганы этих Единщиков или как их там! Точнее, один курган. Который мы весной раскопали! Или летом это было... — коморник принялся беззвучно выяснять сам с собой, когда же именно это произошло, дело едва не дошло до драки.

— При чём здесь курганы **еретиков?**

— Не курганы! Курган! — настойчиво поправил его Венегил. — И не простой, а какого-то главного их, магика!

Это уже было куда интереснее, но прежде чем продолжить, Войтон просто на всякий случай, следуя профессиональной привычке, уточнил:

— Откуда вы узнали про курган? Именно этот. Копали **наугад?**

Такие вопросы были защиты у него в подкорку. Ведь в цепочке самыми важными звеньями были не конкретные расхитители древностей или еретики, а те, кто продавал им сведения. А также те места и люди, являвшиеся источником сведений.

— Не-е-е, так бы мы наугад евой лет надцать копали, ваше... капитан! — коморник выразительно, но неаккуратно сплюнул прямо себе на рубаху. — Пройдоха какой-то карту продал! Как в сказках! Знал бы — отправил бы поплавать по Власве в каменных башмаках вместе с евоной картой!

— Понятно, нашли **завещание** или иное указание, — сам себе внёс ясность Войтон, много раз сталкивающийся с такими историями. — Что внутри кургана было, **кому** он принадлежал конкретно: имя, чин?

— Архус какой-то там или Хархус... — В этот раз Венегил не стал спорить, а почти сразу, лишь прервавшись на поток какого-то забористого пойла, продолжил рассказал: — Из ордена, ну, как мы покумекали уже позже, Трёхлучевой звезды, ну как и эта сука, тварь...

— Ясно. Что **внутри** было, в кургане?

— Да библиотека, кхм, библиотечка тобишь была! Книжки, свитки всякие, ну и инструменты. — Косо посмотрев на собеседника, Венегил сразу признался: — Инструменты те магические, стало быть, мы сразу тойой — продали, значится. Это было несложно. Ну, вы понимаете. — Капитан кивнул, не потому что понимал, а потому что ему было плевать на эту часть истории. — А с книгами, сами понимаете, книжонки те время не любят, а кургану лет сто или двести было. Ну мы и стали их в порядок приводить, как умели. Тогда и явилась эта сука, тварь...

— Разумеется, Келестия мгновенно **потребовала** ей всё отдать? — предположил Войтон.

— Не, не отдать, вашество, в смысле капитан, — коморник помрачнел. — Сказала, что мы вольны валить куда хотим и должны сделать это побыстрее, потому что курган, стало быть, еёный. И что если будем супротивляться, то она жопу сами знаете куда натянет...

— Так что в **книгах** тех было вы успели понять? — уже совершенно не жалея, что

терпит отвратительный запах и внешний вид собеседника, спросил Войтон Турне.

— Уже после всего этого, капитан. Когда Ярек умер, ну я и решил, что надо ж корень этого всего отыскать. И отыскал, чтоб его!

Предводителя Охотников это обстоятельство несколько удивило. Келестия не была похожа на ту особу, которая разбрасывалась своими тайнами. Венегил в свою очередь ещё меньше походил на человека, способного в такие тайны незаметно влезть. Истина оказалась куда проще.

— Она сама всё выболтала моему полудурку барону! — бегая глазками, заявил коморник.

— И часто Келестия выбалтывает свои тайны посторонним **идиотам**? — мрачно, не веря в сказанное, уточнил Охотник.

— Да постоянно! Но токма Кобыславу! — охотно принялся словоблудить Венегил. — Она ему много говорит, без умолку. Знаете, как некоторые сами с собой балакают, вот она с ним так же. А он уши развесил и слушает. Ничего не понимает! Ничего! Ни словечка. Влюбился. В ней души не чаёт. Представляете, капитан, он всё верит, что эта сука перед ним ноги раздвинет! Уже вот-вот, ха! Думает, поди, что у неё там не как у обычной бабы, а поперёк!

— Меня не интересует анатомия, что в **книгах** было? — не разделяя восторга, повторил свой вопрос Войтон.

— Циферки какие-то были! — с возмущением от того, что его шутку не оценили, ответил Венегил. — Дескать, Архус этот или Хархус, магик, короче, прорицал будущее, но не как наш Ярек, земля ему пухом, а через... кхм, цифры короче. Ну и напророчил он, что, дескать, вот сейчас выходит что-то тут у нас, во Власве, случится. С этими Единщиками связанное. Потому она и тут. Пророчество, стало быть, в действие привести.

Сведения эти Войтон, немного подумав, счёл полезными. Конечно, на происходящее они мало влияли, но тем не менее придавали контекст, а это было немаловажно. Вместе с этим предводителя Охотников насторожил факт такой осведомлённости барона, а следом и его коморника. Он всё пытался отыскать в этом какой-то смысл или логику, но никак не мог. Келестия не была настолько глупой, а Кобыслав настолько надёжным хранителем тайны, а значит, дело было в другом.

Понимая, что многократно пожалеет об этом, Войтон зашел наконец в помещение и закрыл за собой дверь, после чего набросился на Венегила, сильно вжав шею в стену.

— Хватит этой **чуши** про барона. Откуда знаешь, что в кургане? — зло спросил он, немного ослабляя хватку. — **Говори!**

— Книжки мы читали, те, что в кургане. Да и записи у нас остались, говорю же, переписать пытались... — хрипя, признался коморник, разом убавив в степени опьянения. — Ну и высмотрели, значит, знакомые названия. И насчёт дат докумекали потом уже. Магик тот не дурак был, понятно писал — не себе, а другим. Нам в том числе.

Это было куда больше похоже на правду, нежели словоблудие Келестии перед человеком просто физически неспособным сохранить тайну. Убедившись, что в этот раз рассказ полон и не требует дополнений, Войтон отпустил Венегила и вернулся к дверям, намереваясь уйти.

— Меня ждёт костёр? — мрачно осведомился коморник. — Не хочу в огне подыхать. Скверная смерть.

— Надо бы, да кому ты нужен, **пьянь**, — почти что с огорчением сообщил Охотник.

— Так, может, тогда... — Заметив, что его совершенно не поняли, Венегил выразился яснее: — Конiec мне теперь после этого рассказа. Эта сука замучает меня. Лучше уж на костёр. А коль я вам, капитан, полезен, так подсобите, стало быть? Хоть костром! — в его голосе появилась крайняя степень отчаяния. — Да, такое вот я говно, а не человек! Даже руки на себя наложить не могу решиться. Трус, говно! Только и могу что просить!

Почти без раздумий Войтон выхватил притаённый на случай, если разговоры в Лиственнице пошли бы не по плану, кинжал и взмахнул. Он не старался сделать смерть Венегила быстрой или лёгкой. Тот, несмотря на страшную рану, остался жив и даже в сознании, хоть и, лишившись возможности двигаться, повалился на пол, аккуратно в лужу своей крови. Поэтому прекрасно видел, как Охотник, старательно избегая грязи, взял со стола масляный светильник и бегло окинул взглядом запас топлива.

— Просто хочу, чтобы ты знал, **пьянь**. Я делаю это не по твоей просьбе. И тем более не пытаюсь скрыть следы нашего разговора. Просто мне так осточертела твоя **вонь**...

Он бросил светильник на пол прямоком на старые, очень сухие, а потому легко воспламеняющиеся шкуры. Затем, не удовлетворившись скоростью распространения огня, подкинул туда пару не до конца пустых бутылок. Полыхнуло знатно.

— Каков **еретик**, таков и **костер**, — сказал напоследок Войтон Турне и, аккуратно прикрыв за собой дверь, вышел прочь.

Деревенская община

То, что Рентан явился в лечебницу Эвана вовремя, вернее, даже несколько загодя, в хорошем настроении и прекрасном самочувствии, нисколько не уберегло его от придирок и замечаний. Разве что несколько сузило их ассортимент.

— Знаешь, почему я так часто отправляю тебя гулять по домам знати или загород? — поинтересовалась Миловида недобро, вызвав его к себе.

— Потому что думаете, что мне это не нравится? — осторожно дозируя сарказм, уточнил лекарь. — Полагаете, что мною многое теряется вне вашего общества?

— Интересная мысль, — скорчив безразличное лицо, заметила женщина. — Обязательно над ней подумаю, — она коварно усмехнулась. — А ты сегодня съездишь в Ляхово.

— Что я там увижу? Пустые хаты и...

— Павших, раненых и больных в результате сражений за урожай, — прервала его Миловида. — Это не моя прихоть. Вчера прибыл от них мужик, попросил кого-нибудь в помощь.

— Рядом, если ничего не путаю, живёт маг-отшельник, — с намёком припомнил Рентан.

— Живёт, не путаешь, — подтвердила женщина. — Вот заодно выяснишь, почему он перестал помогать своим мужикам, с которых, между прочим, кормится.

— Он пропал?

— Вроде бы нет. Но люд лечить отказывается.

— Меня могут не выпустить из города, — стоял до последнего лекарь.

— Вот как не выпустят, так и подумаем над этим.

Миловида, подводя под разговором черту, тяжело встала с места и демонстративно направилась прочь из кабинета. Рентан сразу отметил, что сегодня ей это удалось с особой, куда более сильной, чем обычно, болью. Такой, какую она едва сдерживала.

— Возможно, будет лучше, если я подменю вас с молодыми, — заметил лекарь спокойно, заранее зная, каким по форме и сути будет ответ.

Он не угадал. Женщина, вместо того чтобы ответить едким сарказмом или умной иронией, не сдержавшись, просто и коротко послала его по конкретным географическим координатам — в деревню Ляхово.

Ехать туда Рентану не хотелось не только из-за мерзкой, дождливой, холодной погоды, которая за городом наверняка станет ещё более мерзкой, дождливой и холодной, присовокупив к прочим своим недостаткам ещё и ветер. Даже не из-за необходимости выяснять отношения с местным магом. То, что в Ляхово всегда хватало тяжёлой, утомительной, рутинной работы, тоже не играло значимой роли — как будто где-то, когда-то могло быть иначе.

Лекарь чувствовал, что ему следует остаться в городе. Объяснить чем-то, кроме зова интуиции это ощущение, он никак не мог. Даже перед самим собой. Просто пожирающая его изнутри неясная тревога непонятно по какому поводу.

Впрочем, к тому моменту, как он послал весточку за Римпаном и только им (поездка планировалась длинной, и превращать её в мучение сразу же было бы глупо), лекарь нашёл в своём путешествии некоторую пользу. Маг-отшельник по имени Кирвин несомненно слыл

подозрительной личностью с весьма туманной биографией — жил поодаль от людей он совсем не просто так. Тем не менее так уж получилось, что Кирвин являлся одним из немногих, кто мог внести в происходящие с Рентаном вещи ясность. Именно её лекарю так отчаянно не хватало в последние дни.

Римпана пришлось подождать, но это оказалось только к лучшему. Во-первых, погода несколько поубавила по части дожливости. Во-вторых, Рентана разыскала Вилора.

— В Ляхово том я уже была! — заявила девушка очень многозначительно. — Мерзопакостное местечко! Мерзопакостненькое!

При этом как-то само собой разумелось, что она тоже едет. Лекарь спорить не стал. Интуиция подсказывала, что в этот день споры с женщинами — заведомо провальное дело, даже если правда на твоей стороне.

Подъехавший возница лишь укрепил это предположение, потому что мгновенно занял сторону девушки. Даже не задумываясь над тем, что его потрёпанная бричка их троих едва выдержит, не говоря уже про наличие свободного места.

— Да будет вам, мастер-лекарь, я человек не гордый, подвинусь! — заверил Римпан как будто с укором. — А в дальней дороге, скажу по опыту, компания — только к лучшему. А уж в Ляхово тех...

— Как твоя рука? — спросил Рентан, пока они не тронулись с места.

— Почти зажила! — жизнерадостно ответил возница.

Это было отборной, чистейшей ложью. То, что рука болит и доставляет дискомфорт своему хозяину, заметил бы и слепой.

— Доедем — покажешь, — заявил лекарь тоном не терпящим отказов.

К тому же выяснилось, что эти двое были уже знакомы:

— Вижу, ты нашла, что искала? — давя лыбу, спросил Римпан.

— Ага, спасибо, что подвёз тогда, — улыбаясь не менее широко и искренне, ответила Вилора.

— Да будет, пустое. Получается, и тебе помог тогда, и вам, мастер-лекарь, угодил, верно?

Рентан, погружённый в свои мысли, ограничился одобрительным хмыканьем.

Кое-как устроившись так, чтобы никто не был в обиде, тронулись в путь. Власва гудела, как растревоженный улей. Всё из-за Охотников. Их отряды, занявшие позиции по всей территории города, к этому моменту заметили абсолютно все. Реагировали на них нервно и недобро, явно ожидая самого худшего.

Городская стража так и вовсе лютовала, будучи особенно пристрастной в отношении всех, кого можно было хотя бы заподозрить в умысле совершить преступление. Доставалось, конечно же, исключительно «своим». Причины такого поведения лежали на поверхности: в городе назревали волнения, и чью сторону занять, вопросом являлось отнюдь не однозначным.

Самый простой и понятный вариант сулил обвинением в религиозном мятеже. К тому же было не до конца ясно, как с помощью затупленных алебард, которыми не каждый стражник пользоваться-то умел, можно справиться с тяжело вооружёнными опытными бойцами Охотников. Тогда как любая попытка вооружиться и самоорганизоваться мгновенно будет истолкована максимально превратно.

Альтернативным выбором служил тот, который подразумевал занять сторону сильных,

тех, кто в конечном счёте всё равно победит. Только вот Охотники не останутся в городе навечно. Год-два, пока не выжгут семя мятежа до последнего зернышка. Конечно, кто-то за это время сумеет выслужиться достаточно, чтобы его взяли с собой. Остальные же останутся наедине с городом полным людей, жаждущих мести, чьих родичей и друзей убивали, пытали, истязали, а значит, мстить они будут соответствующим образом каждому, до кого сумеют дотянуться.

Особой строкой во взаимоотношениях Охотников и горожан стоял близящийся праздник. Уже сегодня ночью был канун пира Винарда — важнейшего праздника для жителей Власвы. Охотники вроде бы не препятствовали организации празднества. Одновременно с этим вряд ли они не понимали, что где большое сборище, а сборище, как и всегда, планировалось общегородским, и много алкоголя, недостатка в коем никогда не было, там риск беспорядков. Случайный толчок, лишнее слово, косой взгляд — всё это могло стать той искрой, пожар от которой накроет всю Власву и окрестности.

Размышляя над этим, Рентан понял, что вчерашние увещевания представителя купцов и Цимона были не блажью, не попыткой показать, кто тут хозяин, а дальновидным и мудрым в своей сути решением. Тогда как упрямство Войтона Турне с каждой минутой всё больше походило на спесивое ребячество, лишённое всякого смысла.

Самого предводителя Охотников видно не было. К лекарю он явно никаких вопросов не имел, потому что его люди, контролировавшие все пути из города, остановив бричку, лишь кратко уточнили у Рентана, куда именно тот направляется и когда вернётся, после чего спокойно пропустили.

— Может, тебе не стоит возвращаться в город? — когда они отъехали от Южных ворот метров на двести, украдкой спросила Вилора.

И хотя она не слишком умело пыталась скрыть, с полувзгляда было понятно, что это вариант кажется ей практически безальтернативным. Лекарь считал совершенно иначе.

— Это создаст очень много проблем у людей, которым я не желаю создавать проблем вовсе, — ответил он без всяких раздумий. — Кроме того, если Охотники хотят кого-то отыскать — они сделают это. Способы и средства у них есть.

— Как-то за одним из наших «охотились» — украл он чего-то у них, — припомнила девушка. — Так и не нашли.

— Возможно, они не знали, кого именно ищут — это не мой случай. Возможно, не сочли нужным искать — тоже не про меня. — Рентан тяжело вздохнул и озвучил последний вариант: — А возможно, нашли, пускай не сразу.

— Двенадцать на их стороне, а значит, идти против них — накликасть на себя беду, — поддержал беседу Римпан. — Так мне батька говорил. Думаю, так и так прав он.

— Твой отец сталкивался с Охотниками? — удивился лекарь.

— Не-е-ет, он приличный человек, конюхом старого барона был, пока артрит не скрутил. Там уж не до работы стало. Но умный — этого не отнять!

— Умный был бы, так сказал бы жить своим умом! — фыркнула Вилора, но каких-то более существенных доводов в свою пользу привести не сумела.

Римпан лишь растерянно хмыкнул в ответ, но не похоже, чтобы обиделся. Чувствовался богатый опыт общения с людьми как таковой, так и опыт общения с теми людьми, кто не умел держать язык за зубами.

Бричка тем временем миновала южные городские предместья. Дорога здесь, не в пример той, что шла на север, была ухоженной и широкой. Но и движение куда более

интенсивным. Причина состояла в том, что дальше на север из заезжих торговцев немногие отваживались отправляться. Дикие, неухоженные лесные края сулили неприятности, либо впустую потраченным временем, и почти не обещали никакой прибыли. Всё, что можно было там отыскать, продавали во Власве, пускай и с наценкой. Не слишком грабительской, поэтому рисковали только совсем отчаянные.

Местность, раскинувшаяся к югу от города, всегда нравилась Рентану. Вся эта простоватая, незамысловатая деревенская пастораль так и манила любого горожанина к себе. Сулила тишиной, близостью к природе и спокойствием. Однако вид трудящихся с рассвета до заката большую часть года людей несколько остужал пыл. Ещё сильнее его остужало знание нравов этих самых людей.

Сельская община — не просто красивое, академическое словосочетание. Это уклад жизни, причём жизни сразу многих поколений людей. Во всех этих милых, уютных деревушках жили люди, крепко держащиеся друг друга во всех смыслах и очень недоброжелательно относящиеся к тому роду пришлых, которые желали жить с ними.

«Ушёл из одного места — уйдёт и из этого», — такова была их логика, и нельзя сказать, чтобы эти люди так уж заблуждались.

Когда каждая краюха хлеба и рубаха на счету, ты не хочешь делиться ими с тем, кто, не давая ничего равноценного взамен, уйдёт однажды восвояси. Деревенский люд при всей своей простоватости и необразованности мыслил на удивление стратегически, масштабно. При серьёзной ограниченности ресурсов и непостоянстве природы, когда жить приходилось от сезона к сезону, молясь Двенадцати, чтобы урожай не погиб, лучшим выходом было замкнуться и контактировать только с другими, такими же закрытыми общинами, меняя излишки урожая на те необходимые вещи, которые самостоятельно производить не удавалось.

Альтернативой такому укладу служила смерть. Голодная, холодная, от стали, зубов — всё одно. Стоило единству общины пошатнуться, балансу, который выстраивался на протяжении поколений нарушиться — и всё неизменно шло прахом. Необязательно это происходило сразу или одномоментно. Иные деревеньки умирали столько же, сколько существовали. Только вот приятного в этом всё равно было предельно мало.

Поэтому осесть в такой общине удавалось лишь тем, кто был крайне полезен, либо вызывал чрезвычайное доверие к своей персоне. Все остальные прогонялись взашей, если надо — с помощью вил и факелов. Иначе по простой и понятной общинной логике было никак нельзя: шальная мысль о том, что можно не только прийти, но и уйти, становилась тем маленьким камушком, который в итоге вызывал лавину. Такие мысли были куда опаснее, нежели постоянная нехватка рабочих рук.

Поэтому копающиеся на аккуратных квадратиках полей люди поглядывали в сторону проезжающих и бричку Римпана в том числе очень косо. С явной недоброжелательностью. Хотя причиной этих малоприятных взглядов далеко не всегда было подозрение в остром желании поселиться рядом. Немалую роль играли и банальные предубеждения в отношении городских жителей, коих имелось несколько не меньше, чем предупреждений в отношении деревенских.

— Ты, кстати, не знаешь, чего тот маг в Ляхово своих лечить перестал? — поинтересовался, глядя на завершение сезонных работ, Рентан.

— Да только от вас об этом и узнал, стало быть, — пожимая плечами, признался Римпан. — Я его, сколько в тех краях бывал, ни разу не видел. Только слышал, что есть

такой. Корвин, вроде бы.

— Кирвин, — поправил его лекарь и сразу объяснил: — я с ним тоже считай что незнаком. Однажды пересеклись по рабочим вопросам.

— А чего тогда интересуешься? — чуя какой-то продвох, спросила Вилора.

— Да в том-то и дело, — не стал юлить лекарь, — когда мы с ним «познакомились», скандал случился. Ему здорово так не понравилось, что я на его хлеб позарился. Дескать, он лучше знает, как своих лечить.

— Может, он из-за Охотников переживает? — предположила девушка.

— Или той магички? — поддержал её возница.

Оба варианта были простыми, понятными, логичными и лежали на поверхности. Поэтому-то Рентану и не нравились. Он прекрасно понимал, что вокруг него сжимается петля чего-то очень опасного, но малопонятного, особенно постороннему.

— Охотники явились из-за Вороново, — принялся вслух рассуждать лекарь. — Келестия — из-за, предположительно, Ярека...

— Почему предположительно? — уточнила Вилора.

— Возможно, свою роль сыграл тот курган триединников, который недавно нашли где-то неподалёку, — жалея об упущенной возможности, сообщил Рентан. — А про Ярека она узнала на месте...

Он мог задать этот вопрос напрямую магичке. Конечно, не факт, что она ответила бы, а даже если так, то ответ мог быть запутан или обманчив, но всё равно даже лучше, чем ничего.

— Так или иначе, но произошедшее в Вороново и интерес Келестии — это звенья одной цепи. Подозреваю, что у Кирвина в этом своя, особенная роль.

— Какая? — почти что хором спросили его спутники.

— Это предстоит выяснить вам, — усмехнулся лекарь и объяснил: — вряд ли у меня будет время шляться по округе и вести расспросы, не касающиеся медицинских тем.

— Ну если надо... — пожал плечами Римпан, у которого было больше всех достойных поводов отказаться.

Вилора так и вовсе, кажется, была в полном восторге. Рентану это не очень нравилось, но он не стал гасить этот наивный энтузиазм. Лучше уж так, чем понуро выполнять чужую просьбу. Да и без него найдутся те, кому будет очень свербить в причинном месте поступить подобным образом.

Ляхово, хотя и именовалось деревней, на деле уже переросло этот этап. Однако и городом пока не стало. Мешали Власвы, обе разом: и речка, которая здесь делала крюк и потому располагалась довольно далеко, и город, просто в силу своих размеров перетягивающий на себя внимание. Всё, что имелось у Ляхово, — это добротная, раздваивающаяся дорога и обилие холмов, на каждом из которых высились мельницы, общим числом семнадцать штук.

Конечно, такого количества полей и соответствующих урожаев подле самой деревни и близко не могло быть. Зато имелся небольшой, но очень оживлённый особенно в эту пору рынок. Толкотня и гомон стояли такие, каких во Власве и близко никогда не было. Особенно этим впечатлился Римпан.

— Я туда не сунусь, — без претензий, но всё равно категорично заявил он сразу, как увидел происходящее. — Коней перепугаю, а там да и не протолкнуться.

— И не надо, — Рентан указал на здание придорожного трактира, оставшегося чуть

позади. — Становись там, я дальше на своих. — Посмотрев на возницу и его маневры, он уточнил: — Путь обратно займёт столько же времени, часа четыре?

— Хм, вечером-то? — призадумался Римпан. — Не думаю. Мы сегодня ранние пташки. проскочили. А как день на заход пойдёт — так все обратно ломанутся, и мы в их числе.

Лекарь выразительно хмыкнул, приглашая возницу предложить удобный ему самому вариант. Тот намёк прекрасно понял:

— Лучше будет с сумерками выдвигаться обратно. Дорога хорошая, и я её знаю, к тому же пустая будет — Пир же на носу, все по домам уже разъедутся.

— А твоя семья не против будет? — спросила Вилора. — Ты же опоздаешь.

— С чего бы? — искренне не понял Римпан. — Вернёмся аккурат к полуночи, сдам коней, кину там же бричку — и можно к своим, за стол. А с ним уж жёнка и без меня сдюжит-то! Три помощника как-никак!

На том и порешали. Правда, прежде чем лекарь, прихватив свой саквояж, отправился искать войта, а вместе с ним и больных, его, улучив подходящий момент, так, чтобы их никто больше не слышал, перехватил возница.

— Мастер-лекарь, простите, что задерживаю, уж не поймите меня неправильно, но...

Рентан всем видом показал, что единственное, что он может истолковать неправильно — это лишнюю болтовню.

— Эта девушка, — помявшись немного, перешёл к сути Римпан, — Вилора, стало быть, она... ваша дочь?

— Она сирота, дочь очень близкого мне человека.

— А-а-а, просто вы так похожи... ну, наверное, я зря в это лезу, простите!

— Стой, — неожиданно для себя тоже окликнул его лекарь. — Вы знакомы, откуда?

— Да я это... подбросил её до города пару дней тому назад или раньше чуть... — возница растерянно почесал затылок. — Вы, мастер, не подумайте худого: я человек женатый и...

— Не подумаю, — успокоил его Рентан. — Просто странное совпадение.

— Ну дык: неисповедимы пути, которыми нас ведут Двенадцать.

Произнеся это, возница поспешно, даже слишком, удалился выяснять условия стоянки. Лекарь проводил его крайне растерянным взглядом, который затем перевёл на девушку, которая, не слыша их, гладила и что-то говорила коням. Похожим на неё он бы себя не назвал, даже со скидкой на разницу в возрасте, но одновременно с этим прекрасно понимал, откуда такое мнение могло взяться.

Нужное ему место Рентан нашел почти что сразу. Похоже, выходило так, что в это время суток и года люди в Ляхово присутствовали в двух местах: на рынке и подле дома войта, очевидно, зная, что именно туда придёт лекарь. Однако, как он заметил ещё издали, большая часть не сказать чтобы была больна, скорее, маялась от скуки и любопытства.

Само жилище войта представляло из себя внушительных размеров бревенчатый дом в два этажа, чердак и соломенную крышу. В таком, зная неприхотливость и непритязательность деревенского люда, могло жить человек пятьдесят. На деле, конечно же, жильцов было сильно меньше.

Присутствовали и иные свидетельства солидного достатка владельцев дома, но в них Рентан разбирался плохо. Просто интуитивно понимал, что самовар, полотняные коврики или роспись на стенах встретишь далеко не в каждом доме в Ляхово.

Оставалось лишь догадываться, что представляло из себя остальное владение

деревенского главы. Очевидно было, что несколько хозяйственных построек, прячущихся в тени главной домины, — далеко не всё.

Сам войт был деловитым мужичком неопределённого возраста и невысокого роста, прятавшим солидные залысины под соломенной шляпой. Увы, в доме традиции велели снимать головной убор и прорехи в чёрной шевелюре являлись миру. Зато вот в окладистой, несколько неряшливой бороде никаких прорех не оказалось и в помине. Одет он был на удивление солидно, даже по городским меркам: длинный багровый кафтан, расшитый золотой нитью, и широкий шелковый пояс голубоватого оттенка. Понятное дело, вырядился перед гостем и заодно по случаю надвигающегося торжества.

— Волег, — представился войт, протягивая руку, которую предварительно, ничтоже сумняшеся, вытер прямо об одежду.

— Рентан, — ответил на приветствие и рукопожатие лекарь.

— Как же, как же, наслышаны о вас! — войт расплылся в довольной улыбке, подлинную подоплёку которой не стал скрывать. — Я когда в город писал, думал, пришлют к нам бездаря какого — лишь бы прислать. А уж вас-то, самого Рентана-то, ну никак не ожидал...

Волег, придерживая его за руку, провёл почти через весь дом, вплоть до пустующей, судя по полному отсутствию убранства, кроме мебели, комнатухи. Войт закрыл за ними дверь, словно кто-то стал бы их подслушивать.

— Вы не поймите меня, мастер-лекарь, неправильно. Тут какое дело, по-ли-ти-че-с-кое почти что, — не совсем уверенно выговаривая сложное слово, начал войт. — Магик наш, старый Кирвин, закрылся у себя и никого видеть не хочет. Мы к нему и так, и эдак. Думали, обиделся или ещё чего. — Рентан не стал перебивать или уточнять, просто принялся неторопливо располагаться. — А он молчком, ну ни в какую! Сезон на дворе, каждый день кто-нить чё-нить ломает. Конечно, как-то сами, но без вас не успеем собрать урожай до заморозков-то!

— Поможем, — спокойно сообщил лекарь и выразительно посмотрел на войта, который дверь-то открыл, но вот сам никуда уходить, похоже, не собирался.

— Я так разумею, — объяснил своё поведение Волег, махая рукой. — Там половина-то — лодыри. Сюда идут на вас, мастер-лекарь, поглазеть, себя показать, конечно, — он выразительно хмыкнул, правда, намёк повис в воздухе. — Та-а-ак я их сразу погоню, внутрь пущать не стану.

— Только не переусердствуйте. Не каждая болезнь на лице писана.

— Конечно-конечно! Я-то уж этих людишек знаю! У кого писана, у кого нет, а кто так шпындается, ибо делать нечего! — сказав это, он вновь замер, не спеша уходить. — А ещё не все ж ходить могут. Таких потом отряжу людей сюда принести, носилки есть.

Это было странно и несколько нелогично, но Рентан не стал спорить. Он всерьёз подозревал, что Волег в этом вопросе будет стоять до последнего и ходить по деревне куда вздумается не позволит. Где-то лекарь мог увидеть то, чего видеть не должен был бы, а где-то наоборот. Вопрос ведь и вправду был политическим, только совсем не для Рентана.

Так или иначе войт, побеспокоившись о всяких мелочах вроде еды, воды и прочих необходимых в лечебном быту вещах, удалился. Почти сразу потянулись первые больные. Что удивительно, большая их часть действительно была так или иначе больна. Не всегда чем-то, в чём лекарь мог как-то помочь даже советом, но всё равно даже так могло быть сильно хуже. Даже в лечебнице Эвана через опытных старушек-вахтёрщиц продиралось на приём куда больше ипохондриков, чем здесь.

Как так получилось, гадать не пришлось. Периодически до ушей Рентана через раскрытое им окно — в доме оказалось душно, хотя снаружи было весьма прохладно — долетали забавные окрики Волега, который явно был тем ещё любителем громко ругаться:

— Куда ты со своим косоглазием лезешь-то! Дурная, что ли, совсем?! Я тебе говорю: косоглазие хочешь вылечить, так поплюй в глаза-то! Или в травяном отваре его поддержи! Ну чё ты к городскому лезешь с глазом своим? Он тебе поплевать должен? Навроде, раз в городе живёт, так слюна какая-то не такая, как у всех?! А я тебе так скажу — у всех одинаковая! Тьфу на тебя!

— Ты к Кирвину сколько раз совался со своим коленом? Во-о-от, а сюда чего суёшься-то?! Магик тебе сказал: не лечится это никак, даже мазюками и этими, как же ж их... плюлиями — во! К тому же ж эта нога твоя дожди предсказывает, чем не хорошо? Хорошо! Вот и иди отседа!

— Кого я вижу! И чё ты припёрся?! Чё болит? Нету органа такого! Нетуть! Кто тебе сказал, что есть? А-а-а, ну известный авторитет, особенно после сивухи! Вот раз он знает, ты к нему и иди, а сюда не иди! Нечего дурить голову занятому человеку своими чакрами-шмакрами!

— Какие лица, чевой тут забыл?! Опять своих книжек начитался и думаешь, что всё знаешь! Я тебе такого скажу: ничего ты не знаешь! Ни-че-го! Умные люди книжек не читают! Нетуть на бумаге правды-то! Ведь ты пока одно слово запишешь, только одно — уже скокма времени пройдёт! А целую книгу? Вот! Целыми этими поколениями книжки эти пишут, лишь бы записать то, что уже никому и не нужно-то! Так что иди отсель, здоровый ты!

— О, а ты чевой здесь забыл? Все ж знают, что ты у нас здоров, как тот бык! А коль нездоровится — так заживает на тебе, как на собаке! Душа болит?! Н-у-у-у, эт, конечно, бывает, ага. Только ты не туда идёшь. Чё те докторь тот скажет, чего я не смогу? В-о-о-т. Баба тебе нужна. Рукастая! Чтоб руками скучать не давала! Или собутыльник. Здесь ты ни баб, ни собутыльника сегодня не найдёшь... Мои?! На моих дочек глаз не клади, не тебе они обещаны!

То и дело лекарь как бы невзначай спрашивал про мага и причины отказа того работать. Реакция на это следовала самая разнообразная и искренняя — от возмущения до обиды, но что толком случилось никто не знал, а понимали и того меньше. В целом общественное мнение определённо тяготело к версии болезни Кирвина, но без каких-либо фактов. Скорее это был вывод из простой логической цепочки: не может работать, но живой — значит, заболел.

Постепенно поток тех, кто мог добраться до дома войта на своих двоих, отстоять в очереди и пройти проверку у хозяина дома, иссяк. Однако, прежде чем продолжить, к Рентану явился несколько охрипший, но не сбавивший в деловитости Волег.

— Я так разумею: чем продолжать, надо бы перекусить сначала, верно говорю? — похоже он не привык, чтобы на его вопросы отвечали, поэтому сразу же крикнул, обращаясь вглубь дома. — Тома-а-а-а, накрывай на стол! И беленькой графинчик не забудь! Холодненький, с огурком малосольным!

— Не пью, — попытался отказаться Рентан. — Особенно на работе.

— Уж вы-то мне про работу не рассказывайте! — войт приподнял пухлые руки. — Эти руки как никакие другие знают: стаканчик или два в обед лишними не бывают!

— Уже обед? — удивился лекарь, смиренно следуя за ним.

— Ну дык примерно так и есть, — пожал плечами, но не очень уверенно Волег. — У нас колоколов, как у вас в городе, нету, конечно, чтоб звонили каждый час. Да и день пасмурный.

— А откуда тогда время знаете?

— Так это, — войт почесал могучую шею, — все ж знают. Как же ж без этого-то жить-то, а?

Рентан не нашёлся, что на это сказать. Ответ был достоин истинно деревенского жителя. Не менее достойным оказался обед, подданный при участии очень молодой девушки, так пристально и любопытно разглядывавшей лекаря, что лучшей иллюстрации причины, почему ему нельзя было самому ходить по деревне, и быть не могло.

Волег, конечно же, присоединился к трапезе. Та оказалась настолько богатой, разнообразной и насыщенной, что Рентан в определённый момент подумал, что его пытаются нетривиальным способом отравить диким сочетанием продуктов. А вот алкоголь войт не предлагал после того, как увидел, что лекарь, выпив всего один стакан полупрозрачной, очень крепкой браги побледнел и вспотел. При этом сам Волег пил, что называется, в три горла — хрустальный, очень изящный литровый графинчик к концу трапезы опустел. Причём пил он так, будто не замечал, что пьёт, словно воду — вообще без каких-либо признаков опьянения.

— Так и давно Кирвин отказывается вас лечить? И точно без причины? — надеясь, что в этот раз беседа пройдёт более содержательно, спросил Рентан, пользуясь моментом.

— Чево это вы так пектётесь об этом-то? — подозрительно прищурился Волег и, не дожидаясь ответа, истолковал сказанное сам. — А-а-а, помню, как же, как же! Вы ж с ним ругались года эдак... — он замаялся, силясь посчитать, — короче, когда батька мой ещё живой был, во!

— Было такое, — спокойно подтвердил лекарь и выразительно хмыкнул, намекая, что всё же хочет услышать суть происходящего.

— Когда? Ха, — войт шумно почесал затылок. — Да с неделю, наверное. Может, дней десять, не больше. А чего — вот чего не знаю, того не знаю. Но крепко могу сказать, как кулаком по столу, — он и вправду ударил столешницу так, что посуда подпрыгнула, — не нашенская эта вина! Мы люд хоть и простой, но какой сук рубить нельзя знаемо!

Рентан кивнул, соглашаясь с последним. Версия конфликта изначально выглядела среди прочих самой слабой: скорее уж причуды ценного для общины мага терпели бы до той степени, когда он перешёл бы все мыслимые границы допустимого. Расспросы лекарь тем не менее не закончил, хотя посчитал, что версию болезни и то, как он на неё вышел, упоминать не стоит.

— А Охотники?

У Волега аж краюха хлеба изо рта выпала при упоминании карающей длани Двенадцати. Чувствовался глубокий, практически животный страх.

— А что Охотники? Проезжали недавно, даже не останавливались. Да и нас, у кого хотите спросите, всё чин чином. Мы люд хоть и простой...

Примерно таким же ответ оказался и про Келестию. Только Волег её имени, разумеется, не знал, но судя по всему, чудная карета, направлявшаяся в город, деревенским запомнилась хорошо, хоть и мелькнула совсем ненадолго. Вопрос нашёлся и у войта.

— А скажите, мастер-лекарь, коль не сложно: правду говорят, что старый барон, Ярек, стало быть, того? На суд, стало быть, к Двенадцати отправился?

— Верно, — коротко и без подробностей подтвердил Рентан, и дабы пресечь расспросы заявил: — не стоит в это лезть.

— Оно и понятно, — согласился войт. — Не нашенское это дело, — он грустно вздохнул в стакан, — но вот что скажу: Ярек хорошим бароном был. Нас не тревожил, требовать — требовал, но ровно столько, сколько дать могли. Даже меньше чуть...

— А Кобыслав требует больше?

— Кобыслав нет, — очень ёмко ответил Волег и с явным сарказмом добавил: — не стоит в это лезть.

Рентан даже не пытался, хотя примерное направление хода этой истории, а также то, что в ней рано или поздно возникнет имя «Венегил», прекрасно понимал. Как то, что эта история — лишь одна из многих и какой-то уникальностью не отличается.

— У вас как-то скромненько, гуляний не будет? — спросил он, резко меняя тему на менее острую.

— Ик? — удивлённо вытаращился на него войт. — О чём это вы?

— О празднике. Ни столов, ни ярмарки...

Оказалось, что лекарь глубоко заблуждается.

— Как же ж, а что сегодня, по-вашенски, на рынке-то нашем творится, а? — Волег усмехнулся. — Ярмарка и есть, аншлаг! А что до столов, так всему своё время, — он поскрёб шею. — Деды и прадеды наши так разумели эти дни: первый, в ночь, надо бы дома проводить с семьей. На день — ходить по полям, песни петь, бороды вить, сноп наряжать. Обжинки это, стало быть. Ну а к вечеру и столы ставят, там уж все вместе сидят.

— Занятно, — хмыкнув, оценил Рентан и пояснил: — вроде по соседству живём, а по-разному этот день отмечаем.

— Дык это, — совершенно не удивился Волег, — я так разумею: у вас в городе, вы уж простите за прямоту, дедов слушать не принято, вот и забыли вы, как Винарда почитать надо бы! А у нас по-другому и нельзя. Не будешь старых, тобишь мудрых, слушать — узнаешь бед на свою голову. Ох узнаешь!

После обеда начали носить тех, кто самостоятельно перемещаться был не в состоянии. Таких, конечно же, оказалось меньше, но и возни с ними было куда больше. Подавляющее большинство приносили с переломами, и тут Рентан был вынужден заниматься самой дурной формой своей работы из возможных — перепроверять за другими. А перепроверять было что.

Чувствовалось, что у тех, кто помогал вправлять кости, фиксировать конечности, накладывать повязки, хватало энтузиазма, тогда как с опытом подобных операций дело обстояло куда плачевнее. Пришлось и ломать кости заново: когда сломанное вправляли и фиксировали так «замечательно», что конечность приобретала возможность гнуться сразу в нескольких направлениях, или озорной изгиб там, где никаких изгибов и быть не должно.

Отдельной категорией шли те, кому требовались различного рода инвазивные операции. Этим лекарь не мог помочь на месте при всём желании. Пытался, конечно, убеждать съездить в лечебницу Эвана и там договориться — операции они проводили более чем регулярно. Но для большинства деревенских поездка во Власву по градации возможного располагалась аккурат перед путешествием к звёздам. Теоретически возможно, практически — за гранью воображимого. Мешало не только расстояние как таковое, но и банальный страх и отсутствие финансов.

В этом вопросе жителям Ляхово мог бы подсобрать Кирвин. С помощью магии, как знал Рентан, можно было облегчать боль, а при наличии некоторого таланта даже удалять некоторые органы: одну из почек, большую часть печени, желчный пузырь, часть желудка... Далеко не каждый хороший лекарь был способен на такое.

Поначалу Рентана удивляло, что среди его пациентов практически нет двух категорий людей: беременных и стариков. Первое было предельно легко объяснимо: в Ляхово несомненно имелась своя бабка-повитуха, возможно, не одна, и к незнакомому мужчине из города ни одна женщина не сунулась бы даже под страхом крайне мучительной смерти. А второе лекарь сумел объяснить лишь после обеда, когда людей преклонного возраста практически не оказалось и среди малоподвижных пациентов. Те же, что были, беззастенчиво, пускай и неосознанно, выдавали секрет всей этой «сортировки» — приносили исключительно незаменимых для общины и тех, кто мог после исцеления продолжать работать дальше.

Улучив момент, Рентан, нетерпимый к подобному, решил спросить напрямую, совместив это с перерывом и тем моментом, когда Волег вернулся по каким-то делам в дом.

— Почему у вас на всю деревню три бабки и один дед? — недобро поинтересовался лекарь.

— Как же ж так, ошибаетесь вы, больше их! — делая вид, что не понял, возмутился войт.

— Да? И они все как один здоровы, ни на что не жалуются?

— Ой, им только дай, — отмахнулся Волег. — Вы бы знали! Займут ваше время впустую и... и не думайте об этом.

— Я прибыл сюда помогать всем, а не...

— Так вы и помогаете! — перебил войт неожиданно жёстко. — Всем тем, кому надобна вашеньская помощь. Взаправду надо, а не эти все кривляния и стоны. А с нахлебниками, кхм, другими, короче, мы уж тут-то само как-нибудь.

— Не вам решать, кому нужна моя помощь, — отметил недобро Рентан.

Войт, вдруг растеряв всю свою простоватость и добродушность, возразил с вызовом:

— Мне.

Они побуравили друг друга взглядами, после чего лекарь, понимая, что впустую тратит время, отступил.

— Вот и ладненько, — резюмировал свою победу Волег. — День ещё идёт, мастер-лекарь, желаю удачной работы!

После этой пикировки Рентан расспрашивал про Кирвина уже без всяких полутонов и утайки — прямо и в лоб, у каждого, кто к нему попадал. Как это ни странно, та категория пациентов, которой регулярно требовалась медицинская помощь, оказалась куда лучше осведомлена о состоянии мага. Вернее, они-то хоть что-то знали.

— Ох, мастер-лекарь, болеет он! — рассказал мужик, которого мучили боли в животе, да такие, что он ходить не мог. — Я в евоной хате был недели три назад, чары от боли просил. А он и так страшный, а тогда вообще как страховидло последнее выглядел! Бледный, трясётся, воняет, как мертвяк!

Иных подробностей не последовало, но и это было уже неплохо. Как всерьёз подозревал Рентан, Римпан и Вилора вряд ли сумеют выведать значительно больше.

Конец дня, обусловленный не тем, что закончились больные, а тем, что начало заметно темнеть, выдался суматошным. Торопился сам лекарь, намереваясь осмотреть как можно

больше людей. Речи о том, чтобы он задержался или остался, даже не шло. И станет ли Волег в ближайшее время, пока сильно не прижмёт, вновь писать в город за помощью — было под большим вопросом.

Она пришла без спроса, в тот момент, когда Рентан уже собирал вещи. Лекарь не заметил и не услышал её, но появлению за спиной молодой девушки в простом чёрном платье с покрытой платком головой и красными от многодневных слёз глазами, если и испугался, то виду не подал. Сразу понял, что дело предстоит непростое.

— Яду, — коротко, практически одними губами попросила девушка без всяких предисловий.

Рентан окинул её оценивающим взглядом, пытаясь понять, чем вызвана такая просьба. Тогда и заметил тщательно скрываемый синяк близ уха, как от сильнейшей оплеухи. Заметил то, как держалась девушка, особенно взгляд её холодных серых глаз.

— Для себя? — уточнил лекарь тихо.

Девушка покачала головой и выразительно коснулась живота.

— Вы — моя последняя надежда, — всё так же тихо сказала девушка.

— С таким обычно к повитухам ходят, — заметил Рентан, всё ещё размышляя.

— Против войтовова сына они не пойдут.

— Хм, вот как, — нисколько не удивился лекарь и на всякий случай уточнил: — полагаю, что войтов сын и твой муж — это разные люди?

— Нет у меня больше мужа — убили его в драке с месяц тому, — голос её дрогнул и стал громче. — Дайте мне яду! Я наложу на себя руки, но ублюдку родиться не дам!

Полноценный яд Рентан давать не стал и не собирался, прекрасно осознавая, что будет дальше: сначала девушка убьёт ребёнка в себе, затем, опьяненная злобой сильнее прежнего, убьёт своего обидчика или обидчиков, ну или до кого дотянется, а в конце себя — чтобы уйти от ответственности. Однако и просто так спускать несправедливости не хотел.

Порывшись в саквояже, он нашёл несколько бледно-зеленых продолговатых листочков и ещё несколько таких же, но жёлтых и скрюченных. Всё вместе выдал девушке, объяснив:

— Заваришь из этого чай. Можно с мёдом или молоком — напиток будет очень горьким. Найди кого-то, кто будет с тобой день или два, и пей сразу всё залпом, горячее. Ясно?

Девушка кивнула и незаметно ушла. Рентан бы не стал устраивать из этого сцен и тем более скандалов, но Волег, очевидно после того, как деревенских «подлатали», явно почувствовал себя увереннее и сам лез на рожон. Поводом он выбрал миссию Римпана и Вилоры, из которой особой тайны и не делалось. Однако войт нашёл повод оскорбиться.

— А, так значит эти двое тут по вашенской прихоти ходють и вынюхивают! — делая вид, что очень удивлён, спросил Волег, выловив всю компанию возле брочки. Для солидности он прихватил несколько деревенских мужиков, размерами и пропорциями напоминающих шкафы, хотя против кого он собирался их применять было не до конца понятно.

— Во-первых, это не прихоть, а просьба. Во-вторых, у меня к Кирвину личное дело есть, — выступил вперёд Рентан, не давая вставить ни Римпану ни Вилоре слова.

— Мы, стало быть, к вам со всею душою на распашку, а вы вот как! — возмутился войт. — Кирвин он нашенский, нету у него с вами, городскими, никаких дел!

— А вот он считает иначе! — несмотря на более чем явный намёк, вмешалась Вилора. — Нам двери открыл и согласился поговорить!

— И что? — как будто зная ответ, уточнил Волег недобро. — Что сказал такова, что я вам, мастер-лекарь, сам не сказал бы, а?

Судя по тому, как замялась и потупилась девушка, маг и вправду не рассказал какой-то шокирующей или особо компрометирующей информации. Войт это истолковал однозначно:

— Вот видите-то! За дёшево вы нашенское доверие предали. Попусту вынюхивали!

— А вот и не так! — не согласилась Вилора, подбоченившись. — Вас это не касается.

— Ещё как касается! — вспыхнул Волег. — Я тут войт, девка, а не ты!

— Какая я тебе девка, ты, жирный...

Перепалка уверенно двигалась по направлению к насилию, когда в неё самым грубым образом вмешались. Страшно вереща, к ним, вернее, к Рентану подбежала полноватая немолодая женщина. Она сразу полезла в драку, но войт, не будь дурак, дал команду своим бугаям оттащить её. Тогда-то она закричала куда членораздельнее, хотя всё так же истерично:

— Отравил! Отравил!!! Маньку мою отравил! Пришла домой и кровью исходит! Отра-а-авитель!

Воцарилась немая сцена. На Рентана с удивлением смотрели абсолютно все присутствующие. Лекарь же для начала тяжело вздохнул. У него, конечно, имелась некоторая надежда, что той девушке хватит ума и выдержки заварить листочки позже, но слабая и, как видно, не зря.

Отрицать эти обвинения лекарь не стал. Просто выразительно посмотрел на войта и как бы невзначай спросил:

— Ну как, мне рассказать?

— И тут вы свой нос сунули, — совсем пасмурно заметил Волег, всё сразу поняв. — Неймётся вам всё, да? Этой своей, как же ж её... справедливости ищете, да?

— Даже не пытался. Просто скелеты в шкафу не умеют врать. И имеют привычку вылезать наружу. Чаще всего — в самый неудобный момент. Уж я-то знаю...

Рентан посмотрел в сторону женщины, которая уже перестала биться в истерике и теперь внимательно, даже сосредоточенно слушала их разговор. Тут не надо было быть телепатом или особо искусственным в общении с людьми человеком, чтобы понять, что она всё знает и прекрасно понимает, почему её Манька пошла искать способ сделать аборт.

— Вижу, вас выкидыш у дочери волнует сильнее, чем убийство зятя и изнасилование, а? — с вызовом отметил лекарь, не особо рассчитывая на внятный ответ.

К его удивлению, таковой последовал, да ещё какой. Чувствовалось, что тема очень чувствительная.

— А ты думаешь, петух городской, нужен был мне тот зять? Говно это было, а не человек — за душой ни ломаного грошика нет! А эта дура в него влюбилась! Он дыть выкуп и тот в долг заплатил! И родилось бы от него такое же говно — бедное и тщедушное! А теперь из-за тебя никто уже не родится!

Рентан не стал устраивать лекцию на тему того, что данные им травы такого эффекта не имели и не могли иметь в силу малой концентрации. Вместо этого он обратился к Волегу:

— Раз уж эта девушка у вас так страдает — отправьте её ко мне, в город. Научу нужному и полезному. — Подумав немного, он добавил: — А если в течение месяца не явится ко мне — пеняйте на себя. С Венегилом я, может, и не дружен, но парой словечек перекинусь. Узнает о ваших порядках.

Увы, угроза связями оказалась потраченной впустую. Войт, если и испугался, то виду

совершенно не подал. А вот то, что это его лишней раз распалило, было очевидно.

— Ничего нам не будет, мастер-лекарь. Наши порядки — это нашёнокское дело. Не ваше и не Венегила. Он это знает, умный мужик, а вы, как видно, дурак дураком! — Воле сплюнул. — Девку вами порченую кормить и держать не стану. Хотите забрать — берите, говна не жалко! А теперича, коль вы закончили, проваливайте, и чтоб ноги в наших краях вашёнокской не было!

Свою речь он закончил эффектно: перекинул лекарю позвякивающий мешочек и молча, вместе с остальными и собравшимся на шум деревенским людом, отправился восвояси. Глядя на эти мрачные, рассерженные лица, полные осуждения, Рентан без всякого удивления понял, что, суди его сейчас эта толпа, — он был бы уже мёртв. Вместе с той несчастной, Вилорой и Римпаном.

Лекарь очень хотел высказать им всё, что думает. Пригрозить всеми мыслимыми и немыслимыми последствиями. Воззвать к совести, обвинить настоящего злодея, вынести ему свой приговор. Только это было до смешного бессмысленным сотрясанием воздуха.

— Может, оно и к лучшему, что это, стало быть, сразу вскрылось, — нарушил тишину Римпан.

С тех пор, как они покинули Ляхово, минул час или около того. Из-за туч определить точный ход времени не представлялось возможным. В остальном погода к кануну пира Винарда стала только лучше. Хотя бы перестало моросить, унялся ветер, да и в целом температура воздуха повысилась. Правда, никому от этого лучше не стало. После случившегося они пребывали в предельно мрачном расположении духа.

— Угу, сломал девушке жизнь. Точнее, доломал, — мрачно буркнул Рентан.

— Хотя я бы этим людишкам высказал бы всё, что о них думаю! Них и их нравах, жирдяе этом и прочих! — продолжил возница.

Лекарь подавил в себе острое желание уточнить, почему он так не поступил, и вместо этого как можно спокойнее, давя в себе целую бурю эмоций, заметил:

— Эти люди прекрасно знают и понимают, что к чему. Кто кого убил, кто кого изнасиловал, кто кого прикрыл от ответственности.

Римпан не сумел на это что-то возразить, только пожал плечами и сосредоточился на управлении. Всё же править и одновременно вести беседу, когда видимость не превышала десятка метров, а из источников света был лишь не самый яркий фонарь, было не просто даже ему — знатоку этих мест.

— Так всегда, — вмешалась Вилора. — Сколько я таких деревенок видела — везде одно и то же. Вечно такие подонки и уроды живут, что диву даешься, как их земелюшка носит!

— Если бы земля решала, кому по ней ходить, я б в ней был уже давно, — возразил Рентан. — Нет ничего хорошего и правильного в том, чтобы убивать нерожденных детей.

— Но ты убил, — заметила девушка растерянно.

— Я не смог спасти две жизни и вынужденно спас только одну. Самолично выступил судьей и вынес приговор. Святотатство, богохульство и просто глупость!

— Может, и к лучшему, что вскрылось, — вдруг повторила аргумент Римпана Вилора и развила мысль: — так бы заклевали они её, довели до худого втихую. Или сами в петлю засунули. Уж сопоставить одно с другим, думаю, смогли бы.

Кроме как за разговором скоротать время было нечем, поэтому тишина длилась недолго. Если по пути в Ляхово можно было хотя бы смотреть на пейзажи, то сейчас ночная полутьма начисто лишала такой возможности.

— Так мы это у Кирвина взаправду были, — снова нарушил молчание Римпан. — И он вправду нас пустил.

— М-м-м-м, — протянул Рентан без особого интереса, но всё же спросил: — и чего это он расщедрился на аудиенцию?

Ответ последовал не сразу, прежде Римпан и Вилора странно переглянулись.

— Твоё имя услышал и пустил, — рассказала девушка. — Сам он древний старикашка, очень вонючий и, по-моему, сильно большой.

— Потеет, трясётся? — припоминая рассказы деревенских, уточнил лекарь.

— Ага, не то слово! С него пот ручьями течет, а руки-ноги ходят таким ходуном, что... — возница, поняв, что что-то смешное видит в этом исключительно он один, подавился шуткой. — Короче, сильно ходят, ходуном этим.

— Он объяснил как-то своё состояние?

И снова повисла странная пауза.

— Сказал, что это как волны на воде, — неуверенно рассказала Вилора. — Мол, что-то плохое случилось, и теперь он магией пользоваться не может.

— Где случилось? Когда? — не понял Рентан.

— Так это, — ответил Римпан, — я так разумею его бляние: это не случилось ещё, но точно будет. Какой-то, как он сказал, катаклизм! Магический, стало быть.

— Катаклизм, — поправил его лекарь рефлекторно, очень смутно, но начиная понимать. — Я-то здесь при чём, он не сказал?

И этот ответ предваряли становящиеся всё менее загадочными переглядывания.

— Что катаклизм этот Синяя чума вызовет, а ты с ней бороться будешь, — объяснила Вилора.

Рентан решительно покачал головой, не поверил. Не мог поверить. Не хотел верить.

— Синяя чума уничтожила сама себя в Оренгарде. Это искусственная болезнь, она не может появиться здесь, откуда?! — Ответа не последовало. — Глупость какую-то сказал этот Кирвин, — лекарь принялся рассуждать вслух. — Келестия что-то устроит, как и собиралась. Как Кирвин и сказал, это, как круги на воде, ударило по нему. Хотя ещё не произошло — вот он и несёт чушь! Откуда ему будущее-то знать? У Ярека такой дар был — и он мне ни слова про чуму не сказал!

— Может...

— Не может! — категорично отвергал Рентан, всем видом показывая, что эта тема закрыта для обсуждения, размышлений и прочих предположений. — Синяя чума не может возродиться! Не может!

В город они вернулись очень поздно, но в эту ночь это было абсолютно неважно. Власва единогласным решением всех своих жителей бодрствовала, предаваясь всевозможным возлияниям. По общественно принятой версии пир Винарда начинался ровно в полночь и длился весь день, однако на деле праздник редко когда ограничивался одним днём или даже двумя. Три-четыре, а то и неделя — зависело от того, насколько тяжёлым был год. Причём корреляция не всегда была линейной или поддающейся какой-то логике.

Следы праздника начинались в дальних предместьях города и тянулись непрерывной полосой по всем его улицам. Повсюду стояли столы, бочки, ящики, колоды и всё, на чём можно было организовать застолье. Традиционно пир Винарда отмечали либо с настоящей семьёй, дома, либо на улице с новообретёнными прямо здесь же родными. Там, за общими

столами радовались каждому присоединившемуся, вне зависимости от его гильдии, возраста, пола или статуса. Люди, которые большую часть года не замечали друг друга, становились близкими, открытыми, вели задушевные беседы, делились успехами, неудачами, планами и проектами. Пели песни до хрипоты и танцевали до упаду. Рассуждали о любви, обретали её и теряли.

Таким из года в год был пир Винарда. Громким, шумным, ярким, насыщенным, полным действия. Здесь не прощалось только одно — серьёзность. Оказавшись на улице в компании незнакомых людей, можно было отказаться пить или танцевать, но вот от предложения улыбнуться...

Бричка ехала по ещё не до конца перегороженной улице — праздник только-только начинался, вокруг шумела музыка, почти незаметная на фоне рёва тысяч глоток, которые невпопад распевали песни и религиозные гимны. Периодически в небе вспыхивали разноцветные вспышки, не очень заметные из-за пасмурной погоды — алхимики расщедрились на фейерверк.

Даже мрачный как грозовая туча Рентан, уже твёрдо решивший, что праздник для него испорчен, невольно улыбался, глядя на это всё. Что уж говорить про его попутчиков. Вилора так и вовсе была в полном восторге. Не потому, что впервые видела подобное или только здесь чувствовала себя как дома. Просто девушка очень хорошо понимала настоящую суть этого праздника: живи моментом, пей, веселись, не думай ни о чём — завтра будет завтра.

— Ну, а теперича, если подождёте немного, приглашаю к себе за стол, будем рады, — останавливаясь возле громады конюшин, сообщил, улыбаясь во все зубы, Римпан. — Стол у нас, конечно, не баронский, но...

— Спасибо за приглашение, но меня уже ждут, — как можно мягче отказался Рентан и, посмотрев на Вилору, которая явно огорчилась такому выбору, добавил, подмигнув: — иди к нему, узнаешь, что такое застолье.

— Знаю я, что такое застолье, — недовольно буркнула девушка, но, как оказалось, не потому что оскорбилась. — Я с тобой хотела.

— Я пока в лечебницу зайду, пока до Локто доберусь — полночи пройдёт. Завтра, обещаю, посидим. Праздник не один день длится.

— Ладно, — кивнула, несколько приободрившись, Вилора.

Провожая этих двоих взглядом, Рентан вдруг вспомнил, что опять забыл посмотреть руку Римпана. А тот как назло даже не подумал напомнить, хотя всю дорогу обратно маялся и морщился.

«Завтра с утра... днём зайду за Вилорой и заодно на его руку гляну», — твёрдо решил лекарь и направился, вопреки своим же словам, вовсе не в лечебницу.

Ему очень хотелось напиться и стереть из памяти этот день, и в городе имелся один человек, почти всегда согласный составить ему в этом компанию.

Бессмысленный героизм

— Это, между прочим, не такой глупый вопрос, чтобы так паскудно, Рентан, улыбаться, — не столько пьяно, сколько устало вещал Цимон. — Дорогой Локто, объясняю, как воцерковленный человек с соответствующим образованием: праздник действительно в основе своей народный, восходящий к тем дням, когда люди верили в Двенадцать невпопад, порознь, не отождествляя богов как единую силу. Винард — бог веселья, свободы, покровитель артистов. Считалось, и считается поныне, что этим днём он испытывает людей. Проверяет, не забыли ли мы, что надо не только усердно трудиться, но и не менее усердно быть человеком, — священник икнул, — то есть веселиться!

— Ха, говорите вроде умно, уважаемый, — не столько устало, сколько пьяно ответил Локто, — но как-то бессмысленно, хоть и сложно. Быть человеком? Я вас умоляю! Рентан, ну скажи, что я не прав! Если что людишки и умеют хорошо делать, так это быть людишками! И не меняется это с годами.

Лекарь и усталый, и пьяный ничего не сказал, просто выразительно хмыкнул. Собутыльники Рентана уже были в курсе его визита в Ляхово, включая неприятную часть этого путешествия. Поэтому поняли смысл данного жеста.

— Просто у нас с вами, дорогой Локто, разное понимание того, что есть, как вы выразились, «быть людишкой». Как и с вами, Рентан. Вы оба ошибочно полагаете, что человек естественным образом, то есть по умолчанию — это мерзавец, негодяй, он лишь притворяется кем-то другим. А я скажу вам так: всё наоборот. Человеку естественно быть хорошим, совершать хорошие поступки, думать не только о себе, заботиться об окружающих. А всякие мерзости и низости — это болезнь, а как уважаемый Рентан знает, болезнь сложно назвать естественным процессом.

— Я знаю огромное множество заболеваний вполне естественных для любых людей, — понимая, что в этот раз одним хмыканьем он не отделается, ответил лекарь. — Например, та же простуда. Наблюдая за огромным числом больных, я пришёл к следующему выводу: чем бы ни была вызвана данная болезнь, она едина с нашим организмом. То есть присутствует в нём постоянно, а иногда, ввиду морозов или слабости, проявляется особенно сильно. Другим примером может служить герпес или...

— Хватит о герпесах или чём-то там, — вмешался Локто, поднимая наполненный до краёв стакан. — Вздрогнем. За людишек...

— Чтобы они не забывали быть людьми! — вторил ему Цимон с хитрецей.

Рентан молча поддержал тост. Когда он накануне поздним вечером направлялся к дельцу, то и подумать не мог, что их традиционные посиделки на двоих превратятся в застолье аж на троих. Цимон явился без предупреждения, пользуясь тем, что приглашения не требовалось. Ему, конечно же, были рады, но удивления не скрывали. Всё же ранее священник предпочитал первые день или два проводить в кругу «своих» при храме. И лишь затем выбираться в гости.

— Раз уж вы интересовались моей Соловушкой и почему она радуется своим голосом уличных гуляк, а не нас, я спрошу в ответ, — несколько отойдя после тоста, начал Локто. — Уважаемый Цимон, как так вышло, что вы с нами сегодня здесь?

— Полагаю, всё дело в церковном вине, — предположил, скаля зубы, Рентан. — Зная местные вина...

Он намеревался воспользоваться слабостью человека, про которого говорил. Священник был единственным из них троих, кто старался сопровождать употребление алкоголя какой-никакой едой. Благо, недостатка в оной не было — делец превзошёл сам себя. Конечно, данная композиция мало напоминала семейный ужин или традиционный стол на пир Винарда. Зато удивляла ассортиментом закусок: от всевозможной рыбы и иных речных обитателей до даров лесов и огородов, а также результатов охоты. Всё это присутствовало не только в большом количестве, но и в самом широком ассортименте, будучи приготовленным всеми известными человечеству способами.

Судя по повышенному интересу, Цимона особенно впечатлили слоёные мясные рулетики с мягким сыром и небольшим количествомпряного клюквенного соуса внутри. Локто уже прикончил всех имевшихся на начало застолья раков и теперь неторопливо пощипывал вяленую рыбку. Рентан не любил рыбу в любых вариациях, не претендовал из уважения на рулетики, зато с большим почётом относился к закаткам, искренне полагая, что ничего лучше солёного перца в качестве закуски ещё не придумали и вряд ли когда-нибудь придумают. Никого из троих не смущал тот факт, что еда мало подходила напиткам как по композиции, так и по ценовому соотношению.

— Нет, не в винах, — не позволил перебить себя священник. — Я, конечно, не отсюда родом, но пообвыкся и к многому привык. Например, к необходимости загодя выискать торговцев нездешним алкоголем. Хотя даже к винам, если так можно выразиться о этих напитках, можно привыкнуть. — Он тяжело вздохнул. — Однако обычно многочисленные негативные качества напитков определённого происхождения скрашивает хорошая компания за столом. Но не в этом году. Увы, боюсь, останься я сегодня в храме, то имел бы полное право разочароваться в мире, людях и особенно в винах.

Судя по ухмылке, Локто такой ответ вполне устроил и показался более чем приемлемым. А вот Рентан заметил полутон очень знакомого ему самому толка, когда вслух произносилась чистая правда, но не вся целиком.

— А я думаю, что вы помимо сказанного надеетесь грубейшим образом воспользоваться обстоятельствами и тем фактом, что за этим столом фактически находится ваш единомышленник, — лекарь тоскливо заглянул в стакан, оказавшийся пустым, и дал сигнал, что это неплохо бы исправить. — Проще говоря, собираетесь развязать мне язык и вытянуть факты о моём прошлом.

— Весьма вероятно, — заявил Цимон, переглянувшись с Локто.

— Да, — поддержал этот только что созданный «пакт» делец.

— Зачем? К чему это? Что это вам даст? — требовательно глядя на пустой стакан, задал целый ворох риторических вопросов лекарь.

— Нам это даст действительно немного, — притворно согласился священник. — Мы оба знаем Рентана, и, наверное, можно сказать, что знаем неплохо. Но вот как мне видится: самому Рентану неплохо было поделиться тем, что его тяготит столько лет. Отпустить этот груз.

— Я, например, знаю Рентана достаточно, чтобы категорично заявить: он не получит ни капли этой божественной амброзии, — Локто демонстративно наполнил свой и Цимона стакан, — пока не начнёт говорить.

— Вы глубоко заблуждаетесь, — вполне серьёзно заявил лекарь. — Оба. Вам кажется, что этот груз меня тяготит. Это не так — я сам взвалил себе его на плечи. И не собираюсь им делиться, отпускать и тем более взваливать на других. Не вам меня прощать и не вам

судить.

— Вас и вправду ожидает несомненно долгий и тяжёлый разговор с Двенадцатью, — не менее серьёзно ответил Цимон, оставив наполненный стакан, — но так уж обязательно идти к ним, не облегчив предварительно душу? Не поделившись своей бедой с людьми, которым совсем не всё равно? В конце концов просто объяснить им, кто вы такой есть.

— Ох, великая загадка! Достойная лучших умов города, — скривился Рентан. — Давайте подумаем вместе: вы однозначно уже уверены, что я один из тех самых Фримов. Собственно, на этом можно и закончить. Какая вам разница, какой именно? Они оба так или иначе участвовали в создании Синей чумы. И оба так или иначе виноваты в произошедшем кошмаре. Так что вам даст знание того, какая именно моя фамилия?

— Как я уже тебе говорил, фамилия мне и вправду не важна, — подумав немного, заметил Локто. — Оба Фрима из Оренгарда — ублюдки и уроды, по чьей вине...

— Давайте не заниматься этим за праздничным столом, — вмешался Цимон.

— Ладно-ладно, — делец шумно выдохнул, было заметно, что с прошлого раза он остыл. — Но что насчёт той девушки? Для неё это важно.

— Которой уже было сказано, как и тебе: я не её отец, — возразил Рентан невозмутимо.

— Хм, но тогда это сильно сужает круг подозреваемых.

Лекарь в ответ лишь многозначительно, с явной хитрецей ухмыльнулся. Священник, приглядевшись к нему, неодобрительно покачал головой и объяснил:

— Боюсь, дорогой Локто, что не сужает. Ведь вполне вероятно, что Рентан, отрекшись от своего прошлого имени, отрёкся и от своей семьи. В каком-то смысле заявление, что он не Фрим и не отец Вилоры — это кристально чистая правда.

— Лукавство и пустая болтовня.

— Может и так, — Цимон усмехнулся и бросил короткий взгляд на Рентана. — Что есть правда, как не полная убеждённость в своей правоте?

— Будете талдычить и талдычить об этом, верно? — раздражённо уточнил лекарь.

— Ну, ты же не пытаешься нам облегчить задачку, — пожал плечами делец, в чьём голосе праведная ярость сменилась любопытством. — Поэтому мы имеем полное право пытаться решить её своими, как ты сказал, лучшими умами города.

— Это лишено всякого смысла, а в текущей обстановке может и навредить, — ответил Рентан.

— Не может, — не согласился Цимон. — Ведь как вы сами сказали: не так важно, какой вы из Фримов. Они оба в одинаковой степени интересуют и Келестию и Войтона.

— Я говорил про вас двоих. А этих они интересуют совсем не в одинаковой, — возразил лекарь. — С Синей чумой работал именно Набен, Мено этому не мешал, потворствовал, а затем пытался остановить. Таким образом, тому, кто интересуется данным заболеванием, нужен один конкретный Фрим.

— Если так, то почему бы тебе не назваться Фримом Мено? — поинтересовался, нехотя наполняя стакан Рентана, Локто. — Раз уж он никаким боком.

— Они могут владеть не совсем верной информацией, — залпом выпив алкоголь, закусив перцем и чуть отдышавшись, начал лекарь. — Или не владеть ею вовсе. Таким образом, Фрим Мено может оказаться им нужен ничуть не меньше Фрима Набена. Признание лишит меня манёвра, одного из немногих козырей на руках. Кроме того, и у Войтана, и у Келестии есть возможность добывать интересующие их сведения даже против воли. Поэтому, друзья мои, эта тайна останется со мной и далее. — Помолчав немного,

Рентан искренне добавил: — Я бы хотел иначе. Не могу.

Вдруг раздался шум, и в помещение не вошла, а ворвалась Вилора. И сразу же зашла кашлем от неожиданности. Та комнатуха, которую Локто отвёл в своей лавке под застолье, отличалась двумя важными вещами — она была очень уединенной и небольшой. К сожалению, это же означало всего одно, к тому же никем так и не открытое окно. За без малого десять часов застолья внутри создавалась по-настоящему уникальная атмосфера: душная, жаркая и содержащая в немалой степени пары алкоголя.

— Вот вы где, — отступив обратно за пределы помещения, сказала не без весёлого возмущения Вилора, кивая поочерёдно Рентану и Локто, а вот Цимона смутилась. — А что это за старикашка?

— Как я погляжу, оскорблять меня стало у вас, уважаемая, своеобразной традицией, неизменность коей не поколебало даже в пребывание в колодках, верно? — удивлённо крякнув и с интересом разглядывая девушку, спросил священник.

— А вы всегда говорите так, словно чё-то компенсируете?

— Компенсирую. Возможно. Мой длинный язык уравнивает безграничную доброту и всепрощение. Меня зовут Цимон — я настоятель храма Оруза. И друг... — он лукаво посмотрел на Рентана, — собравшихся здесь людей.

— Что-то случилось? — скривившись от этого неприкрытого намёка и предотвратив дальнейшие пререкания, спросил Рентан. — Ты выглядишь взволнованной.

Кроме него этого, похоже, не заметил вообще никто. Даже сама Вилора, инстинктивно пытаясь прикрыться до последнего. Хотя, очевидно, именно некое беспокойство и привело её сюда.

— Да нет, — она осеклась, — ну вообще-то, думаю, что да.

— Надеюсь, нам не придётся из неё вытаскивать информацию так же, как из... — многозначительно полусёпотом сказал Локто, оценивая запасы оставшегося алкоголя.

— Эм, нет, спасибо, — отказалась Вилора решительно. — Думаю, что сейчас не до этого. Я у Римпана сидела и Веклы — его жены, ну и дети тоже были некоторое время...

— Так что произошло? — поторопил лекарь.

— Я не уверена, просто заметила кое-что, — девушка смущённо упёрлась взглядом в пол. — Они все кашлять начали. Сначала только Римпан, а к утру уже и Векла, и дети. Так понемногу, но...

Рентан решительно поднялся из-за стола, едва не опрокинув его.

— Идём, быстро.

— Может быть, это просто простуда? — лениво поинтересовался делец.

— Может быть, — коротко и мрачно вторил лекарь.

— Что ж, тогда сходим, — тоже поднялся на ноги Цимон, а немую претензию сразу пресек: — думаю, некто Римпан и его жена, некая Векла, будут рады моему визиту. За детей ручаться не могу, но обычно я им нравлюсь.

— Я даже знаю почему, — ухмыльнулась Вилора.

— С интересом выслушаю ещё одну версию, юная леди.

Шедший в авангарде их компании Рентан, услышав это, с удивлением обернулся и с ещё большим удивлением обнаружил, что девушка ведёт священника под локоть, словно тому требовалась какая-то помощь. А вот то, что за ними семенил Локто, его несколько не удивило.

— Простовы говорите приятным голосом всякие непонятные якобы умные штуки, —

пожала плечами Вилора и добавила смущённо: — и я не ледя.

— Почему же? — сделал вид, что искренне не понимает, Цимон. — По информации из источников, которые я нахожу вполне достоверными и заслуживающими досто... кхм, доверия, мне известно, что вы представительница именитого оренгардского рода.

— Обязательно вернусь на пепелище и буду там самой главной-преглавной! — притворно восхитилась девушка. — Буду именовать себя ледяй всея руины!

Вежливый священник предпочёл оставить без внимания данное высказывание, вместо этого пустившись в пространное объяснение сути обращения «леди». Начал он, как и всегда, с самого важного — исторического контекста...

Улица встретила их утренним туманом и лёгким морозом. Повсюду наблюдались следы недавних гуляний, однако людей видно не было, только слышно — ещё не все компании разошлись. Большая же часть гуляк, вволю наевшись, напившись, наоравшись и натанцевавшись, взяла перерыв. Часов шесть-семь Власва будет выглядеть полностью обезлюдевшей, а затем всё продолжится с ещё большим размахом. И так до тех пор, пока всё не будет съедено, выпито, глотки сорваны, а ноги перестанут гнуться от усталости.

— Ты тоже кашляешь? — беспокойно спросил Рентан, вдыхая свежий воздух и поглядывая на Вилору.

— Кхм, вроде нет.

— Ничего не болит, не ломит?

— После ночи без сна?

Лекарь скорчил мину от такого ответа, но с расспросами больше не приставал.

— Не могу не заметить, — подал голос Цимон, который уже шёл самостоятельно, Вилора, как единственная знавшая дорогу, шла впереди, — что вы, Рентан, определённо в курсе того, что происходит. Не желаете поделиться?

— Не желаю. И нет, я не в курсе.

— Никаких идей? — нисколько не веря в это, удивился священник.

— Никаких.

— Ох заливаешь, ох заливаешь! — возмутился Локто. — А подхватился ты так из-за заботы об этом парнишке, а? Любимый извозчик?

— Парнишка и вправду толковый, и мне помогал в последнее время. Фактически задаром. Так что заслужил немного внимания.

— И всё? — делец скривился. — Не в этом ведь дело. Что ты натворил, по поводу какой вины такое беспокойство?

Все удивлённо посмотрели на него, а затем на Рентана, который не стал отнекиваться и сознался:

— Его рука.

— Как рука может быть связана с кашлем? — удивилась Вилора. — Особенно у его жены!

Ответа никто не знал, кроме лекаря, а тот лишь задумчиво хмыкнул, не спеша делиться подробностями. Всё ещё не хотел верить в реальность своих подозрений, с каждой минутой усиливающихся. Всего одно заболевание действовало подобным образом, но его не могло оказаться здесь, во Власве, двадцать лет спустя...

«Дом Римпана» оказался на деле, вполне ожидаемо, преувеличением. Это была постройка новомодного для Власвы типа. Солидная домина в три этажа из кирпича и

небольшим огороженным двориком подле. Обычно нечто подобное строили себе люди при немалых деньгах. Однако эта постройка возводилась с иной целью: помещения в ней, а также небольшой огород и доступ к кухне с уборной в ней сдавались в наём, как правило на очень длительное время.

Именовалось сие коммуным жильём, и этот конкретный дом, судя по многочисленным подковам и не столь многочисленным фигуркам лошадей, принадлежал коммуне различного рода извозчиков.

Конечно же, никто не совершал открытие века: сдавали жильё в аренду и до строительства подобных домов. Но за крайне редким исключением это были либо целые дома, либо крохотные помещения в деревянных бараках. Те являлись образцово показательным примером строительного примитивизма. Одноэтажные, реже двухэтажные халупы, лишённые всяких удобств и комфорта, зато с целым ворохом всевозможных недостатков. Такие возводились на пустырях и городских предместьях и крайне редко держались дольше пяти-шести лет — просто разваливались.

Конечно, это всё компенсировалось копеечной стоимостью, но разница с коммуным жильём оказывалась не столь капитальной, чтобы терпеть вонючий муравейник.

— Рентан, а когда ваши коллеги соберутся на что-то подобное? Сколько ещё вы будете гостить у Витиаса? — осведомился Цимон нейтрально. — У нас вот в храме четвертый год идут разговоры.

— При храме разве нет жилья? — удивился Локто. — А кельи?

— Мрачные каменные коробки нравятся далеко не всем, — священник усмехнулся. — Кроме того, у нас довольно много невоцерковленных людей с семьями. Для них наши кельи — что та темница.

— Я слышал подобные разговоры в лечебнице, но похоже, что пока Витиасу придётся потесниться, — ответил Рентан и не стал упоминать, с чем именно связано «пока».

Против коммуного жилья категорически выступала Миловида. Не из-за каких-то предубеждений. Чем строить с нуля, она собиралась переоборудовать семейный дом. Однако пока её планы на этот счёт не продвинулись дальше обсуждения. Мешал, пускай и не в открытую, муж, и, как полагал лекарь, у него имелись все шансы «пересидеть» жену в этом вопросе. То, что под ударом по итогу окажутся работники лечебницы, коих, вероятнее всего, в определённый момент выставят вон, нисколько его не смущало.

— Дальше мы пойдём вдвоём, — остановившись возле входной двери, сообщил Рентан, имея в виду себя и Вилору.

Цимон и Локто мрачно переглянулись, но спорить не стали, оставшись снаружи. Найти комнату, а вернее две комнаты, которые занимал Римпан с семьёй, оказалось возможным только благодаря Вилоре, что в них уже бывала. Иначе бы долго им двоим плутать в этом тесном нагромождении помещений с множеством не склонных к общению людей.

Несмотря на тесноту, обстановка внутри коммуного дома показалась Рентану более чем приличной. Он по рабочим вопросам регулярно бывал и в особняках, и гнилых халупах, поэтому было с чем сравнить.

— Ты кроме кашля что-нибудь заметила? — поинтересовался лекарь, когда они дошли до нужной двери, оказавшейся закрытой. — Что угодно?

— Ну рука его эта прижатая, — припомнила девушка и вслед за лекарем постучала, только вдвое сильнее и дольше. — Поди отсыплются.

— И дети? — мрачно уточнил Рентан, осматриваясь и прикидывая, можно ли попасть

внутри без ведома хозяев.

Однако дверь ломать не пришлось. Послышались шаги, кашель и шум отодвигаемого засова. В коридорчик, бывший частью кухни, выглянула заспанная, растрепанная, но по своему красивая женщина лет тридцати. По всей видимости Векла — жена Римпана.

— Приветствую, с праздником, — улыбнулся и слегка поклонился лекарь. — Я Рентан и пришёл...

— Здравствуйте, — очень тихо сказала женщина. — Вас, наверное, послали боги.

Лекарь не стал уточнять, с чего такой вывод. Он уже видел всё сам: слабость, изнеможение, светобоязнь, приступы кашля — весьма характерные признаки.

— Римпан, он... — с трудом продолжала Векла, кажется, очень условно пребывавшая в здравом рассудке. — С ним что-то не так. И со мной тоже. В глазах всё плывёт...

— Давайте пройдем внутрь, — понимая, что за ними сейчас подсматривают все жильцы, попросил Рентан и, не дожидаясь разрешения, зашёл внутрь.

Поняв, что к чему, Вилора, шедшая следом, закрыла за ними дверь. Жилище Римпана оказалось небогатым на мебель и украшения, но компенсировал этот недостаток концентрированный семейный уют. Лекаря кольнула своеобразная, но всё равно сильная зависть, впрочем, он быстро отогнал эти мысли, сосредоточившись на работе.

На Веклу он пока обращать внимания не стал. Ею «занялась» Вилора: усадила за неубранный стол и принялась, насколько это возможно, расспрашивать о состоянии.

— Спроси или посмотри, нет ли у неё высыпаний... — попросил лекарь.

— Чего? — растерялась девушка.

— Пятен на коже. Чаще всего образуются в подмышках, на бёдрах или груди. Только не трогай их.

Последнее Вилора истолковала не совсем так, как хотелось бы Рентану.

— А мне, может, тоже лучше быть снаружи? — вдруг озаботилась она.

— Всё в порядке, — успокоил её лекарь. — Если симптомов нет, значит, ты всё так же невосприимчива.

— Невосприимчива?

На объяснения не было времени, да и Рентан не очень-то хотел в них пускаться, считая это преждевременным. Он до сих пор не желал верить, хотя теперь перед ним вопрос стоял не теологический, а вполне практический.

Римпана он нашёл лежащим на семейном ложе без сознания. Извозчик успел переодеться в ночное, но так и не снял свою перчатку, под которой прятал якобы зажатую руку. С неё и начал лекарь, попытавшись для начала наконец снять: расшнуровал слишком сильно и плотно завязанные ремешки, выпрямил полусогнутые пальцы, потянул за краешек среднего пальца... и ничего. Перчатка как будто прилипла от влаги. Однако это было не так. Суть происходящего выдавал запах: загадочный кисло-сладкий аромат, щекочущий нос. Своеобразный красивый «подарок» от болезни. Как правило, разлагающаяся человеческая плоть пахла куда менее приятно.

Проводить дальнейшие исследования кисти, в том числе выяснять источник аномального запаха, Рентан не стал. Не стал он и зашнуровывать перчатку обратно. Заражения крови можно было уже не опасаться. Прделанная им только что операция вызывала дикую, нестерпимую боль. Римпан же даже не шелохнулся, хотя до сих пор дышал, пускай и очень слабо, едва заметно.

Ходящей ходуном рукой лекарь приоткрыл глаза парня, уже зная, что увидит. Зрачок,

лишённый всякого проблеска сознания, ибо сознание уже погибло, и радужку, переливающуюся всеми цветами радуги. Следы появившейся восприимчивости к магии. Она же и являлась убийцей. Сомнений быть не могло, перед Рентаном находился человек, заражённый Синей чумой.

Закусив рукав — не прикрываясь, а чтобы не закричать, — лекарь вскочил и бросился к жене возницы. Он осмотрел и её глаза. Те слабо, видно только-только начав, тоже уже светились. Как и глаза детей. Всех троих.

Обнаружились и другие типичные для Синей чумы проявления. В частности те, что подарили ей своё название — маленькие синего цвета кристаллы, образовавшиеся под ногтями, в местах ран, подмышках.

Сердце Рентана бешено колотилось от осознания происходящего. На разум накатывались волны боли и отчаяния. В определенный момент лекарь просто перестал понимать, где он и что происходит. Пришёл в себя Рентан только когда перепуганная донельзя Вилора принялась бить его по щекам. Лекаря привели в чувство не удары, а её глаза. Голубые, красивые, самые обычные глаза. Она не была заражена, хотя общалась с Римпаном достаточно много. Это означало, что ещё не всё потеряно.

— Вы... ты в порядке? — донёсся через пелену тумана взволнованный голос девушки.

— Да, — позволяя помочь себя поднять, ответил Рентан, приходя в себя во всех смыслах. — Нужно уходить отсюда, оцепить дом... проклятье, они же не могут быть единственными.

— Это та штука... это Синяя чума? — догадалась Вилора.

Дальше надеяться на лучшее, врать самому себе и отрицать лежащие на поверхности факты больше смысла не было.

«Скелеты в шкафу никогда не врут», — думал про себя лекарь, кивая и поднимаясь на ноги.

— Нужно действовать осторожно, — сказал Рентан. — Последнее, что сейчас нужно этому городу — паника и беспорядки.

Как и любой оренгардец, он много размышлял над тем, что же в конечном счёте погубило город. Был ли у Оренгарда шанс. Лекарь считал, что скорее да, чем нет. Безусловно, спасти удалось бы не всех. Не удалось бы избежать разрушений от пожара и многих других несчастий. Но Оренгард бы выстоял.

Однако всё произошло совершенно иначе. К тому моменту, когда совет Двенадцати гильдий собрался и о чём-то договорился, половина Оренгарда догорала от огня, который невозможно было потушить, а вторая проживала свои последние мгновения, мечась в страхе. Некому было выполнять приказы и команды, никто не пытался действовать согласно плану, которого не имелось и в помине.

Говоря про осторожность, Рентан не особо верил в то, что его поймут. Осознавал, как можно трактовать эти слова, что значат для любого, кто предпочитал сначала кричать, а затем думать. Однако Вилора как никак была оренгардкой. Она всё прекрасно поняла, причём сразу.

— Да, правильно, поэтому...

Девушка, давя из себя довольно жуткую в сложившихся обстоятельствах улыбку, встала рядом. Вдруг её решимость ослабла, когда она вспомнила оставшихся в комнатах людей.

— Мы не должны их забрать или?

— Нет, во всяком случае, не прямо сейчас, — покачав головой, соврал лекарь. —

Поговорим снаружи.

В отличие от Вилоры, без оговорок поверившей ему, Рентан знал, что Римпан уже мёртв, хотя ещё дышал. Знал также, что семья возницы, находившаяся на поздних стадиях чумы, тоже обречена на смерть.

Понимая, что за ними наблюдают, причём очень внимательно, другие жильцы, они шли, стараясь делать вид, что всё в порядке, что ничего не случилось. Обычная прогулка в праздник. Вряд ли эта плохая актёрская игра могла убедить кого-то, кто знал Рентана или Вилору лучше, чем «видел их в коридоре», однако таковые сейчас находились снаружи дома.

Ни Цимона, ни Локто их наигранное спокойствие в заблуждение не ввело ни на секунду. Похоже, что они иного и не ожидали. Причиной тому была не только наблюдательность. Священник и делец стояли возле до сих пор накрытого стола, за которым, уткнувшись лицом в миску, спал какой-то гуляка. Точнее, Рентан посчитал этого человека гулякой по первому впечатлению ещё когда только шёл к дому. Правда, как и в случае с Римпаном, оказалось куда хуже.

— Уважаемый гражданин не приходит в себя, хотя мы взываем к нему более чем настойчиво. — Цимон указал на розоватые от ударов щёки «гуляки». — И похоже дело не в алкоголе.

— У него светятся глаза и какая-то синяя дрянь в зубах, — куда понятнее выразился Локто.

— Это отложения эфира, концентрированная магия в твёрдом состоянии, — удостоверившись в истинности сказанного, объяснил Рентан. — Похоже, проблема куда серьезнее, чем мне казалось. Я думал, что заражён только Римпан, те, с кем он общался, но...

— Заражён, — не как вопрос, а как констатацию, повторил Цимон и неожиданно твёрдо добавил: — похоже, нам пригодится помощь Войтона Турне. Незамедлительная.

— Стража... — начал Локто, но ему договорить не дали.

— Стража, будем предполагать худшее, заражена так же, как и часть горожан. А вот Охотники, возможно, ещё нет. Либо на начальной стадии.

Рентан не без удивления посмотрел на Цимона. Он никогда не видел священника таким. Только догадывался, что за этой показной добродушностью и сложными речами скрывается нечто большее. Теперь оно проявилось. Священник как будто помолодел лет на тридцать, да и говорил несколько иначе, разом избавившись от своих менторских ноток.

Несмотря на возникшие противоречия, понимание того, что стоять на месте и ничего не делать — это худший из вариантов, имелось абсолютно у всех. Поэтому, продолжая спор, они решительно направлялись в сторону храма Оруза, где дислоцировались Охотники.

— Кроме них есть барон и его дружина. Они тоже не заражены! Скорее всего, — стоял на своём Локто.

— «Скорее всего». К тому же пока они соберутся, пока начнут действовать, пока удастся убрать Кобыслава, чтобы он не мешался под ногами... — начал перечислять священник, но делец перебил его.

— Пока они будут это делать, Охотники, которым вы собираетесь сдать город, спялят его. Они по-другому не умеют!

Цимон в ответ многозначительно промолчал, что сказало куда больше даже самых длинных и насыщенных речей.

— Локто, возможно, методы Охотников плохи, но они хотя бы есть, — вмешался

Рентан. — Кобыслава город не дожидается, так же как не дождался Оренгард.

— Разве эта гадость, ну, Синяя чума, не убывает за... ну быстро короче? — поинтересовалась Вилора.

— Римпан пожаловался мне на руку примерно четыре дня назад, но заразился он раньше, якобы накануне... — начал рассуждать, отвечая на вопросительные взгляды, Рентан.

— Несомненно не является совпадением тот факт, что сроки примерно совпадают с датой вашего совместного посещения Вороново. Ведь там вас тоже сопровождал Римпан, верно? — вмешался священник. — Считаю, что именно её следует брать за отправную точку.

— Возможно, — согласился лекарь и принялся рассуждать дальше: — так или иначе это не совсем та же Синяя чума, что уничтожила Оренгард. Похоже, у нас чуть больше времени. Там всё закончилось за считанные дни.

— Там был пожар, — без претензий напомнил Локто.

— Магический, усиленный в том числе чумой, но вряд ли он так уж ускорил процесс...

— Мне кажется или город слишком пустой и вялый?

Замечание Вилоры оказалось как нельзя наблюдательным и своевременным. Никто и не заметил улиц не совсем пустых, но и далёких от того оживления, что царило на них ещё совсем недавно. Хотя время неумолимо двигалось к полудню. Исчез туман, стало теплее, то и дело солнце выглядывало из-за туч, но Власва всё никак не оживала, не наполнялась звуками вновь набирающих силу гуляний. Отдельные прохожие больше напоминали потерявшихся призраков, куда-то бредущих безо всякой осмысленности и цели.

Вдруг из неприглядной халупы, возле которой они как раз проходили, раздался истошный женский вопль и звуки борьбы. Так же резко всё почти мгновенно умолкло.

Не строя воздушные замки пустых предположений, Локто решительно направился ко входу. Постучал и, не дождавшись ответа, не без помощи Вилоры попал внутрь — вместе они грубой силой сняли дверь с развалившихся петель.

— Эй, хозяйева, что тут у вас происходит? — донёсся голос дельца. — Есть кто живой?

— Ау-у-у, — вторила ему девушка.

Некоторое время ничего не было слышно, кроме их окриков. Цимон использовал это для простого, но важного вопроса:

— Рентан, скажите, вы... вы не заражены?

— Не думаю, — лекарь посмотрел на свои руки без единого следа болезни. — А вы?

Священник усмехнулся, собираясь что-то сказать, но ему помешал шум и крики из дома, явно свидетельствующие о драке. Судя по визгу Вилоры, там творилось что-то нехорошее. Когда Рентан и Цимон, вынужденные ориентироваться в полутьме коридоров халупы буквально на ощупь и звук, добрались до места происшествия, всё уже кончилось.

На полу скупобставленной жилой комнаты лежал, истекая кровью из проломленного черепа, какой-то бедолага. Кровь оказалась необычного цвета — очень светлая и к тому же переливающаяся всеми цветами радуги. Синюю чуму выдавали и его глаза с подтёками у век, что ещё слегка светились. В руках он сжимал какой-то остро заточенный металлический огрызок. Что-то вроде не самой удачной попытки изготовить подобие кинжала.

У дальней стены, прислонившись к ней, лежала полная, некрасивая женщина в ночной рубашке, алой от крови. Судя по отметинам и следам, умерла она мгновенно, но её всё равно продолжали колоть и резать.

— Магическое безумие, — удивлённо пробормотал Цимон, а Рентан кивком подтвердил его догадку.

В Оренгарде подобного не было. Там всё слишком быстро закончилось. Однако вполне логично, что повышенная чувствительность к магии и проявляющиеся из-за этого неконтролируемые способности вызвали магические заболевания. Помутнение сознания, доходящее в том числе и до безумия, не было такой уж редкостью среди людей, наделенных даром магии и без всякой Синей чумы.

Это всё было крайне необычно и вызывало у лекаря сугубо профессиональный интерес, однако сейчас это было абсолютно неважно. Рядом с мертвецом, тем, что всё это учинил, сидел, кривясь от боли и держась рукой, под которой всё сильнее проступало пятно крови, Локто.

— Напал на нас из темноты, — рассказал он. — Только глазищи светились. Что-то бормотал, но...

— Покажи мне рану, — не дослушав, потребовал Рентан и, увидев её, сразу грязно выругался.

— Что-то не так? — давя улыбку, уточнил делец. — Останется шрам?

— Он попал тебе в печень, Локто.

— Это... это не хорошо, да? — вопрос остался без ответа, поэтому он попытался превратить его в шутку. — Что, я умру от банальной поножовщины, пока весь город будет подыхать от чумы?

— Разве нельзя ему как-то помочь?! — вспыхнула Вилора, наблюдая за безучастной растерянностью Рентана. — Про... проперовать или остановить кровь?

— Нет, — коротко ответил лекарь, и, поняв, что этого недостаточно, пояснил: — находишься он на операционном столе, я бы, может быть, успел. Но сейчас...

Понимал это не только Рентан. Цимон, тяжело вздохнув, присел рядом и без спроса начал полусёпотом читать молитву из числа тех, коими прощались со смертельно больными.

— Нет, нет! — услышав его слова и узнав их, закачал головой Локто. — Хватит! Простите меня, но я никогда не верил в эту чушь с богами. Не надо! Если мне осталось сколько-то там минут, лучше идите куда шли — это важнее. Только...

Он вдруг прервался, видно, осознав, что на самом деле хочет несколько иного. Понял это и Рентан. Не говоря лишнего, он при помощи остальных приподнял друга из лужи густой бордовой крови, переместил его с пола на кровать.

— Ты не умрёшь здесь в одиночестве. Я останусь и побуду с тобой.

— Но... — попыталась вмешаться Вилора.

— Я ОСТАНУСЬ ТУТ! — повторил Рентан так, что халупа закачалась. — Кхм, столько сколько понадобится. С Войтоном вы сможете поговорить и без меня.

Цимон скривился, но спорить не стал. Настойчиво взяв девушку под руку, он повёл её прочь. Хотя именно священник мог бы привести целый ворох вполне разумных хороших доводов насчёт того, как в текущей обстановке необходимо тратить время.

— Сколько? — когда стихли их шаги, вяло спросил Локто. — Ты ведь не пропустишь всё?

— Не пропущу. Самое большее, — Рентан ещё раз осмотрел рану, — если будешь прижимать рану как сейчас — полчаса.

— А если сильнее?

— Меньше, — останавливая его вялые усилия, сообщил лекарь. — Слабее тоже не стоит, ты всё правильно...

Рука дельца опустилась, перестав держать бок, и в этот раз вернуть её на место оказалось куда сложнее.

— Я не стану тебя задерживать, — сообщил решительно Локто. — Да и не хочу тут истекать кровью полчаса. Лучше уж быстро... — Он помолчал, а затем спросил: — Неужели эта проклятая жизнь закончится вот так? Куском ржавой железяки в какой-то халупе? — делец закашлялся, пытаясь нервно засмеяться. — А я ведь просто услышал женский крик... хотел помочь. Знал, что происходит.

— Знал? — удивился Рентан.

— Ну да. Тогда в Оренгарде видел, что творит с людьми эта дрянь. Видел, как один... лопатой своего собственного... — на этот раз Локто скривился совсем не от боли... — Не хотел даже думать, что здесь будет то же самое. Вот и кинулся. Глупый поступок. Бессмысленный героизм.

— Героизм не бывает бессмысленным, — заметил Рентан, а затем отвлёк его, спросив с намёком: — может, мне кому-нибудь что-то передать?

— Соловухе? Рогнеде... — всё мгновенно понял Локто. — Не знаю, никогда думал до этого, а сейчас... знаешь, сейчас мне всё равно, — делец грустно усмехнулся. — Если увидишь, скажи, что... ничего не говори. Ты оказался как всегда прав — эти отношения тоже были не всерьёз. Очередной сезон.

— Ты хотя бы искал, пытался найти ту самую пресловутую вечную любовь, — утешил лекарь. — Я завидую тебе. Мне на это не хватило духа.

— Я тоже завидую тому парню, который искал любовь, жил полной грудью, а не истекал поганой кровью в поганом месте.

Стремительно угасающий Локто, посмотрев на алую лужу под собой, скорчился, но не от боли. Таким образом он собирался с силами, готовился сказать последние самые важные слова в своей жизни. Рентан придвинулся ближе, понимая, что сил на громкие разговоры у его друга больше нет и не будет.

— Много раз я представлял себе момент, когда повстречаю одного из этих ублюдков — Фримов. Как буду себя вести, что говорить, какие вопросы задавать, как их мучить, если представится такая оказия.

— Ты можешь сказать это сейчас, я не обижусь, даю слово.

— Странно, умираю я, а галлюцинации у тебя, Рентан. Ведь здесь нет ни Фрима Мено, ни Фрима Набена, — лицо дельца перекосила улыбка. — Здесь только мы вдвоём. Локто Хорен, несостоявшийся герой, истекающий кровью, и Рентан Ниоткудашний, который слушает его предсмертный бред.

— Ты... — голос лекаря дрогнул, он осёкся, на его расширившихся от удивлённого глаза проступили слёзы, — это многое для меня значит. Спасибо.

— Не переоценивай слова умирающего идиота вроде меня, — глаза Локто закрылись, хотя он ещё был в сознании. — И пожалуйста, возьми Вилору и проваливайте прочь отсюда. Не делайте как я. Не занимайтесь бессмысленным героизмом. Пока ещё можете, пока ещё целы и живы, пока вам никто не мешает — уезжайте. Так далеко, как только сможете. Пока не выставили кордоны и не стали запирают всех в... Эта девушка и ты... вам не надо быть тут, вы уже... уже пережили это. Хватит с вас...

Голос его становился всё тише и тише. Финальную часть фразы можно было прочитать исключительно по губам. Это было последнее, что сказал Локто Хорен.

Рентан всё так же, в той же позе сидел на том же самом месте и смотрел на друга, не в

силах поверить в происходящее. Он видел огромное количество смертей. Видел множество раз, какими бывают последние минуты жизни. Но впервые это его задело, выбило из колеи, заставило задуматься. Не о каких-то сложных материях или вечном. А о том, что ему делать сейчас.

Впервые в жизни Рентан сидел над трупом и не знал, что ему с этим делать. Уйти, оставить всё как есть? Запомнить дом и затем вернуться? Или, может, попробовать перенести тело самостоятельно? Но куда?

Именно в этот момент за спиной лекаря началось какое-то непонятное шевеление. Обернувшись, он увидел, что труп безумца с ножом слегка подергивался, как будто в конвульсиях. Только обычно в таких случаях трупы не разговаривали.

— А ведь осмотри ты того парнишку сразу, ничего бы не было. Гордыня-я-я! Гордыня всегда вас губит. Каждый раз!

— Чушь! Не гордыня убила Локто. Будь так, он бы прошёл мимо! Убирайся прочь! — прикрикнул Рентан гневно. — Тебе нечего здесь делать!

— Неужели?! Ты думаешь, что я упущу такую возможность для издевок? — едко поинтересовался устами мертвеца Отвергнутый. — Не трогай покойного — ты мне вреда не причинишь и не прогонишь.

— Этот несчастный не заслужил быть твоей марионеткой!

— Ха-ха-ха! — наигранно рассмеялся демон. — Заботишься об убийце твоего друга? Похвально для человека твоих нравственных качеств. Что ж, мы можем договориться — в соседней комнате стоит таз, наполненный водой. Иди умой лицо, почисти руки. А я с тобой поговорю.

— Нам не о чем говорить.

— Это ты так думаешь. Мы с тобой не союзники, не друзья. Но я не друг и не союзник Келестии и не собираюсь ей подыгрывать в её планах. Это не в моих интересах, — голос демона стал тише, будто он исчезал. — Не хочешь говорить со мной? Что ж, пожалуйста. Я найду другую лазейку в этот мир. И того, кто меня выслушает...

— Ладно...

Нисколько не сомневаясь в том, что его обманут, сразу или нет, Рентан всё же направился в соседнюю комнату. Ему не нравилась перспектива какой-либо сделки с этим существом, однако эта показалась безвредной. Просто разговор, который будет не лишним принять во внимание. В соседней комнате, являющей собой некое подобие уборной, и вправду нашлась наполненная до краев ледяной водой бадья. А ещё множество ржавых, но тем не менее хорошо заточенных бритвенных принадлежностей.

— Этот бедолага был цирюльником, — походя рассказал Отвергнутый, вещая с поверхности воды. — Ну, при жизни. Паршивым, как он сам понимал, но стать лучше ему не дали.

Лекарь осторожно заглянул в бадью, не зная, что увидит там. Увидел своё отражение, которое как будто жило своей жизнью, не подчиняясь оригиналу даже в вопросе положения в пространстве.

— Оставь... моё отражение в покое, говори, что хотел, и убирайся туда, где ты там обитаешь, — растерянно и не решаясь мыть руки, потребовал Рентан.

Однако, как он быстро убедился, создаваемая им рябь любой силы не мешала демону. Зеркальная копия Рентана слегка колебалась на «волнах», но не исчезала. Отвергнутый же, явно наслаждаясь ситуацией, всюю кривлялся, скалился и иными способами выражал

удовлетворение от происходящего.

— Лекарь должен быть чистым, — пробулькал, не спеша переходить к важным вещам, демон. — Вас ведь именно этому учат?

— Нас многому учат. Что ты опять от меня хочешь? — устало спросил Рентан.

— На самом деле? — притворно, будто совсем не ожидал такого вопроса, уточнил Отвергнутый и вдруг стал убийственно серьёзным. — Сообщить, что это не я. Твоя чума великолепна, это произведение искусства. Именно поэтому мне кажется кощунственным растрчивать её потенциал на вонючие провинциальные городки вроде Оренгарда и тем более этой дыры, — в его голосе чувствовалось сильнейшее осуждение, а затем он подначил: — давай, спроси меня, кто же это.

— Вариантов немного, — не поддался лекарь. — Зачем это Келестии? Ты обещал рассказать.

— Я тебе обещал только пытки и мой хохот, когда твоя тщедушная душонка окажется у меня в руках, — зло парировал демон. — Но я сегодня добрый и поэтому расскажу: для очередного ритуала. В этот раз более масштабного, если ты понимаешь, о чём это я.

— Она же уже заглянула в будущее, зачем...

— И что она там, по-твоему, увидела?

Рентан замер на секунду, а затем без предупреждения перевернул бадью, вылив воду, и решительно, быстро, не оглядываясь, не реагируя на булькающий хохот за спиной, направился в храм Оруза. В его голове уже складывалась отчётливая картинка грядущей катастрофы...

Неизвестно, где именно Цимон нашёл Войтона Турне, но их разговор, к которому чуть позже подключился и подошедший Рентан, состоялся в хорошо освещённом помещении, где, судя по обстановке и запахам, обычно трудились писцы. Причём попасть как внутрь храма Оруза, так и к предводителю Охотников оказалось совсем не просто. Так или иначе тут понимали общее направление происходящего, поэтому уже жили на осадном положении.

Подле главного входа в храм собралась немаленькая толпа — многих беспокоило, почему в праздничный день не проводятся богослужения. Ничего объяснять и тем более пускаться внутрь их, конечно, никто не собирался. Но и люди, как заметил Рентан, не были настроены сколько-нибудь решительно. Сказывалась болезнь, влияние которой сами люди пока ещё не заметили, а также страх перед Охотниками, чья решимость, умение драться и готовность умереть за дело были широко известны.

Внутри храма, особенно среди его «коренных» обитателей, настроения также царили мрачные, но при этом спокойно отрешённые. Эти люди даже перед лицом страшной смерти, о которой они похоже были в курсе, оставались верными себе и Двенадцати и не собирались предаваться низменным порывам.

Вилоры нигде видно не было. Ни снаружи, ни внутри, ни рядом с Цимоном. Лекарь от этого незаметно и с облегчением выдохнул. Он нисколько не сомневался, что девушку станут использовать против него при первой же возможности.

Когда Рентан наконец пробился через заслоны вооружённых людей, имеющих приказы, но не имеющих мозгов, и через оказавшиеся куда более благоразумными закрытые двери, Цимон как раз заканчивал рассказывать всё, что узнал. Войтон Турне слушал его сосредоточенно, но про деловому спокойно. Без раскрытых от удивления глаз, сжатых от злобы зубов или едких замечаний. Почти так же спокойно он выслушал и лекаря.

— Интересные у вас собеседники, — заметил Войтон с прищуром.

— Какие есть, я тоже...

— Ваше мнение мне неинтересно, — оборвал предводитель Охотников. — Я вам не верю, — сказав это, он указал на священника. — И вам тоже.

— Действительно, где, как не в храме, обсудить вопросы веры, — Цимон устало почесал лоб. — Если вопрос стоит так, то доказать существование Синей чумы очень...

— Мне не надо доказывать существование Синей чумы, — перебил предводитель Охотников. — О том, что она реальна, я **осведомлён**. Как и осведомлён, что она здесь — во Власве. Видите ли, пока вы предавались слабостям, я **работал**. Много.

Он выдержал паузу. В первую очередь необходимую, чтобы достать из одежды фляжку и довольно долго из неё пить. До носа Рентана донёлся сильный аромат неизвестной смеси трав. Что именно это за напиток, понять не представлялось возможным, но несомненно какой-то стимулятор. Возможно, даже какая-то из вариаций Стотравника.

— Вы, Цимон, **говорите**, что виноват Отвергнутый, — шумно выдыхая и откидываясь на спинку кресла, сказал Войтон. — Так совпали даты. Вы, Рентан, **говорите**, что виновата Келестия. Так сказал Отвергнутый, — судя по ухмылке, ему это казалось особенно забавным. — Наконец, сама Келестия ничего не **говорит**. Однако несомненно будет отрицать любые обвинения. Что же до меня... мне видится ситуация до предела **простой**, — предводитель Охотников друг встал и подошёл к лекарю почти что впритык. — В этой

истории нет злого рока, падших и настоящих богов, злых магов из того числа, которыми пугают детишек. Но есть безумец, который однажды погубил один город и, похоже, не удовлетворился этим.

— Вы хоть осознаете, насколько это абсурдно?! — не выдержав, крикнул в ярости Цимон.

— Наоборот, это более чем разумно, — вмешался Рентан, продолжая смотреть в зелёные глаза Войтона. — Очевидно, я не могу сказать что-то в свою защиту, что убедит вас. Поэтому мне остается только сдаться на то время, пока вы проверяете все места со мной так или иначе связанные. Ведь подобные эксперименты попросту невозможно скрыть.

— **Невозможно**, — согласился предводитель Охотников. — И что же вы хотите от меня? За это **щедрое** предложение вашей капитуляции?

— Когда в город явится Келестия — остановите её.

В глазах Войтона всё это время плясал нехороший огонёк, однако услышав, чего хочет Рентан, он угас, а сам Охотник притворно рассмеялся:

— Вы очень **плохой** лжец и просто никудышный меняла. Вы предлагаете мне то, что я могу взять и сам, при этом просите взамен нечто само собой разумеющееся. Что, опять же, случится и без всяких сделок. Но ключевое вы **поняли** — этот храм вы покините лишь с моего дозволения...

— Кхм, прежде вас, Рентан, уведут туда, где новости будут достигать ваших ушей позже всех в этом городе, — вмешался Цимон, выражаясь явно нарочно сложно, — хочу вам сказать, что ту книгу по философии взаимоотношений между родителями и детьми я вернул многоуважаемому Римпану. Она ему сейчас нужнее — тройня как-никак.

Отправляясь в лечебницу святого Эвана, о которой он к этому моменту был немало наслышан, Войтон Турне не предполагал о возникновении каких-либо проблем. Поэтому много людей с собой не брал — лишь самый необходимый минимум для подобного рода визитов. То есть только себя самого. Немалую роль в этом сыграло и то, что он узнал о фактической владелице лечебницы Миловиде Каллас и её взаимоотношениях с Рентаном Ниоткудашним. Однако его ожиданиям о лёгкой прогулке не суждено было оправдаться:

— **Препятствовать** мне...

— Кого вижу на пороге **своей** лечебницы — пуп мира, собственной персоной! — перебила Миловида, загораживая собой вход. — Я не позволю тебе тревожить моих пациентов!

— Тогда...

— А вздумаете мне угрожать, — с нажимом продолжила женщина, — ни тебе, ни твоим холуям здесь оказывать помощь не станут и даже на порог больше не пустят. Ясно?

Войтон Турне являлся опытным профессионалом своего дела. Это был не первый скандал в его жизни, который он мог разрешить грубой силой. И не последний из тех, которые он не стал разрешать грубой силой, попытавшись вместо этого найти компромисс.

— Я не собираюсь нарушать ваш распорядок дня, традиции и устои. Все, что меня интересует, — удостовериться, что здание лечебницы не используется и не использовалось ранее для богопротивных **экспериментов**, — он выжидающе замолчал.

— Не используется и не использовалось, — после небольшой паузы подтвердила Миловида, нетерпеливо взмахнув дрожащей рукой. — Продолжай.

— В таком случае мне остается лишь **смирно** попросить предоставить возможность

взглянуть на мертвецкую. После этого я удалюсь.

Женщина смерила его долгим презрительным взглядом, явно невербально выражая всё, что думает о людях, готовых беспрекословно перед ней лебезить только из-за желания взглянуть на морг.

— Ну идём, — наконец сказала она и усмехнулась, — кстати, а ты знаешь, что роднит мертвецов и хорошее вино?

Войтон не знал, но всё же вежливо улыбнулся, сделав вид, что ему нравится шутка. Однако Миловида лести не оценила, даже наоборот.

— Знаешь, как определить, что в вине яд и какой именно? — спросила она, тяжело шагая по ступеням подвала.

— **Безоаровый** камень?

— Без глупых суеверий. — В этот раз женщина не стала дожидаться ответа. — К яду надо подобрать вещество, с которым он взаимодействует. Выпадает в осадок или начинает пузыриться, — она без предупреждения остановилась, оглядывая не без труда через плечо. — Здесь то же самое. Искренние люди никогда не улыбаются моей шутке, Войтон Турне.

— Это **банальная** вежливость, мадам.

— Вежливость — это не более чем общественно одобряемая форма лжи. Но она так или иначе, как её ни назови, останется ложью. Вот твой подвал, смотри на здоровье.

Одним лишь осмотром предводитель Охотников не стал ограничиваться. Особенно его заинтересовали тела умерших, прикрытые простынями.

— **Гомункул** Келестии, — без всякого удивления констатировал Войтон.

Тело уже начало разлагаться. Будучи творением магии, делало оно это по своим собственным правилам, мало похожим на типичные последствия смерти. Гомункул неторопливо рассыпался синеватым, медленно испаряющимся на воздухе порошком.

— Выходит, ты уже знаешь, чья это выброшенная игрушка.

— Знаю, — предводитель Охотников кивнул и уже собирался пойти дальше, когда обратил внимание на следы вскрытия. — Что **вы** с ним делали?

— Да вот знаешь ли, не привыкли мы к таким созданиям. Долго гадали, что же это за идеально здоровый человек к нам попал.

Последнее уточнение показалось Войтону странным:

— **Идеально** здоровый, но подобный обычному человеку? Хм-м-м-м, — по наитию обернувшись, он заметил выражение лица Миловиды, требующее пояснений к этому заявлению. — Маги способны создавать из ничего покорных слуг. Какой **смысл** растрчивать такие возможности на идеальных, но обычных людей? Как правило, гомункулы сильнее, быстрее, выносливее. По этой причине их невозможно спутать с человеком. Этот же...

— Это приманка, — закончила за него женщина. — Или проверка. Так или иначе пустая трата времени на всякую придурь свихнувшейся бабки.

Предводитель Охотников тем временем изучал другие тела в мертвецкой. При всей необычности причин смерти рассматривать их подробно смысла не имело. Это были первые жертвы Синей чумы. Те несчастные, чей организм и так находился на грани.

— Вижу, эти покойнички тоже тебя не удивляют, — едко заметила Миловида. — Может, ты тогда и мне расскажешь, почему перед смертью у них светились глаза и кровь переливалась радугой?

— Синяя чума, — наблюдая за реакцией, сообщил Войтон.

К его удивлению и разочарованию, реакции как таковой не последовало. Только один вопрос:

— Позволь уточнить: именно поэтому ты здесь, а Рентан в застенках? — Когда предводитель Охотников, нехотя, заранее подозревая подвох, кивнул, женщина разразилась целой тирадой: — Вот так день чудес. То считавшееся исчезнувшим заболевание, то самый крупный в мире дурак. Не зыркай, Охотник. Дурак как есть. Клинический идиот, как по мне. Я то думала, что тупее того, кто создал Синюю чуму, уже не найдётся, но ты превзошел и его. Город на краю гибели, а единственный человек, который знает что делать и как, сидит и ничего не делает.

Очевидно, Миловида рассчитывала на какую-то реакцию. Вспышку злости, обиду — что угодно. Однако Войтон Турне лишь спокойно продолжил разговор:

— Вам не приходило в голову, что человек, называющий себя Рентаном, может быть повинен в том, что происходит **сейчас**?

Миловида демонстративно зевнула, хотя ей это далось совсем не без труда. Заметно было, что она сильно утомлена. И этим разговором, и в целом.

— Такая глупая мысль заглядывала ко мне. Но она глупая, поэтому не задержалась надолго.

— Какие-то **доводы** будут? — поинтересовался предводитель Охотников, не особо рассчитывая на ответ.

— Всего один: прошло двадцать лет. А Синяя чума вернулась ровно тогда, когда в городе объявилась эта магичка, — женщина нахмурилась. — И ты со своими цепными псами.

— После — **не значит** вследствие...

— Отличное выражение, — Миловида осклабилась. — Вот и примени его к своим измышлениям. Как закончишь ковыряться — закрой за собой дверь. Меня ждут более важные дела, — она замерла на середине лестницы и с заметным усилием полуобернулась. — Хотя даже протирание пролежней у стариков важнее разговоров с тобой.

Войтон дождался, пока стихнут грузные шаги, и тоже покинул мертвецкую, хлопнув напоследок дверью с такой силой, что аж по ушам ударило. На него вдруг навалилось странное уже позабытое чувство. Что-то в глубине Охотника ожило, на краткий миг вернулось на положенное место. Это была злоба.

Ему невыносимо осточертел этот город и его обитатели один хуже другого. Хотелось бросить всё, прекратить всякие попытки изображать из себя нечто большее, нежели Охотники из народных представлений о них, и пойти самым простым, очевидным путём. Путём, полным огня.

Продолжая стоять возле подвала, Войтон так увлёкся этой навязчивой, очень привлекательной мыслью, что не сразу заметил сильный запах гари. Её источником был не город вокруг, не его жители. Горел он сам.

Охотник потряс головой, отгоняя наваждение. Вместе с ним исчезли и эмоции. Это были всего лишь игры изможденного разума, вынужденного работать без передышки. Станным образом эта короткая заминка привела его в чувство. Заставила собраться с силами, вновь обратиться к гласу рассудка, заново оценить имеющиеся факты, бесстрастно и детально.

Следующим пунктом назначения у Войтона должен был стать магазин «Лучшая тысяча зелий Кальциниуса». Пускай его владелец и мёртв, однако осмотр всё равно был бы не лишним. Как и разговор по душам с работниками. Однако прежде чем он туда добрался, предводителя Охотников отыскал посланец от коронера.

— Обнаружили место смерти Локто Хорена, — доложил юноша, вытянувшись по струнке так усердно, что, казалось, будто он сейчас себе что-нибудь порвёт.

— **Веди...**

Другой человек на месте Войтона мог бы заявить, что халупа, в которой нашёл свой конец Локто, была худшим из вариантов для последних минут жизни. Однако предводитель Охотников, будучи человеком иного сорта, полагал, что смерть плоха вне зависимости от того места, где ты её нашёл.

— Мужчина, приблизительно сорок лет. Причина смерти — потеря крови вследствие колющего ранения в печень, — сразу же принялся докладывать коронер. — Ранняя стадия Синей чумы, — закончив с Локто, он перешёл к следующему телу. — Женщина, возраст около пятидесяти лет. Множество ножевых ранений, смерть наступила вследствие болевого шока. Удары наносились и после кончины. Следы заражения явно не проявляются. — Настал черед последнего покойника: — Мужчина, возраст — шестьдесят или чуть меньше. Проломлен череп, вероятно, из-за падения. Поздняя стадия заражения, явные признаки так называемого магического безумия. Время смерти у всех одинаковое — около полудня этого дня.

Закончив говорить, он замер, ожидая вопросов от начальника. Такие и вправду имелись у Войтона, но он озвучил всего один:

— Ножевые удары по женщине и мужчине на нарах наносились **одним** и тем же человеком?

— Сложно сказать, но могу с уверенностью заявить, что наносили их с помощью одного и того же орудия — самодельного кинжала.

Не удовлетворившись этим заявлением, предводитель Охотников лично изучил раны на женщине и дельце, сравнивая их и составляя в уме картину произошедшего. Затем он осмотрел мужчину на полу. Но и там никаких лежащих на поверхности подсказок не нашёл.

Со слов Рентана выходило, что это и был нападавший. Заражённый Синей чумой человек, которого новообретенные способности к магии свели с ума и заставили бросаться на окружающих. Или усилили имеющиеся порывы. Однако Войтону не хотелось верить кому-то на слово. Предводителю Охотников требовалось нечто большее и значительно более осязаемое, чем заявление подозрительного во всех смыслах лекаря.

Ничего подобного на месте убийства и близко не было. Точнее имелся целый ворох улик, интерпретировать которые можно каким угодно образом. Множество следов, оставшихся от обуви, орудие убийства, сразу три трупа в конце концов. И никакой конкретики в этом всё многообразии.

— Что ж... — Войтон поднялся на ноги и сделал вид, что размышляет. — Тела **сжечь** во внутреннем дворе. Можете использовать части этой халупы и её пристроек. Орудие убийства **сохранить** для следствия. Затем отправляйтесь в мертвецкую при лечебнице. Сообщите, что от меня, и потребуйте **выдать** все имеющиеся тела покойников. Их также сожгите, только не на месте. Вывезите за город. — Он уже почти собирался выйти, когда его осенила идея. — Вы сказали, что Локто Хорен на начальной стадии, насколько?

— Заражение произошло в течение последних двенадцати-пятнадцати часов.

— **Упакуйте** тело так, чтобы не создавать излишнего ажиотажа и волнения. Транспортируйте его в лечебницу с наказом хранить до дальнейших распоряжений.

Эта идея мгновенно переросла в целый план у Войтона Турне случайно, по наитию. Ему не хотелось этого признавать, но в каком-то смысле его подтолкнула Миловида. Ведь проверить, имеется ли в вине яд и какой именно, можно не только путём химических или алхимических реакций. Можно заставить кого-нибудь выпить его и внимательно наблюдать, что будет потом.

Настал черёд посетить «Лучшую тысячу зелий Кальциниуса». Направляясь туда в сопровождении нескольких соратников, предводитель Охотников был настроен решительно, но на какие-то откровения не рассчитывал. Так оно и произошло.

Бывшие подчинённые Локто Хорена бессовестно ввали все как один. Это выражалось в первую очередь в форме клеветы. На коллег, на покойного начальника и в конечном счёте даже на самих себя. Некоторые делали это по давней злобе, другие пытались выгородить себя, третьи наивно полагали, что это как-то поможет расследованию. Словом, работать тут было не с чем и не с кем. Поэтому и Войтон особо здесь не задержался и даже не стал, как делал обычно, оставлять кого-то пытаться распутать этот клубок лжи.

— **Составьте** опись оборудования в лаборатории и имеющихся реагентов, затем **переместите** всё в мертвецкую при лечебнице, — с недовольством глядя на закатное солнце, слегка пробивающееся через низкие серые тучи, приказал Охотник подчиненным. — Останетесь там же для охраны. Внутрь **никого** не пускать, кроме как по моему письменному указанию, самим не заходить. Опись мне на стол.

После этого Войтон Турне направился обратно в храм Оруза. То и дело среди многочисленной толпы, заполонившей улицы и продолжавшей вялые попытки возобновить праздник, ему попадались на глаза люди с несомненным признаками болезни, уже вышедшей на финальную свою стадию. Двух толкований и быть не могло — всё развивалось по наихудшему сценарию, который вот-вот, вероятно, уже этой ночью, перейдёт в завершающую фазу.

Келья, в которой заперли Рентана, незначительно отличалась от тюремной камеры. Такая же тёмная, сырая и холодная. Разве что имелась хоть какая-то крайне примитивная и не очень удобная мебель: две койки, небольшой шкаф, кривоногий стул и вершина местного удобства — полка с книгами. Наполнена она была религиозными текстами, но как быстро выяснилось, далеко не самого лучшего качества.

Книгопечатание добралось до Власвы относительно недавно, ещё не успев окончательно вытеснить подобные поделки. Создавались они бесконечно терпеливыми людьми в те времена, когда любые тексты приходилось переписывать вручную. Долго и усердно. К сожалению, качества это совсем не гарантировало, скорее наоборот. Монотонная, сложная работа, помноженная на человеческий фактор, порождала тексты порой полностью перевирающие оригинал.

По началу Рентану это показалось забавным упражнением для памяти, однако очень быстро он изменил своё мнение. Дело было даже не в скуке. Книги напомнили ему о временах, когда он учил оригиналы этих текстов. Причём учил как в смысле идеального запоминания, так и полного понимания написанного. Происходило это отнюдь не на добровольных началах.

Наградой за усердие служила еда. Самая обычная, без каких-то излишеств — ничего,

что могло стимулировать. Стимулировало понимание, что наказание за отсутствие усердия состоит в полном отсутствии пищи, причём на несколько дней сразу. Имелись в арсенале и иные методы, значительно более прямолинейные, но не менее действенные.

Вспоминать об этом было не очень приятно, но несмотря на навалившуюся усталость, сон всё никак не приходил. Некая мысль, таящаяся на краю сознания, упорно не давала Рентану покоя. Она определённо была как-то связана с Синей чумой, но как ни старался лекарь ухватить за хвост, вытащить на свет и узнать, в чём же состоит её суть, ему всё никак не удавалось.

Одну из таких попыток, пожалуй, самую удачную, когда мысль уже почти поддалась, прервал послушник, неожиданно заявившийся в келью с подсвечником и парой свечей.

— Смотрю, всё вы силитесь читать в этой темноте — глаза ведь попортите только, — добродушно улыбнулся монах.

Лекарь осклабился, давая из себя вежливую улыбку, но ничего не сказал. Ни слов благодарности за предусмотрительность, ни претензий за прерванное размышление. Даже упоминать то, что помощь, мягко говоря, запоздала, не стал, хотя к книгам уже даже не прикасался.

Снова потянулись минуты, теперь скрашенные тусклым огоньком свечи. Рентан сосредоточился на той мысли, которую упустил. Что Синюю чуму поздно останавливать. Не только в случае с Власвой, но и вообще. Да и создать лекарство от магических способностей никому не под силу. Вот если бы что-то сделать с самой болезнью, исправить уже её...

Так Рентан и провёл следующие часы. Судя по колоколам, чей звон периодически добирался и до кельи, не меньше шести. Всё это время он постоянно колебался между сном и размышлениями, но не всё никак не мог найти ни сна, ни мыслей. Именно тогда неожиданно пришёл Цимон.

Лекарь как раз пребывал в полудрёме, поэтому не заметил ни его появления, ни даже шума открываемой двери. Только вежливое покашливание привело Рентана в чувство, пробудив от сна.

— Освежили память? — вежливо поинтересовался священник, кивая на книги.

— В каком-то смысле. Никудышная копия.

— Какая есть, — Цимон не без горечи закивал. — Иногда количество лучше качества, а?

— Возможно, — не поняв, к чему это он, уклончиво ответил лекарь. — Какие-то новости?

— Нет, точнее я не вправе ими делиться, — поцокал языком священник и очень нетипичным жестом протёр себе руки, словно умывая их. — Но пришёл поделиться некоторыми не дающими мне покоя мыслями, если вам угодно.

— Угодно, — Рентан приглашающе улыбнулся, кивая на соседнюю койку. — Увы, место для разговора не такое живописное как обычно.

— Считаю факт разговора более важным, нежели место его проведения, — не согласился священник, осторожно присаживаясь. — Что касается мыслей, то они таковы: вам не кажется происходящее хорошей возможностью?

— О чём это вы? — искренне удивившись такому вопросу, уточнил лекарь.

— О Синей чуме, конечно же. Мне бесконечно жаль всех тех, кто пострадает от неё, но это хорошая или даже уникальная возможность. И ей стоит воспользоваться. Уже хотя бы потому, что иначе эти люди умрут совершенно зазря.

Рентану очень сильно не понравились эти слова. И насторожили до предела. Они однозначно не принадлежали Цимону. Он никогда не рассуждал такими категориями. Такого рода даже не рассуждения, а подсчёты, замаскированные под оные, скорее подходили Фриму Набену.

Но кто тогда надоумил священника на подобное, кто за этим стоит? Учитывая осадное положение, вариантов было не то чтобы очень много. Однако Рентан в жизни бы не поверил, чтобы Цимон поддался на такие доводы от такого человека как Войтон. Сам священник, конечно же, заметил проявившиеся на лице лекаря растерянность и подозрительность:

— Не кривитесь и не опускайте глаза. Вы прекрасно меня понимаете. Я это выделю особо — именно меня. Никто со мной бесед на эту тему не проводил. Понимаете, конечно же, сугубо превратно. Я не предлагаю вам создавать нечто ужасное. Верните этому миру долг — создайте лекарство.

— Лекарство от магического заболевания, убивающего за считанные дни? — Рентан вспыхнул. — Это бред! Это невозможно!

— Но ведь и создать подобное может показаться кому-то бредом, чем-то за пределами возможного.

Лекарь окаменел от смятения, не зная как и реагировать на подобного рода оценки. Он считал, и не собирался менять своего мнения, что Синяя чума — это катастрофа, потенциально способная затронуть жизнь всей Эндрии, каждого существа её населяющее.

— Не стоит бросаться громкими заявлениями. Вы ведь и сами над этим наверняка думали, — в голубых глазах Цимона мелькнули искренняя теплота и забота. — Подумайте ещё вот над чем, раз довода о долге вам мало: Синяя чума — это оружие, и оно оказалось в руках сущих негодяев. Они натворят с ним дел не только здесь. Не только в этом городе и его окрестностях. Вы в силах помешать этому, — священник потёр руку. — Мир спасают не только рыцари в сияющих доспехах из сказок. Я бы сказал, что куда чаще его судьба заботит тех, кто доспехи ни разу в жизни даже не надевал.

Ошарашенный этим заявлением, Рентан не нашёлся что сказать. Его удивление в первую очередь было вызвано тем фактом, что он каким-то непостижимым образом упустил этот момент. Хотя это был даже не вопрос сообразительности, а только лишь памяти. Фрим Мено предвидел, что маги станут использовать Синюю чуму как оружие, и вот этот момент настал, развиваясь по наихудшему из возможных сценариев.

Оружие, предназначавшееся против магов и их власти, до сих пор не убило ни одного настоящего мага! Зато жизни случайных, ни в чём неповинных людей, унесло в избытке. Это действительно нужно было прекращать именно сейчас и никак иначе.

— Я даже не знаю откуда начать, с чего, — признал, размышляя, Рентан. — Да что там... — он многозначительно обвёл рукой келью.

— Думайте о важном и том, что для вас важно, — вставая, посоветовал Цимон вполне серьёзно, без капли иронии. — На пустые тревоги не тратьте силы. Они вам ещё пригодятся. Всё может измениться в самое ближайшее время.

Священник, всё так же тепло и душевно улыбаясь, собрался уходить. Напоследок они с Рентаном пересеклись взглядами. Глядя в глубокие, цвета неба глаза, лекарь вдруг осознал, что видит их впервые. И совсем не в том смысле, что раньше не обращал на это внимания.

— Кто вы такой? У Цимона карие глаза!

— Карие, да. Глаза не скроет никакая иллюзия, — не стал упираться или отрицать гость, остановившись подле дверей. — Однако правду открывать ещё рано. Скажем так,

чтобы каждый остался при своём: я — друг и...

— Вы — Оруз, — с религиозным благоговением и одновременно осознавая, что он только что перебил бога, осознал Рентан.

— Согласитесь, странно ожидать кого-то иного в этом месте, а? — гость усмехнулся. — Вы всё поймёте, но не прямо сейчас. А теперь, — он поднял ладонь и сделал движение губами, будто сдувая с них что-то, — спите, Фрим. Всё это: наш разговор, вы, я — только сон. А во сне, как известно, приходят истины, в иное время кажущиеся невозможными...

Это был самый спокойный и тихий сон, какой только был у Рентана за всю его немалую жизнь. Даже в счастливом полузабытом детстве, на роскошной кровати лекарь не спал так же крепко и хорошо, как сейчас. И хотя длился он не более часа, Рентан словно бы отоспался за всю предшествующую жизнь и ещё даже немного наперёд. Затем к нему пришли и сообщили, что его желает видеть капитан. По всей видимости, заключение и вправду подходило к концу.

Перед тем как отправиться, Рентан хотел было вернуть свечу, её огарок или хотя бы подсвечник, ставший ему ненужным, но не нашёл ни следа оных в келье, хотя заглянул даже под койки. Всё, что удалось отыскать лекарю, — пятнышко белого, ещё тёплого воска...

Войтон Турне явно был настроен куда благодушнее, нежели в прошлые их встречи. Или хотел показать это. Рентана он принял за трапезой, не забыв при этом пригласить к себе присоединиться. Конечно, стол являл собой образец солдатского минимализма и простоты, помноженный на не менее минималистичные традиции монахов. Однако всё же какая-никакая вежливость. Каша на воде, начисто лишённая всякого намёка на жиры, солонина и явно «перележавшая» вяленая рыба. Несколько выделялось вино, определённо позаимствованное из запасов храма, а потому выбивающееся из общей тенденции.

Предводитель Охотников был неразговорчив, и не похоже, чтобы это произошло из-за диеты. Скорее из-за сосредоточенности на собственных мыслях и размышлениях. На лекаря, когда тот заявился, он посмотрел исподлобья и, не отрываясь от неторопливого поглощения каши, кивнул. Никаких новостей озвучивать не стал, но этого и не требовалось. Молчание в данном случае значило куда больше.

— Где Цимон? — не мог не поинтересоваться Рентан, прежде чем сесть за стол.

— **Отдыхает**, — ответил, всё так же не поднимая взгляда от тарелки, Войтон.

Ещё один пример, когда скупость на слова и детали сказали куда больше, чем самые красивые обороты или подробный рассказ. Цимон несомненно к этому моменту уже был заражён, вопрос состоял лишь в том — произошло ли это в течение невероятно длинного дня или ранее. Ну а то, что Синяя чума разгромит организм старика за считанные дни, и вовсе было очевидно каждому.

Ели молча, и оно определённо было к лучшему — это позволило сосредоточиться на еде. В ином случае, как подозревал Рентан, он бы так увлёкся беседой, что совершенно про неё бы позабыл. И дело было совсем не в увлекательном разговоре или интересном собеседнике.

Когда каши и солонины на столе стало поменьше, Войтон завозился, похоже, намереваясь перейти к сути происходящего. Упреждая это, Рентан решил прояснить один немаловажный лично для него момент:

— Почему вы решили обратиться ко мне за помощью?

Он нарочно не стал спрашивать о причинах их беседы. И нисколько не сомневался, что предводитель Охотников не нашёл в городе ничего компрометирующего или

оправдывающего. Тем не менее они оба были здесь, за одним столом, ели одну еду.

— Хуже от **вашей** помощи точно не будет, — неторопливо, как будто скупой купец, отсчитывающий сдачу, ответил Войтон. — Ну а вы почему перестали притворяться **непричастным**?

— Потому что это больше не имеет значения. Синяя чума уже здесь, начала уносить первые жизни, — подумав, сказал Рентан. — Причастен я или нет, меня эта напасть уже коснулась.

Предводитель Охотников в ответ только кивнул, как будто бы с грустью и сожалением, или изображая таковые. Лекаря это смутило. Нечасто увидишь столь быстрый переход от явной неприязни к прямо противоположным чувствам.

— Думаете, я не способен **сочувствовать** чужому горю?

— Моему горю — нет.

— Я бы предпочёл разобраться с вами в **ином** месте, — рассказал Войтон, вздыхая. — В **иное** время. В **иных** обстоятельствах. Однако сейчас **обстоятельства** вынуждают меня воспользоваться имеющимися у вас знаниями. Это важнее ненависти, жажды справедливости и любых других **эмоций**. Этого требует мой долг перед Двенадцатью.

Рентан смотрел на его лицо и вдруг всё понял. Дело было даже не в весьма странном ответе, а именно в лице. Лице, лишённом всяких эмоций. Не только в этот момент, но и вообще. И дело состояло совсем не в мимике — у Охотника с ней всё было в полном порядке.

За годы врачевания ему доводилось встречать огромное число душевнобольных. Некоторые из них были неспособны испытывать эмоции как таковые, хотя умели их изображать при необходимости. И далеко не всегда эти люди были так уж больны. Очень многим их недуг помогал и даже подыгрывал.

Однажды лекарь столкнулся с лютнистом, знающим без малого тысячу мелодий и способным сыграть любую из них вообще не репетируя на запредельно высоком уровне. Способном их смешивать, как заправский повар смешивает приправы. Но при этом начисто лишённого способности испытывать удовольствие от чего-либо кроме музыки. Ни шутки, ни еда, ни алкоголь, ни даже любовь ему были абсолютно неинтересны.

Возможно, в случае с предводителем Охотников такая безэмоциональность была напускной. Или частично напускной. Но так или иначе в его профессии это являлось исключительно полезным навыком.

Выдержав паузу и тем самым убедившись, что у Рентана не будет новых вопросов, Войтон перешёл к делу. Начал он, как и полагается человеку армейскому, склонному к порядку и упорядоченности, с описания происходящего.

Причин для радости или хотя бы скромных надежд на светлое будущее и вправду не оказалось. По оценкам Охотников, до пира Винарда число заражённых было небольшим. Праздник подвёл под всем этим кровавую черту: на текущий момент речь шла про подавляющее большинство горожан и значительную часть жителей предместий. Не миновала болезнь и удалённые уголки — заражённые нашлись также в Ляхово и Листвице.

— Могу я уточнить, кто именно был, кхм, в первых партиях? — спросил Рентан, догадываясь, каким будет ответ, но желая удостовериться.

Не только в том, кто именно заразился в первую очередь, но и в степени осведомленности предводителя Охотников. Та, вполне ожидаемо, оказалась на высшем уровне.

— Бродяги, работники конюшен и извозчики, — перечислил Войтон, подумав. — Полагаю, лишь конюхи в этом списке — **случайность**.

— Один мой знакомый, возница, повстречал самодвижущуюся карету, из которой ему кинули перчатки, — рассказал, умышленно скрыв имена, лекарь. — Сегодня утром он был на грани смерти.

— Думаю, вам будет **интересно** узнать, что сама Келестия позавчера чувствовала себя более чем хорошо — никаких признаков болезни.

Это-то как раз Рентана вообще не удивило. Очевидно, магичка предприняла всевозможные способы защититься от Синей чумы. Однако Войтон, развивший эту тему, считал несколько иначе:

— Полагаю, она не может заразиться. Ни этой, ни какой-либо другой болезнью. По имеющейся у Охотников **информации** за последние сто лет она четырежды меняла свой облик. Дважды из-за дуэлей с магами. Один раз её удалось ликвидировать наёмному убийце, устроившему взрыв. Наконец, последняя метаморфоза произошла около десяти лет назад. Она участвовала в какой-то экспедиции, исследующей просторы Великой пустыни. Из экспедиции вернулась лишь Келестия в текущем своём облике.

Лекарю очень хотелось спросить, не носит ли источник в том числе имя Божек де Вротек, но сдержался. Это не имело всякого смысла и при жизни шпиона.

— То есть её облик — такое же творение магии, как и гомункулы? — вместо этого подвёл итог Рентан. — Что ж, в таком случае следует ожидать её в городе в самое ближайшее время.

Его предположение строилось на том факте, что магичке зачем-то нужны были заражённые Синей чумой люди. Вряд ли она хотела уничтожить Власву потехи ради, наблюдая издали. Хотя этот вариант тоже упускать не следовало бы. Если верным было именно первое предположение, то в таком случае Келестии требовались недавно заражённые люди, когда они уже обрели способности к магии, но ещё не превратились в развалины, доживающие последние часы или дни.

Предводитель Охотников всё это тоже явно понимал, поэтому кивнул, но как-то развивать тему не стал. Очевидно его планы касаются магички никак не соприкасались с планами на лекаря. Впрочем, тот и не претендовал, вместо этого сосредоточившись на болезни:

— Синяя чума сильно изменилась по сравнению с той, которая уничтожила Оренгард. В первую очередь стала длиннее. Это плохо, потому что теперь чума способна покинуть город в носителе и тем самым охватить большую площадь.

— Охотники уже **работают** над этим, — сообщил Войтон. — Мои люди сейчас заканчивают создание блокады города и окрестностей. В первую очередь дорог. Уже вызвано подкрепление, однако здесь их можно не ждать — они останутся в целях безопасности в районе Ляхово. **Будут** перерезаны и другие пути из этой местности. Каких ещё **последствий** ожидать?

— В общем-то стандартный набор, как и в случае с неконтролируемыми магическими способностями, которые встречаются более чем регулярно: произвольное использование магии, вызванное этим безумие. Что касается самих заражённых: обширное поражение организма. Синяя чума бьет без разбора, сразу везде. Дальше всё индивидуально: имеющиеся проблемы многократно усиливаются, появляются новые, и так до тех пор, пока от человека не останется... — Рентан замолк, поняв, что перегибает палку.

Он сказал слишком много, особенно в конце. Не в том смысле, что нельзя было показывать эти знания, а в том, что подобное вообще не стоило произносить. Нигде и никогда. Однако Войтон ничего не сказал, даже ни единый мускул на его лице не дрогнул. Невозмутимый, он продолжал внимательно слушать.

— Кхм, если угодно, я бы хотел получить доступ к алхимическому оборудованию и... — выдержав небольшую паузу и кашлянув, хотел продолжить лекарь, и вот в этот момент его уже перебили, но по совершенно неожиданному поводу.

— Таковая уже **подготовлена** в мертвецкой при лечебнице, — сообщил предводитель Охотников. — Вам предоставят все необходимые реагенты, включая тела и подопытных.

Рентан беззвучно открыл и закрыл рот, не в силах выдать из себя даже стон удивления. Затея, казавшаяся ему невозможной, вдруг обернулась успехом и мгновенно превратилась в сущий кошмар. У него и в мыслях не было работать, как называл это Фрим Набен, на «материале подходящего качества», однако Войтон даже не ставил это под сомнение. И как оказалось, только этим не ограничился:

— Ваша **задача** — добиться успеха в борьбе Синей чумой. Что для этого требуется и в какой форме выразится, меня не заботит. Только **результат**.

У Рентана вдруг возникло острое чувство, что с ним такое уже происходило. Что этот разговор отнюдь не нов, пускай и изменились роли. Правда, в этот раз сила оказалась не на той чаше весов.

— Я не собираюсь ставить эксперименты на людях! В этом нет никакой необходимости! Это лишь незначительно...

— **Незначительных** вещей в текущей ситуации нет. Вы будете ставить **эксперименты** на людях. И делать всё необходимое, чтобы, возможно, добиться главного — результата, — в глазах Войтона играл неприятный огонёк. — В **кратчайшие** сроки. Синяя чума должна быть побеждена. Так хочу я, и так хотят Двенадцать.

В этот момент лекарь окончательно понял, что та перемена эмоций касательно его персоны не была каким-то усилием воли или порывом сердца, а порождением большого разума. Разума, который не сдерживали эмоции, чьими ориентирами выступали исключительно приказы и задачи.

Первоначальной задачей Охотника было отправиться во Власву и разобраться, что происходит. Найти и покарать виновных, в чьё число входил на тот момент и лекарь. Однако обстановка изменилась, и вот Рентан уже занимает в планах Войтона совершенно иную роль. Разумную, с точки зрения текущей ситуации, но отнюдь не неизменную.

Понимал лекарь и ещё один немаловажный нюанс. Да, предводитель Охотников не испытывал эмоции. Но вне всякого сомнения он их понимал и пользовался. Именно поэтому разговор начался с еды — не какая-то вежливость, а попытка улучшить переговорные позиции, склонить собеседника на свою сторону.

— Вы не способны заставить меня. Ни пытками, ни угрозами, — категорично заявил Рентан.

— Даже так? Предпочтете остаться чистеньким **ценой** целого города?

— Меня сложно назвать «чистеньким». Но ошибок прошлого я не повторяю.

— **Предположим**. Но что насчёт ваших близких? Например, Цимона?

Такой поворот в свете открывшихся обстоятельств лекаря не удивил. Впрочем, даже не знай он про отсутствие эмоций, странно было бы ожидать иного от Охотника.

— У меня осталось не так много близких людей в этом городе. Что касается Цимона,

думаю, он мой выбор поддержит, даже зная, чем ему это грозит.

Это заявление Войтон Турне истолковал по-своему. Как мог истолковать только он один:

— Старая жизнь ничего не **стоит**, а? Так же, как и больная, поэтому, полагаю, Миловиду Каллас мне даже упоминать не следует?

— Не следует, — скорее изображая решимость, чем испытывая, заявил Рентан.

— Что ж, похоже, я остался без рычагов **давления**, — Охотник изобразил растерянность, что вышло довольно жутковато. — Или же... нет.

Он произнёс всего одно слово. Одно имя. Без каких-либо угроз или конкретики, только имя. Но Рентан сразу капитулировал без какого-либо сопротивления или попыток договориться.

«Она тебя погубит», — сказал ему Ярек, старый барон Власвы, которому предстояло умереть в ту ночь. Наверняка для друга он бы хотел выразиться яснее, конкретнее. Но имя Вилоры ему было неизвестно.

Рентан быстро шёл по улицам Власвы, стараясь не поднимать глаз. Так был меньше риск встретиться с кем-нибудь взглядом. Несмотря на поздний час, а храм Оруза он покинул, когда уже стояла сушая темень, людей было немало. В основном празднующихся пьянчуг из числа тех, кто ещё не осознал, что происходит нечто ужасное, либо просто феноменально невнимательных.

Даже уперший глаза в мостовую, лекарь видел едва дышащие тела в тьме подворотен, видел людей с горящими глазами, занятых предельно странными делами, вроде попыток писать на стене дома оторванным куриным крылом. Видел зарево огней, явно магических, со стороны левобережной части города, очень похожие внешне на алхимические фейерверки, но имеющие прямо противоположную суть. Синяя чума уже распространилась по всему городу, и это был один из её отличительных знаков. Начиненные странной смесью горючих порошков ракеты, запускаемые в воздух, являлись символом радости, веселья, беззаботности. Когда же человека изнутри разрывала магия, из-за чего он непроизвольно начинал колдовать, только ухудшая своё состояние — чего-то более ужасающего Рентан и представить не мог.

На лекаря никто не обратил внимания. Точнее, посмотреть желающих нашлось много, как и тех, кого прямо распирало от вопросов, но на что-то большее никто не решился. Всё из-за двух Охотников за его спиной. Не то почётный эскорт, не то надзиратели.

Лечебница, судя по огням в окнах, не спала. Да и не смогла бы при всём желании — вокруг собралась приличных размеров толпа. Настроенная пока ещё довольно благодушно, видно, из людей ещё не осознавших, что Миловида и её подчинённые просто не в состоянии им как-то помочь. Это не очень понравилось Рентану, поэтому он сразу, как только заметил происходящее, обратился к своим сопровождающим:

— Толпу нужно убрать отсюда. Не в смысле перебить, а просто разбить на очередь или что-то в этом роде. Иначе быть беде.

— У нас слишком мало людей... — прогудел невнятно из-под шлема Охотник.

— О да, я вижу! — оценивая данное заявление от особо занятого кадра, неприятной ухмылкой ответил лекарь. — Тогда лучше сразу идите к своему командиру и сообщите: лечебницу сожгли, а я задохнулся в подвале от дыма.

Охотник вытаращился на него так, что было заметно даже в весьма закрытом шлеме.

— Кто-то собирается...

— Идиот, — не дослушав, прямо высказался Рентан. — Это произойдет, если эта толпа останется здесь. Случайно или нет, — он махнул рукой на людей впереди. — Вон тот бедолага только что создал целую лужу воды из ничего, как думаешь, может ли он так же легко и непроизвольно создать огонь?

Не похоже, чтобы данный Охотник был особо искусственным мыслителем, но дошло даже до него:

— Будет сделано!

Сильно сомневаясь в этом, лекарь выразительно хмыкнул и решительным шагом направился к лечебнице Эвана. Когда до здания оставалось метров сто, люди наконец заметили его и опознали, после чего ломанулись наперерез. Здесь уже эскорт ничем помочь не мог. Одно дело — пугать своим видом зрителей в окнах домов, многочисленных, но

разрозненных, и совсем другое — толпа человек на пятьсот, собранных в одном месте и соответствующим образом настроенных.

Рентан же, глядя на этих людей, оступающих его со всех сторон, наперебой задающих тревожащие их вопросы, ищущие надежды или спасения, с удивлением понял, что они здесь не для линчевания и даже не для разборок. Он — их последняя и, вероятно, единственная надежда. Большая часть этих людей никогда с ним даже на улице не пересекалась, но это нисколько не мешало им надеяться именно на него.

Свободное пространство, образовавшееся между лекарем и толпой, постепенно уменьшалось. Эскорт решительно взялся за оружие, хотя что именно они собирались делать после этого было не совсем ясно. Рентан тоже не знал, как ему быть. Выступить с речью, сказать что-то ободряющее, важное?

«Да я двух слов сейчас не свяжу!» — краем глаза оценив степень собственного волнения по трясущимся рукам, осознал лекарь.

Липкое, холодное чувство, наполнявшее его в этот момент, оказалось новым, но знакомым по своей сути. Это был банальнейший из страхов — страх перед большим скоплением людей. Сама же толпа нисколько не пыталась своим шумом, напором и мельтешением лиц как-то облегчить ему задачу.

— Тихо вы, дурные! — раздался зычный голос, приглушивший гомон.

Вперёд вышел, буквально раздвигая мощными ручищами людей перед собой, рослый мужчина с простодушным выражением лица. Оказавшись на виду, он, словно сам стеснясь своей смелости, несколько сжавшись, помахал рукой лекарю:

— Драсьте, мастер-лекарь. Ваш наказ выполняю: одну рюмку в честь Винарда-то поднял, и всё! Больше ни капли!

— Хорошо, ты молодец, Ласлав, — абсолютно механически, не контролируя себя, ответил Рентан.

Ответ этот, несмотря на явную неестественность, привёл толпу в состояние близкого к религиозному экстазу. Похоже, никто и помыслить не мог, чтобы такая знаменитость знала имя какого-то завязавшего алкоголика, а вывод из этого сделали самый простой и одновременно самый неверный.

— Я так разумею, вы ведь сюда работать пришли, верно? А мы вам поди мешаем? — когда пауза несколько затянулась, поинтересовался, похоже, заранее понимая ответ, Ласлав.

Рентан не нашёл что сказать. Этого и не понадобилось — за него ответила сама толпа, из которой вновь раздались разномастные голоса, но теперь иного содержания:

— Верно говорит! Работать идёт!

— Мы мешаем!

— Разойдись, народ! Дайте дорогу мастеру!

— Расступись, кому сказано!

Если бы не эскорт, лекарь бы так, наверное, и стоял столбом. А так, фактически подталкиваемый со спины, он неуверенно пошёл вперёд. Проходя мимо чрезвычайно довольного собой Ласлава, Рентана наконец немного отпустил страх, достаточно, чтобы он сумел сказать:

— Нельзя стоять тут такой кучей.

— Беда будет? — догадался мужик.

— Да.

Не прекращая удивлять, Ласлав тут же, практически мгновенно выдал решение

проблемы:

— Эй, мужики! Надоть что-то навроде порядка устроить!

Мгновенно откликнулось ещё несколько голосов, тоже мужских.

— Да-а! Порядок нужен-то!

— Очередь, в очередь!

Вместо прямого комментария относительно происходящего Рентан выразительно посмотрел на того Охотника, с которым ранее препирался на эту тему. Тот в ответ выразительно кашлянул. Это не было проявлением болезни, чувствительности или некой формой сочувствия. Просто Войтон Турне строго-настрого запретил произносить вслух словосочетание «Синяя чума» и все производные или близкие по сути понятия.

— Вы такой же, как и я, — ответил вслух лекарь. — Как и все в этом городе сейчас.

На этом вопрос с безопасностью лечебницы, по крайней мере на какое-то время, был закрыт. Поднять руку на Охотников, которые живо присоединились к наведению порядка, могли и желали многие. Поднять руку на беззащитных медиков хватило бы духу далеко не всем. Поднять руку на «своих» могли лишь сущие отморозки, либо совсем обезумевшие.

Направился Рентан, как это ни странно, сразу в мертвецкую. По уму и просто из банальной порядочности надо было идти не туда, а к Миловиде. Вот только, как и в случае с толпой, стоило лекарю хотя бы подумать об этом, его пробирала дрожь и наступал ступор. Он не знал, что говорить и как. Ещё в меньшей степени Рентан был готов слушать различного рода уколы и претензии.

Однако покой не удалось найти среди алхимического оборудования и реагентов. Увидев тело Локто в мертвецкой, Рентан осознал, что за прошедший день уделил покойному ничтожно мало времени. Человек, которого он с уверенностью мог бы назвать своим другом, умерев, мгновенно оказался чуть ли не забыт. Хотя, пожалуй, сам делец одобрил бы такой подход в текущих обстоятельствах, сказав бы что-то вроде:

— Да ты сбрендил, что ли?! Думать о мёртвых, когда гибнет целый город? Найди себе занятие получше!

— Помнить нужно всегда, не прикрываясь обстоятельствами! — возразил бы ему лекарь. — Это отличает нас от животных.

— Ой, я тебя умоляю! Притворное человеколюбие, вернее, некрофилия — вот это что! — Локто бы крайне притворно заломил руки, расплываясь в характерной ухмылке. — Ты же не помнишь, например, о своей матери круглосуточно. Или скажешь, что это не такой уж важный человек в твоей жизни?

— Пример и вправду не самый удачный. Мы ведь говорим о конкретных людях, — принялся бы рассуждать Рентан. — Разные люди могут быть по-разному для меня важны. Чью-то смерть я буду вспоминать раз в год, а чью-то считаю кошунственным не вспоминать хотя бы раз в день. А ведь ещё критерий давности обозначенных...

— Ох, ну пустился ты в свою эту галиматью! — простонал бы Локто, кривясь как от скисшей капусты. — Помнить — это ключевое. Сколько раз в году — это уже следующий этап, значительно менее важный. Мёртвым всё равно, сколько раз ты приходишь на их могилу тревожить их покой.

— Ещё немного, и ты заявишь, что память о мёртвых — вещь сугубо утилитарная, про которую нужно вспоминать лишь когда удобно, — заметил бы лекарь, с трудом понимая, о чём говорит его собеседник.

— Да ведь так оно есть! — делец повысил бы голос, улыбаясь шире прежнего. — Ну, если отсеять всю эту моралистскую мишуру. Помним, когда можем помнить, чтить, когда есть возможность чтить, носим подарки на могилу, когда есть что дарить.

— Моралистскую мишуру нельзя отсеивать, поверь моему опыту. Страшные вещи случаются с людьми, ставящими себя выше морали.

— Существует чуть больше двух крайностей. Я не люблю пускаться в это высокоинтеллектуальное болото, но если ты так настаиваешь: наше бытие определяет сознание! Не наоборот! То есть говоря проще: наши ритуалы — это что мы можем делать относительно регулярно! И ты идёшь против этого принципа: сознаёшь себя вопреки бытию, — такую бы длинную и заумную речь Локто бы не смог произнести без бокала чего-нибудь очень вдохновляющего под рукой. — Знаешь, почему северные варвары хоронят своих мертвецов не в земле, а в воде?

— Потому что земля их промерзшая на десять метров вниз, если вообще есть, — не хотя бы согласился Рентан. — Деревя тоже нет...

— Вот-вот. А воды у них сколько угодно! — довольно улыбаясь, перебил бы его делец.

Этот разговор продолжался бы долго, очень долго. Не столько из-за остроты самого вопроса, сколько из-за желания выговориться. Его тема бы постепенно смещалась, видоизменялась и совершала крутые повороты, периодически соскакивая на совершенно посторонние вопросы. Однако этот разговор никогда не случился и уже не случится.

Перед Рентаном лежало бездыханное, бледное как мел, тело его друга, обращенное безумцем, лишенным эмоций, в злобную насмешку. Именно так происходящее воспринимал лекарь. Причём очень ясно осознавая, что сам предводитель Охотников никак не мог насладиться этим жестом. Это делало поступок Войтона Турне не только жестоким, но и бессмысленным.

— Что мне с тобой делать? — спросил Рентан, поправляя и приглаживая волосы Локто, но на этот раз не получил ответа, даже мысленного. — Ставить эксперименты? Да я лучше сразу отдам душу Отвергнутому! Да, у него Вилора, но...

Заставив себя замолчать, лекарь отвернулся от тела и пошёл расставлять оборудование, сортировать реагенты. Это заняло у него неприлично много времени. Дело было не в медлительности или нежелании работать, не только в них. Рентан попросту не знал, с чего нужно начать. Только понимал, чего хочет достигнуть в конечном счёте.

На лестнице, ведущей в подвал, раздались грузные шаги. Не менее грузный, к тому же очень измождённый голос также не заставил себя долго ждать.

— Вижу, тебе опять нужна взбучка или чевоу ты тут копошишься? — поинтересовалась Миловида без всякого намека на то, что сказанное шутка.

— Меньше всего сейчас мне нужна взбучка, — как можно спокойнее, но уже готовясь к худшему, возразил Рентан.

Прежде чем продолжить, женщина прошла к единственному стулу и плюхнулась в него. Похоже, сейчас ей было всё равно, что на нём и здоровому человеку совершенного иного телосложения было бы крайне неудобно.

— Догадываюсь. И тем не менее, — возобновила разговор Миловида и махнула рукой в сторону Локто, — надеюсь, этот пройдоха здесь не по твоей больной прихоти?

— Нет. Он умер сегодня, то есть вчера утром. Войтону, видно, показалось хорошей идеей использовать его тело.

— Я с ним немного говорила, он сюда заявился. Как по мне, хорошие идеи его не

навешают. Никогда, — она бросила взгляд на лекаря. — Хотя рада буду ошибиться. — Рентан ничего на это не сказал, поэтому после небольшой паузы Миловида продолжила: — Я скажу унести Локто отсюда. Охотники организовали костище за городом, сжигают покойных — это лучшее, на что он сегодня может рассчитывать.

— Хорошо. Спасибо.

— Полагаю, тебе нужна замена?

— Не знаю, — лекарь покачал головой и признался, — не знаю, что мне делать.

Миловида, вопреки обыкновению, не стала издеваться или едко комментировать его слова, а почесала многочисленные подбородки и предположила:

— Найти способ сделать эту дрянь безвредной.

— Не выйдет. Слишком мало времени. К тому же я... — Рентан прикусил язык, — в курсе, что это тупиковый путь.

— Ну, у кого-то мало, — женщина подняла пухлую руку, заметно посиневшую в районе кончиков пальцев, — у кого-то не так уж и мало.

— Ошибаетесь, — возразил лекарь.

Он поднял правую руку, вытянул её перед собой, закрыл глаза, сосредотачиваясь, и громко щелкнул пальцами. Жест пришлось повторять трижды, прежде чем над кистью возникло несколько магических, разноцветных искорок.

— Я не маг. Просто знаю несколько фокусов, — объяснил Рентан. — Ещё сутки назад это бы не сработало, так что...

— Мне казалось, что ты-то к этой дряни невосприимчив, — Миловида подозрительно прищурилась. — Как же ты тогда в прошлый раз выжил?

— Соблюдал осторожность, немного везения...

— Чушь! — коротко, резко, но очень ёмко оборвала его женщина. — Чушь собачья!

— Но если у меня был иммунитет... — с нажимом запуская шестерёнки в своей голове, принялся рассуждать Рентан, — если он пропал, тогда...

— Ты не так уж и стар, ты не болел ничем серьёзным в последние годы, ты не алкоголик, — принялась перечислять Миловида. — Значит, твой организм ничем не ослаблен. Иммунитет исчез сам по себе. А коль так, то он, вероятно, не врождённый, — женщина недобро осклабилась. — Мне вспоминается одна занятная книжечка, которая где-то валяется у меня. Научная работа «Иммунитет» за авторством неких Фрима Мено и его коллеги Фрима Набена.

Рентан вытаращился на неё, очень хорошо понимая, что означает это заявление. Миловида тоже некоторое время сверлила его взглядом, а затем нехотя сообщила:

— Я знала, кто ты такой сразу, как увидела, ещё тогда, в ратуше.

— Вы тогда были против, чтобы наш караван вошёл в город, — напомнил лекарь. — Если бы не Цимон...

— Говорю же, знала, — невозмутимо перебила женщина. — Или ты думаешь, что я просто так была против? Просто так решила дать от ворот поворот целому каравану несчастных, потерявших всё людей? — она прищурила глаза. — Я знала. Знала и то, чем закончится простодушное человеколюбие старикана. Что даже если ты не натворишь чего такого, то оно само тебя найдёт однажды.

Рентан в этот момент о многом думал. Даже слишком. Поэтому усилием воли сосредоточился на вещи, которая была важна именно в текущий момент времени — Синей чуме.

— Чтобы появился иммунитет, нужно переболеть, но я не видел тех, кто бы заразился и выжил...

— Не часто ты смотришься в зеркало, а?

Вначале он хотел поднять на смех это предположение. Синяя чума даже не убивала, она уничтожала людей без шансов на выживание за очень короткий срок. И тут до лекаря дошло, вернее, его отпустила одна мысль, что возможна только невосприимчивость к болезни, а взамен пришло сразу множество иных догадок.

Прежде он рассуждал полярно. Если человек заразился Синей чумой — он неизбежно умрёт. Выживали по такой логике только те, кто не мог заразиться. Это-то и отличало данную чуму от других. Чёрную, Жёлтую, Красную, Собачью или Водяную чуму человек имел шансы, иногда неплохие, пережить. Остаться инвалидом, получить увечье, уродство, но выжить.

— Возможно, я ошибался, думая, что все, кто выжил тогда, оказались невосприимчивы. Может быть, некоторые из них... — взгляд Рентана обратился на тело Локто. — Двенадцать, как я слеп, Локто же тоже заразился!

Миловида тем временем поднялась на ноги и, видно, поняв, что тут ей делать нечего, потопала на выход. Уже на самой лестнице она вдруг заметила:

— Искать тех, кто имел временный иммунитет, как-то недалёковидно, не находишь? Как насчёт поисков кого-то, кто был там, но до сих пор иммунен?

— Это может быть случайностью... В отличие от временного иммунитета.

— Как по мне, всё как раз наоборот. Кто-то случайно выжил, переболев. И сейчас заразился вновь, но уже без шансов на выживание. А кто-то совершил некую последовательность действий, перенес чуму и выработал пожизненный иммунитет.

— Во Власве осталось не так уж и много оренгардцев, надо их разыскать и осмотреть. Нет, всех необязательно...

Это желание возникло у Рентана не только из-за необходимости найти способ справиться с Синей чумой. Эта новая идея, касаемо болезни, выходила слишком уж ровной и гладкой. Подобное всегда вызывало вполне закономерные подозрения. Развеять их мог не только тот, кто сохранил иммунитет — это могло быть и совпадением. Таким мог стать человек, который по каким-то обстоятельствам имел ослабленное состояние организма, но не заразился, а теперь двадцать лет спустя, восстановившись и обладая здоровьем куда как лучшим, заболел.

— Надо разыскать Чудную Целе!

— Наслышана, — в голосе Миловиды отчётливо ощущалась неприязнь. — Судя по тем болванчикам, которые с неохотой пустили меня в мой любимый подвал, у тебя есть неплохие шансы.

Первоначально Целе прозвали Чудной не из-за причуд или весьма своеобразного характера. В таком случае её прозвище было бы совершенно иным. Двадцать лет назад эта тогда ещё молодая особа, к тому же беременная, накануне вспышки Синей чумы, будучи покусанной бродячими собаками, заразилась пенкой. По всем признакам она должна была умереть аккуратно накануне трагедии — в тот день, когда потеряла ребёнка. Даже истовые оптимисты не верили, что в ее состоянии возможно перебороть такое заболевание как пенка.

Однако Целе умудрилась пережить выкидыш. Сумела побороть пенку. Выжила в

трупной яме, куда её скинули, не разобравшись, Охотники. Оказалась, как считал до сегодняшнего дня Рентан, невосприимчивой к Синей чуме. В свете открывшихся обстоятельств выходило, что это не было везением или волей богов. Организм с сильным, очень сильным иммунитетом закономерно оказался крайне устойчив к болезням.

Лекарь очень хорошо помнил Целе, хотя познакомились они уже после трагедии. Как ему принесли этот скелет, обтянутый кожей. Она не должна была выжить, но выжила, оправилась и прославилась, именно тогда став Чудной. Многие увидели в ней символ надежды, знак свыше... невероятное чудо в конце концов.

Увидела всё перечисленное и сама Целе, легко в это поверила, а впоследствии обрела непоколебимую уверенность в факте своей избранности. В том, что ей должен весь мир. Причём не какие-то абстрактные понятия вроде справедливости или недостижимые для коллекторов боги, а люди вокруг, весьма конкретные. Все, кто жил и не знал особых бед, оказались виноваты в несчастьях Целе.

Перенесенные невзгоды Чудная Целе попыталась и безуспешно, особенно по первости, превратить в золото и просто выгоду. Причём только для себя. Её несколько не смущал тот факт, что она находилась в караване, полном людей, потерявших всё, кроме своей жизни. Пока другие беженцы из Оренгарда владели жалкое существование, Целе совершала натуральные турне по округе, беззастенчиво вымогая деньги и другие ценности. Всё полученное уходило не на еду, медикаменты и иные крайне необходимые каравану вещи. Всё уходило Чудной Целе и её «труппе».

Скелет превратился в тучную женщину. Лохмотья в меха и шелка. Скрюченные пальцы-палочки в пухлые колбаски, увенчанные кольцами. Примерно тогда же карьера Целе скоропостижно завершилась. Очередные горожане — основная аудитория Чудной Целе, увидев ряженую корову, вещающую о перенесенных ею невзгодах с резного паланкина, не оценили представление по достоинству. «Труппа» подверглась нападению и насильственной экспроприации ценностей. Примерно тогда проснулись от излишне долгого сна власти, светские и церковные, «вдруг» обнаружившие, что ссудили немалые суммы денег группе мошенников.

Сама Целе оправилась и от этого удара. Не наложила на себя руки, нашла смелость вернуться обратно к другим беженцам. Но вот фокусы на этом закончились, а сама она, превратившись в чудную Целе, пропала из внимания, хотя и осела где-то во Власве.

— Я успел её осмотреть, но в процессе она скончалась, — поведал Рентан, тяжело вздыхая. — Синяя чума — никаких сомнений. Болезнь уничтожила её.

— Кхе. Я бы предпочёл, чтобы вы, мой друг, воздержались от подробностей, — кашляя, мягко попросил Цимон.

— Простите. Это так, мысли вслух.

Лекарь зашёл в храм Оруза чуть позже полудня, совмещая дело — здесь жило несколько выходцев из Оренгарда — с желанием проверить состояние священника. Отдельным пунктом шла Вилора, но насчёт возможности этого визита Рентан иллюзий не питал.

Чудес ожидать не приходилось не только по поводу внезапного смягчения позиции Войтона Турне. Синяя чума убивала Цимона, причём отнюдь не так медленно, как других горожан. То ли сказался возраст, то ли роковое невезение. Так или иначе к полудню священник уже оказался прикован к постели, у него начали синеть кончики пальцев, а также уголки глаз, пока сохранившие свой изначальный цвет. Всё шло к предсказуемой, очень скорой развязке.

— Судя по всему, последние годы Целе бродяжничала, — сменил тему Рентан. — Иначе её одежду, запах и некоторые другие аспекты я объяснить не могу.

— Я всё ещё слышу в вашем голосе осуждение, — заметил священник.

— Ваш слух до сих пор вас не подводит, ваше святейшество, — согласился лекарь. — Никакие перипетии судьбы не изменят моё мнение касаясь данной особы.

— Даже то, что она, пускай и косвенно, ненарочно помогла вам в вашей работе?

На самом деле Целе помогла отнюдь не косвенно. Обследуя её, Рентан окончательно убедился в правильности своих и Миловида выводов касаясь возможности существования иммунитета против Синей чумы. На теле Чудной Целе присутствовали в весьма широком ассортименте следы многочисленных болезней, что само по себе не особенно удивляло, однако было важно в сочетании с иными факторами. Иммунитет против чумы, спасший Целе в первый раз, оказался приобретённым фактором, а не просто сочетанием обстоятельств или чем-то врождённым.

Ещё одной проблемой, которую Рентан не мог не рассматривать, была возможность того, что Синяя чума не действовала на организмы, подверженные иным болезням. Например, той же пенке, коей Целе болела в Оренгарде. Лекарь испытал огромное облегчение, найдя следы оной, причём совсем-совсем недавней. Всё это в совокупности означало лишь одно: иммунитет против Синей чумы был реален. По крайней мере во временной форме. Оставалось лишь найти способ простимулировать его появление и по возможности усилить.

— Даже это, — категорично подтвердил лекарь.

— Вы, друг мой, излишне строги к себе, а страдают из-за этого неизменно окружающие, которых вы оцениваете не менее строго, — грустно сказал Цимон, тяжело дыша. — Как, кстати, продвигается ваша работа?

Перед ответом Рентан долго размышлял над тем, что и в какой форме ему говорить. Ведь работа пока во многом «продвигалась» исключительно в умозрительном аспекте. Это был необходимый этап, но требовался-то вполне осязаемый результат. Хотя даже создай лекарь некое средство против чумы, священнику оно уже не успеет помочь, как и многим другим в городе.

— Никудышный из вас лжец, — не дождавшись, заявил Цимон. — Вроде молчите, а всё равно никудышный. Пустое это — ваше вранье, — он тяжело вздохнул и закашлялся сильнее прежнего. — Я свою долю знаю. И потому хочу кое-что предложить.

Рентан догадывался, куда именно сейчас уйдёт разговор. Ему не хотелось затрагивать эту тему, но также он понимал, что избежать этого не выйдет. Что, попытайся лекарь уйти от этого разговора, то лишь затянет время, коего ни у него, ни тем более у священника в избытке не было.

— Что именно?

— Я знаю, мне рассказали, что Войтон настоял на участии подопытных. Это ведь необязательно должны быть несчастные, коих принудили?

— Данный порыв, ваше святейшество, мне понятен, но боюсь, ничего, кроме пытки, обоюдной, если вам есть до этого дело, из этого не выйдет, — как можно мягче, но всё равно недостаточно, отказался лекарь. — Вы слишком больны. Любое средство против болезни только усугубит ваше состояние. Серьёзно усугубит. Неотвратимо.

— Эх, чем больше живу, тем чаще замечаю, — Цимон тяжело вздохнул, собираясь с силами, — что мир год от года полнится неотвратимыми вещами. И знаете, в чём подвох,

мой друг?

— Это творения рук человеческих, — подумав, ответил Рентан.

— Интересная интерпретация священного текста, но нет, — раздался ещё один тяжелый вздох. — Дело не в происхождении. Дело в отношении. Большая часть «неотвратимого» таковой является исключительно из-за отсутствия попыток, если угодно, отвратить сие. Мы слишком сильно уповаем на судьбу, забывая о своей доле.

— Нахожу оправданным пассивно-негативное отношение к факту грядущей, неотвратимой смерти, — отметил хмуро лекарь. — И крайне сомнительными попытки её, как вы выразились, отвратить.

— Сказал тот, кто именно этим и занят, — тактично кольнул его священник.

Сначала Рентан почти пропустил это мимо ушей, но затем осознал до конца сказанное и удивлённо переспросил:

— Откуда...

— Скелеты в шкафу, дорогой Рентан, не умеют врать, — перебил Цимон. — Да вы и сами никудышный лжец — зачем вам в таком случае здоровый оренгардец? Но важно не это, а то, что на вас периодически нападают приступы непростительного, м-м-м, да, именно так, непростительного лицемерия.

— Это не лицемерие, — лекарь скривился. — Не в данном случае. Да, я умру, не вкусию плоды своей работы. Умру, работая, весьма паршивой смертью. У меня нет иного выхода. Но обрекать на это других? Тех, у кого есть альтернатива, пускай и тоже смерти, но смерти спокойной, тихой? Нет, увольте. В этом нет никакой необходимости с практической точки зрения.

— Так или иначе прошу: прежде чем ставить опыты на невинных, начните с моей персоны, даже это будет не так уж чтобы необходимо с практической точки зрения. — Рентан не собирался поддаваться, но Цимон не позволил ему вставить и слово. — Отказа я не приму! А теперь ступайте к Вилоре.

— Войтон запретил...

— В этом храме пока главный я! — гневно, громко перебил священник.

Лекарь с беспокойством на него посмотрел. Такая вспышка не была свойственна Цимону и являлась не признаком накопившейся злости, а скорее проявлением наступающей по всем фронтам болезни.

— Не беспокойтесь насчёт Войтона, — куда мягче добавил священник. — Его гнев падёт на меня, что, по сути своей, уже не так важно.

— Это будет очень кстати, спасибо. Берегите себя, ваше святейшество, — вставая на ноги, поблагодарил Рентан. — И пускай Оруз о вас позаботится.

— Он всегда обо мне заботился и сейчас не оставит.

Лекарь почти вышел, когда его в самых дверях окликнули.

— Рентан, я горжусь, что был знаком с таким выдающимся человеком, как вы, — тихо произнёс Цимон.

— Мы ещё встретимся, ваше святейшество, — истолковал по-своему эти слова Рентан. — Я навещу вас завтра ближе...

— Мы ещё несомненно встретимся, — священник пожевал губами. — Да, встретимся. Несомненно. Но не в этой жизни, друг мой, — он посмотрел на лекаря своим пронизательным взглядом. — Не каждому выпадает шанс на смертном одре проситься с близкими и друзьями. И это не вопрос качества или количества друзей. Не всем так везёт.

— Всё будет хорошо, — это оказалось единственным, что нашёл сказать лекарь.

— Будет, несомненно будет, — Цимон, явно желая что-то добавить, вдруг закрыл глаза и задышал тяжелее, погружаясь в болезный сон.

То ли желая досадить самой Вилоре, то ли предвидя появление здесь Рентана, Войтон Турне постарался создать для девушки самые скотские условия содержания из возможных. Её поместили в крошечную, сырую и не обжитую келью на нижнем этаже храма. Только этим всё, конечно же, не ограничилось: туда отправили, действуя, очевидно, из совсем садистского мотива, ещё и семью Римпана в полном составе.

Возница до сих пор был жив, хотя его текущее состояние оказалось многократно хуже смерти — чрезмерно затянувшаяся агония. Его жена и дети ещё держались, даже оставались в сознании, вернее в некотором подобии. Так вошедшего лекаря они заметили, синхронно повернув головы, но на что-то большее оказались абсолютно неспособны. А вот Вилора, к большой радости Рентана, никаких следов заражения не имела. Да и вообще, несмотря на условия, чувствовала себя неплохо.

— Я ещё отсюда выберусь, чтобы разобраться с тем ублюдком, который меня сюда засадил! — заявила она злобно. — И не посмотрю, Охотник там это или ещё кто! Сволочь, негодяй!

— Этот человек не заслуживает твоей ненависти, — попытался облагородить её лекарь.

— Почему это, вы же видите, что он нам... — девушка запнулась от гнева и, распаясь сильнее прежнего заявила, — только не надо мне эти ваши нотариусы читать! Про непростоту злу и прочую чухню!

— Нотации, непротивление, — рефлекторно поправил Рентан, но тему развивать и вправду не стал, сочтя, что сейчас не лучшее для этого время и место.

К этому разговору он собирался вернуться позже, когда Вилора окажется на свободе. Она и тогда будет иметь полное право злиться на Войтона, но на солидной, постоянно растущей дистанции.

Вместо этого Рентана посетила одна догадка, давно напрашивавшаяся, но только теперь он придумал, как её реализовать. Достав из сумки листок и свинцовую палочку-карандаш, лекарь, напрягая память, начертил рунический знак, после чего коснулся оголенным пальцем. Руна после непродолжительной паузы, словно подумав, слабо, немного мигая, засветилась в полном соответствии ожиданиям — Рентан был заражён Синей чумой, а значит, этот вид магии был ему доступен.

Одновременно с этим из-за использования магии, даже такой простой, без соответствующей подготовки и обучения у него мгновенно закружилась голова, как будто он слишком резко встал на ноги после сна.

— Вы... ты маг? Всё в порядке? — со смесью изумления и беспокойства спросила Вилора, касаясь рукой носа. — Кровь идёт.

«Идёт» было сильно сказано про эти несколько капель, но на всякий случай Рентан слегка запрокинул голову и объяснил:

— Это одна из особенностей Синей чумы — наделять больного незначительными магическими способностями. Именно так она уничтожает тело и поэтому настолько опасна для магов. Их способности куда больше, а значит, болезни есть где разгуляться.

Этим длинным объяснением он пытался прикрыть факт наличия у него болезни, но манёвр не удался. Вилора, как и ранее Цимон, сумела заметить ключевое:

— Так выходит, ты тоже...

— Да, — не стал дальше отнекиваться лекарь и, не желая обсуждать это, сменил тему. — Мой учитель в храме Малакмора в Оренгарде был магом, я запомнил некоторые, кхм, фокусы. Оказалось, что им вполне можно найти применение. Например, с помощью рун определять, кто заражён.

— Руны — это вот эти закорючки? — уточнила девушка, явно не понимая, куда он клонит, но очень заинтересованная самой беседой. Получив утвердительный кивок, она с восхищением уточнила: — Ты сам до этого догадался? Ну насчёт зако... рун.

— Нет, — скромно потупился Рентан. — Я подозревал что-то подобное, но до такого, хм, элегантного решения дойти своим умом не сумел. Заметил, что так делают Охотники. Только с помощью каких-то кристаллов — те светятся, если у человека есть способности к магии, — он протянул девушке листик и свинцовую палочку. — Попробуешь?

— Да я... — Вилора смутилась, — не умею я писать-то, да и зачем?

— Отец учил тебя, между прочим, — голосом, не терпящим возражений, напомнил лекарь. — Однажды ты сумела написать его имя и фамилию всего с одной ошибкой!

— Я не помню, — грустно отметила девушка и вдруг с интересом спросила: — твои тоже писала?

— Только имя, — улыбнулся Рентан и вновь требовательно протянул письменные принадлежности. — Это не сложно. И ничего постыдного в том, что ты чего-то не умеешь, тоже нет, — видя, что этого недостаточно, он добавил: — мне нужно знать, поверь, это очень важно.

— Ладно, — Вилора нехотя взяла листок и с крайне озадаченным выражением лица повертела в руках свинцовый карандаш.

Процесс не сразу, но пошёл. Особенно после того, как листик оказался на твёрдой поверхности, а карандаш в нужной руке. Отсутствующих, вернее утраченных навыков это не вернуло, но начало было положено.

— Бери не как я, а как тебе будет удобнее, — посоветовал лекарь. — Теперь попробуй нарисовать круг... ага, хорошо. Теперь помести внутрь треугольник без основания...

— Что такое треугольник? — приподняв голову, уточнила девушка с прищуром. — И где у него это... основание?

— Не важно, две черты, как острая крыша дома, понимаешь? — прикинув, что освоение простейшей геометрии займёт слишком много времени, попытался небезуспешно объяснить Рентан. — Ага, да, именно так! Теперь пересеки его двумя прямыми параллельными линиями.

— Прямо... пара... какими?

— Прямыми, идущими рядом, но не пересекающимися...

— Как обочина дороги?

— Да.

— Ага, ясно, что дальше?.. Ух ты, как ярко светится! — радость быстро сменилась паникой, а сама Вилора с ужасом скомкала, а затем порвала листок, подхватившись на ноги. — Это же... это же! Я... я, получается!!!

У девушки не хватало слов на все испытываемые эмоции. Лекарь же такому исходу нисколько не удивился и остался спокоен. И старался это спокойствие распространить, несмотря на то, что имел повод для ничуть не меньшей эмоциональной бури, пускай и совершенно иного окраса.

«Вот оно! Решение!»

— Успокойся. Вдохни-выдохни и встань передо мной. — Когда Вилора выполнила требуемое, не столько успокоившись, сколько сдерживаясь, Рентан продолжил: — Как только ты начертила руны, ты что-нибудь почувствовала? Слабость, головокружение?

— Да нет, нормально всё! Но я же...

— Спокойно. Высыпаний у тебя тоже нет, верно?

Однако Вилоре было не до спокойствия и тем более не до каких-то там высыпаний.

— Выходит, я тоже больна! Синей чумой!

— Нет.

— Ты сам сказал, способности к магии от болячки!

— Твои способности к магии врождённые.

— А вот и не так! — упрямо стояла на своём девушка, уже частично пребывая в истерике.

— Вилора, ты забываешь, с кем говоришь. Я очень хорошо помню, как на второй год после твоего рождения в Оренгард заявился маг и потребовал отдать тебя. Пытался даже мухлевать: дал тебе тайком от отца Стотравник, хотел таким образом увеличить способности к магии, показать то, чего на самом деле не было. Скандал разразился тогда на весь город. Но отец сумел отстоять тебя.

— Я могла стать тоже, эм, магичкой? — глаза девушки расширились от удивления.

— Нет. Только, прости за прямоту, второсортной прислужгой. Твои способности были сильно ниже средних. Поэтому-то ты их и не замечала, хотя они, несомненно, проявлялись и раньше.

Рентан, не сдержавшись, улыбнулся, что мгновенно насторожило Вилору:

— Что-то я ничегошеньки не понимаю, и эту твою лыбу тоже!

— Видишь ли, — лекарю всё сложнее было выразиться понятно, — по всему выходит, что ты должна заболеть. Гораздо сильнее моего и быстрее. Посуди сама: с уже заболевшим Римпаном ты пересеклась ещё до Власвы, затем провела вместе с ним более чем достаточно времени. Особенно недавно, — он не стал договаривать, только многозначительно обвёл взглядом келью. — Но ты по всем признакам здорова или переносишь чуму крайне легко. Взять хотя бы эту руны, — Рентан поднял листики. — Будь ты больна, твой дар не только бы усилился, но ещё и стал куда хуже поддаваться контролю. Однако, как видишь, твоя руна куда лучше моей. Можно, конечно, подождать пару дней, но я уверен: ничего в твоём состоянии, то есть самочувствии, не изменится. Ни завтра, ни через неделю.

Голова у него начинала кружиться, в горле словно застрял ком, а на глаза навернулись слёзы. Вилора, не понимая, что это означает, развела руками:

— Ну повезло мне, чё такова? Как там говорится: Двенадцать за мной...

— Повезло не тебе, а всему миру! — лекарь воскликнул настолько громко, что, кажется, задрожали каменные стены кельи. Он улыбался так, как не улыбался уже много-много лет. — Как ты не понимаешь?! Это решение! Ты — решение!

От его крика Вилора сильно растерялась, абсолютно ничего не понимая. Даже семья Римпана и та приподняла головы. Рентан же ничего не мог объяснить, хотя очень хотел поделиться своей радостью. Пытаясь выразить невыразимое, он просто подскочил к ней, крепко обнял, а затем и вовсе закружил.

— Я помню! — вдруг прошептала девушка, в чьих зрачках отражалось полное счастья лицо лекаря. — Я вспомнила тебя! Дядя Набен!

Вместо того чтобы испытывать радость от момента или радость от того, что его вспомнили, на лице Рентана проступил панический страх, а сам он отшатнулся от Вилоры как от огня.

— Нет! — воскликнул он и сразу требовательно повторил лишь немногим спокойнее. — Не надо!

— Мне всё равно! — крикнула на него Вилора, начиная злиться. — Ты единственный мой близкий человек!

Рентан многое мог на это сказать. Кем являлся Фрим Набен и чем «прославился». Как он относился к своему прошлому. Как сама Вилора всего пару дней назад относилась к своему прошлому. Не сказал. Поникнув, промолчал, стиснув губы от досады и злости. Ни на кого-то ещё, а на самого себя и своё прошлое. На свой никогда не врущий скелет в шкафу.

— Я может глупенькая и вправду ничегошеньки не понимаю, — приблизившись и осторожно взяв за руку, снова попыталась наладить контакт девушка. — Простая бродяжка из Орегарда. Но даже мне понятно, что нас всех можешь спасти именно ты. И меня тоже, ведь если все умрут, то и моя очередь не за горами, — она встала так, чтобы встретиться с лекарем глазами. — Именно ты, дядюшка Набен. Или Рентан.

Лекарь удивлённо поднял на неё взгляд, лишь примерно улавливая мысль. В общих чертах, широкими мазками. Мысль тем не менее невероятно умную и мудрую.

— Ты не сможешь остановить Синюю чуму, отказываясь и отрицая своё прошлое. Ведь ключ к решению всего, корень проблемы находится именно там.

Вероятно, Вилора сказала иначе. Совершенно не так. Но что куда важнее, с тем же посылом и смыслом. Этого Рентану было достаточно.

Центр Власвы редко пустовал — людно было всегда, за исключением совсем уж позднего времени суток. Утром и днём здесь кипела торговля, решались вопросы городской жизни и налогообложения. Ближе к вечеру наступала пора отдыхать и расслабляться, из-за чего акцент смещался на еду и музыку. Использовалась главная площадь города и для решения общегородских проблем, либо громкого требования чего-либо, наиболее часто: чтобы всего хорошего стало больше, а всего плохого, соответственно, меньше.

Однако для выяснения отношений с городскими властями, представителями городской знати и крупнейшими гильдиями редко использовались праздничные дни. Жители Власвы, не будучи дураками, предпочитали заниматься политикой в рабочие дни. Исключения, конечно же, бывали. Иногда приходилось затянуть пояса потуже и пожертвовать выходным. Но ни разу в многовековой истории города никто не смел зариться с политикой на праздничные дни, не говоря уже про главный праздник в году — Пир Винарда.

Синяя чума вмешалась и в этот аспект городской жизни. Перед домом Собраний в вечерней полутьме было яблоку негде упасть. Но не было ни музыки, ни радости. Только бесконечная растерянность и отчаянное желание получить ответы на вопросы от людей, в иное время с радостью называвшимися элитой, главными и пользующимися всеми соответствующими высокому статусу преференциями. Но сегодня они знали не больше других и чувствовали себя ничуть не лучше. Болезни было всё равно, кого убивать. Толпа не желала этого понимать, всё равно настойчиво требуя ответа. А получая оный, но неугодный, недостаточный, просто повторяла вопрос, словно надеясь, что если спросить десять или сто раз, то что-то непременно изменится, причём к лучшему.

Правда, если сами вопросы, как и ответы, практически не менялись, то вот их тон

становился всё злее, настойчивее и громче. Менялся и фон происходящего. Толпа медленно, но верно закипала, начиная бурлить. До вспышки, которая бы провела кровавую черту невозврата, оставалось самое большее два или три вопроса, когда на площади загорелось ярким алым светом зарево портала, распугав непривычных к этому людей. Впрочем, те испугаться испугались, отойти отошли, но не очень-то и далеко.

Из него колонной по два вышло двадцать закованных в темно-зеленые латы, вооружённых разномастным, но грозно выглядящим оружием, амбалов. Людей они напоминали лишь общими чертами: две руки, две ноги, да туловище, увенчанное необычно маленькой головой. Пропорции тела, рост, сила и скорость отличались от человеческой достаточно, чтобы это было понятно по одному лишь их виду.

Следом из погасшего за её спиной портала вышла девочка-подросток со светлыми волосами и злыми, светящимися красным, глазами. Она была одета и накрашена, словно собиралась вовсе не сюда, а на бал, просто случайно ошиблась местом назначения. В руках Келестии находился посох. Вопреки расхожему мнению на этот счёт, вовсе не деревянный, а металлический и нисколько не помпезный. Единственным украшением, если так можно выразиться, на этом наверняка очень тяжёлом, двухметровом железном шесте была небольшая выемка для рук.

Гомункулы встали вокруг своей создательницы и замерли. На площадь опустилась тяжёлая тишина, но ненадолго. Кто-то очень глупый, возможно, впервые в жизни не имея ни фактов, ни доводов, выдал абсолютно правильный вывод:

— Это магичка принесла болезнь!

— Это всё она! — поддакнули ему.

— Тварь! Выродок! Чудовище!!! — раздался сонм голосов.

— Ну да, — пожалала плечами Келестия, недобро усмехнувшись. — И что вы мне сделаете?

Толпа не стала размусоливать и вступать в переговоры, и, невзирая на страх перед гомункулами, двинула вперёд. Самым ретивым удалось сделать не больше трёх шагов. Глаза магички засветились сильнее, следом засветился и посох, к тому же начав слегка дрожать и вибрировать.

— Стоять.

Это не было криком в прямом смысле. Эта команда, произнесенная отнюдь негромко, тем не менее раздалась у каждого на площади в голове, мгновенно лишив воли и сил к сопротивлению.

Выждав несколько мгновений, обводя толпу настороженным взглядом, Келестия беззаботно двинулась навстречу, что-то высматривая среди замерших, словно слишком реалистичных статуях, людях. Нужное она нашла не сразу — человека с такими сильными следами Синей чумы, словно он решил подкрасить свои глаза и губы синей краской, но промахнулся и вместо этого перекрасил всё лицо разом.

Магичка что-то буркнула, и рубаха на груди несчастного порвалась на лоскуты, обнажая кожу с заметной синевой. Следом в неё с шипением, как от раскаленного прута, ставящего клеймо на скот, впиалась паутина очень сложной руны. Закончив с этим этапом, Келестия коварно улыбнулась и осторожно коснулась её сначала пальцем, увенчанным большим, очень ухоженным ногтем, а затем и всей ладонью.

— Слушай меня и повинуйся, — прозвучала новая команда.

В отличие от предыдущей, эта звучала не только в головах собравшихся на площади. Её

услышал каждый в городе и его окрестностях, кто был хоть немного заражён Синей чумой. Те, кто был заражён сильно, вроде Римпана, его жены и детей, повторили её вслух. Рентану, тоже слышащему голос, хватило сил удержаться от этого, но не остального. В далеком Ляхово, только услышав этот голос, маг Кирвин забился в конвульсиях, захрипел и испустил последний дух. Но даже это не уберегло его от дальнейших событий. Как и бесчисленное множество других несчастных.

Команды Келестии с одинаковой лёгкостью ломали волю всех, кто их слышал. А слышали их все, кто так или иначе был заражён Синей чумой. В этом и смерть не являлась помехой. Вставали, повторяя команды вслух, кто как мог, даже изуродованные огнём тела.

Только один человек, благодаря своему искалеченному, большому разуму сумел устоять, сохранить свободу воли. Закончив молиться возле алтаря Рензу, Войтон Турне встал на ноги, поправил ножны, проверил крепления доспеха и двинулся в самый важный в его жизни путь.

Войтон Турне шагал по погруженным в темноту, опустевшим и обезлюдевшим улицам Власвы, ловя себя на мысли, что в таком состоянии этот городок в определённых обстоятельствах мог бы ему даже понравиться. Мог бы сойти за место, защищая которое стоит умереть. Однако предводителю Охотников редко в жизни выпадала роскошь истинного выбора.

В детстве перед ним находилось два пути: стать некачественной игрушкой у магов, либо же найти свой путь среди Охотников, попытавшись сделать что-то значимое, важное. Не выбор как таковой, а лишь его грубая подделка.

Когда Войтон возмужал, перед ним вновь замаячила «альтернатива». Настал черёд выбирать бога-покровителя, коих у Охотников традиционно было двое. Мудрый Макмин — первый среди равных. Лишь достойнейшие могли служить ему. Это был путь тех, чьим оружием является ум. Альтернативой служил справедливый Ренз — сильнейший из богов. Строгий, требовательный, скупой на награды, но никогда не бросающий в беде. Путь истинного воина. Войтон выбрал Макмина не из-за мыслей о своей избранности, не из-за желанья облегчить свою судьбу, а руководствуясь своими личными взглядами и представлениями о том, где бы мог сильнее пригодиться Двенадцати. Однако этот выбор тоже оказался лишь иллюзией: успешно пройдя все предшествующие испытания, Войтон Турне был отвергнут на последнем, решающем. Отвергнут и возвращен обратно под покровительство Ренза.

Наконец совсем недавно, в самый длинный день лета ему пришло видение. Его покровитель предупреждал, готовил, настраивал на нужный лад. Ведь близился самый важный момент в жизни Войтона Турне — возможность умереть за правое дело, за что-то значимое, важное, за Двенадцать. Зная наперёд, чем обернётся его путешествие на север, он мог бы попытаться сбежать, скрыться, выжить любой ценой. Очередная иллюзия выбора. Судьба любого дезертира-клятвоотступника — не жизнь, а существование с неизбежным финалом.

И вот Войтон Турне среди холодной, промозглой ночи шёл по вонючим улицам захолустного городка, сожги который — никто и не заметит разницы. Шёл спасать людей, ненавидящих его, не разделяющих взглядов еретиков и богохульников. Шёл умирать за их шанс выжить. Шанс, который большинство из этого сброда потратит на грабежи, мародёрство и насилие, чтобы затем принять гнусную смерть от Синей чумы. Совладать с которой может лишь худший из них всех.

Тем не менее Войтон шёл, причём быстро, решительно и нисколько не скрываясь. Заранее знал, что последнее не имеет смысла. Как только Келестия сможет его обнаружить с помощью магии — мгновенно обнаружит. Даже не предпринимая по этому поводу каких-либо действий. Точно таким же образом, как сам предводитель Охотников прекрасно чувствовал, в каком направлении и даже примерном расстоянии от него находится магичка, уже начавшая свой ритуал. Чем-то это неумолимо напоминало ощущение от близкого пожара. Ты его не видишь, не слышишь, но прекрасно чувствуешь исходящий жар и поэтому знаешь, что он рядом.

Момент своего обнаружения Войтон осознал очень даже хорошо. Ощущение далёкого, но неопределённого жара на мгновение сменилось тепловым ударом, как от близости к

доменной печи, а затем его словно окатили ледяной водой. А уже в следующую секунду последовал удар. Грубый, немного наивный, но невероятно мощный. Вокруг предводителя Охотников закружился огненный вихрь. Всё, чего он касался и что хотя бы в теории могло гореть, — мгновенно загоралось. Остальное плавилось и испарялось. Вызванный магией огонь с одинаковой легкостью уничтожал за считанные мгновения деревянные постройки, каменную мостовую и металлические фонарные столбы. Но не Войтона Турне.

Его бросало то в жар, то в холод, трясло от наполнивших воздух энергий, прикосновения огня жалили как рой злейших ос, однако в остальном он остался полностью невредим. Многовековая история Охотников в массе своей состояла не из уничтожения нечисти, хотя её тоже хватало, не в поиске еретиков, как думали дураки всех сортов, а в борьбе с главной нечистью и еретиками всей Эндрии — магами. И уж в этом искусстве, под попечительством Макмина и Ренза, они достигли невероятных высот.

Когда огненный вихрь начал затихать и ослабевать, а его прикосновения перестали вызывать сковывающую оторопь, Войтон ринулся вперёд со всех ног. Вот теперь-то магичка его не видела и не могла увидеть до тех пор, пока посланное ею разрушительное заклятие не рассеется окончательно. Она даже не знала, выжил ли он, и если да — то каким образом.

Однако и Келестия не была неопытной выпускницей академии. Не имея возможности покинуть место проведения ритуала, она отправила своих гомункулов. Причём сделала это заранее, ещё в тот момент, когда заклинание только-только ударило по Охотнику. В этом-то она и прогадала.

Войтон Турне не был магом в прямом смысле этого слова. Но его обучили, как можно направлять и использовать в своих интересах чужие заклинания. Как любой мог выгащить и бросить обратно метательный кинжал, так и он был способен перенаправить, например, бушевавший вокруг огненный вихрь. Тот ослаб и уменьшился в размерах, став далеко не таким разрушительным как в начале, но всё равно оставался невероятно опасен. Не для Келестии, конечно же. Редкие заклинания магов, будучи успешно применёнными, могли причинить вред своим создателям. Но такой ошибки Охотник не стал допускать, выбрав целью именно гомункулов.

Этим образинам, несмотря на кажущуюся силу и защищённость, хватило с избытком даже сильно ослабшего вихря. Он плавил их, словно восковые фигуры, коими эти создания в каком-то смысле и являлись. Грубая подделка под человека, которая могла выглядеть сколько угодно грозно или сверхреалистично, но на деле всё равно оставалась всего лишь подделкой.

Несколько гомункулов всё же уцелело — заклинание слишком уж ослабло, лишь ранив их, но не уничтожив. Главной опасностью, исходящей от них, была скорость и сила вкупе со смертоносным оружием. Войтон прекрасно видел, что как раз оно настоящее. Не очередное творение магии, а вполне реальное оружие, по всей видимости позаимствованное из арсенала барона-тупицы. Будь иначе, гомункулы бы причинили ему вреда не больше, чем огненный вихрь ранее.

Предводитель Охотников не стал дожидаться, пока его возьмут в тиски или прижмут к горящему за спиной дому, жар которого был вполне реален, а значит, мог причинить вполне настоящие боль и увечья. В качестве цели для первого удара он выбрал самого подраненного гомункула — магическое пламя слизало тому левую руку вплоть до плеча и, судя по прихрамыванию, задело также ногу.

Твари, созданные с помощью магии, могли быть сколько угодно сильны и быстры, но не

могли знать больше, чем знала их создательница. Очевидно, об искусстве владения мечом Келестия осведомлена была неплохо, но не на том уровне, на котором обучили Войтона, не говоря уже про рефлекторные навыки. Своего первого противника он обманул приёмом недостойным даже новичка — заставив, защищаясь, выставить руку с алебардой, с коей гомункул вполне справлялся как с одноручным оружием чуть дальше необходимого. Первый удар, на этот раз настоящий, отсёк кисть, а второй малюсенькую голову. Ни первое, ни второе, нисколько не напоминали человеческую плоть — клинок рассекал их так же легко, как и воск.

Почивать на лаврах Войтон Турне не стал, сразу же уклонившись от удара следующего противника. Этот гомункул был целым и вооружён вполне пристойного вида копьём. Оно стало проблемой. Имея преимущество в скорости и силе, твари вполне хватало сообразительности держать Охотника на расстоянии, не подпуская достаточно близко для удара. Бить же по древку Войтон не рискнул: слишком многое слышал о местной древесине и её прочности. Та вполне могла выдержать один или даже несколько ударов, а вот он сам — нет.

Вместо этого предводитель Охотников немного отступил назад, а затем резко подался вбок, где на него наступал последний уцелевший гомункул. Тоже целый, но вооружённый не копьём, а банальным полуторным мечом, примерно того же типа, что держал в руках сам Войтон, только несоизмеримо менее качественного.

Тем не менее испытывать на прочность ни свою, ни чужую сталь Охотник не стал. Понимая, что времени у него есть ровно столько, сколько потребуется гомункулу с копьём для шага вперёд и выпада, он подскочил к противнику практически в упор, с таким расчётом, чтобы места оказалось недостаточно для взмаха мечом. Войтон практически успел. Для полной идеальности манёвра не хватило чуть меньше мгновения: полуторный меч царапнул доспех предводителя Охотников, ощутимо толкнул, немного сбил темп, но неизбежного предотвратить не сумел. Короткий взмах не мечом, для которого было слишком мало места, а ловко вынутым кинжалом — и они остались один на один с копейщиком.

Недолго думая, Войтон перехватил кинжал и бросил в гомункула. Безуспешно: тварь оказалась слишком быстрой и без всякого труда уклонилась. В следующее мгновение уклоняться пришлось уже Охотнику. Причём, в отличие от своего противника, его запас сил и манёвра был отнюдь не безграничен. Не удалось, как он и думал, перерубить древко копья. Ни за один удар, ни за второй. На древесине остались заметные сколы, но она выдержала. Мельком увидев, что ещё немного — и отступать будет некуда, так как позади бушевал пожар, Войтон Турне решился.

Вместо того чтобы уклониться, уйти в сторону, он остался на месте и даже подался немного вперёд. Удар был страшен. Не каждый всадник на скачущем галопом коне бил с такой силой, как гомункул, стоя практически на месте и выполняя типовое движение любого копейщика. Выпад без труда пробил доспех в самом толстом месте — в районе грудины, прорвался через поддоспешник и достиг тела в районе ребер. Копьё вонзилось не очень глубоко, но крайне чувствительно. А затем гомункул совершил грубейшую ошибку: потянул копьё на себя, намереваясь повторить удар. Войтон Турне, насаженный на копьё, не мог совершать каких-то хитрых манёвров или ударов, но вот изменить немного положение тела в обмен на череду крайне болезненных ощущений ему удалось. Наконечник застрял в доспехе, достаточно, чтобы гомункул притянул вместе с копьём и Охотника тоже. В такой ситуации

попасть в цель сумел бы не только опытный, пускай и раненый боец, но даже новичок, только вчера впервые взявший в руки оружие. Войтон не промазал и тем самым закончил этот раунд противостояния с Келестией.

Вытащив копьё и краем глаза оценив состояние раны, сразу же ощутив, насколько труднее стало двигаться, предводитель Охотников тем не менее не остановился, не предпринял попыток как-то улучшить своё положение. Сам бой не занял даже минуты, однако счёт времени шёл на десятые доли секунд. Медлить, думать о себе было никак нельзя. Рана убьёт его за полчаса максимум. Келестия — в течение следующих пяти минут. Новых ошибок она не допустит, не станет пытаться сражаться руками сильных, но безмозглых болванчиков или создавать магический вихрь. Вместо этого поднимет в воздух десять кубических метров мостовой и обрушит Войтону на голову, чем всё и закончится.

Правда, у Охотника и на это нашёлся ответ. Когда магичка, поняв, что её предыдущие попытки провалились, вправду начала поднимать в воздух камни и, разгоняя их, крушить всё вокруг, он начал резко и быстро менять направление движения. Келестия, как и в случае с огненным вихрем, могла либо наносить удары, либо отслеживать точное месторасположение Войтона.

Власву она громила без всякой жалости и пиетета. Под стать ей и Охотник без особого зазрения совести прикрывался от ударов домами, в которые вламывался и через которые порой прокладывал свой путь дальше. Своеобразная игра в кошки-мышки долго не продлилась — Келестия проиграла. Войтон Турне добрался наконец до городской площади.

Ритуал был в самом разгаре. Огромное количество людей — всё население города и окрестностей — сбилось на площади до предела плотной кучей, практически впритык один к другому. Задрал голову в сторону магички, которая висела в воздухе примерно в центре образовавшегося круга из людей, они повторяли слова длинного и сложного заклинания. Перенапряжение от избытка магии, сосредоточенной в относительно небольшом пространстве, было заметно невооруженным глазом, чем-то напоминая зябь в воздухе от высокой температуры.

Большинство из собравшихся в плане магических способностей, даже немного усиленных Синей чумой, не представляли из себя ровным счётом ничего. Но все вместе, направляемые умелым «дирижером», были даже опаснее самой Келестии. Несоизмеримо опаснее, на самом деле. Имей они свободу воли, смели бы магичку с такой же лёгкостью, как поток воды, сходящей с гор, сметает бобровую плотину.

Однако о том, чтобы никто из участвующих в ритуале не обладал свободой воли, магичка позаботилась в первую очередь. Значительная часть людей была уже мертва, ещё до начала ритуала, другая погибла от перенапряжения в процессе, третья, вероятнее всего, сгинет в неразберихе после его завершения. Если, конечно, высвобожденная магическая энергия, настоящий катаклизм, не уничтожит тут всё.

Именно разорвать эту связь, лишить Келестию её «оркестра» Войтон и намеревался. Победить шансов у него не было и без раны, но вот вмешаться в богопротивный ритуал еретички — вполне.

О том, чтобы пройти напрямую или проталкиваться и речи быть не могло. Предводитель Охотников даже не пытался. Вскочив на сваленные в кучу, очевидно мешавшие ритуалу скамьи и столы, оставшиеся после праздника, он, кривясь от боли, прыгнул и пошагал в прямом смысле по головам. Без всякого пиетета, жалости и разбора. Не щадя ни жителей Власвы, ни даже других Охотников.

Когда под ногами война хрустнула хрупкая старческая шея случайно подвернувшегося под ноги Цимона, обойти которого Войтон даже не попытался, его сердце мимолётно кольнуло позабытое ощущение. Это было наслаждение.

— А выродком называют меня, — раздался у него в голове голос магички. — Я не убила ни единого случайного человека! Все жертвы здесь недавно погибшие — все они нужны для великой цели. Цели, что можно с уверенностью назвать единственно важной. Один умерший сегодня спасает сотню других. Может быть, даже тысячу. А что стоит за тобой, импотент? Вера? Может быть, желание выделиться, стать героем? Это смехотворно. И твоя вера, и желание стать героем — имя-то уже занято. Тому Войтону ты не годишься даже в пажи.

Предводитель Охотников отвечать не стал. Он сосредоточился на том, чтобы идти, что было не так уж и просто в текущих условиях, и при этом держать себя в руках — рана уже давала о себе знать. Крови становилось всё больше, а сил, что вполне ожидаемо, меньше. Келестия продолжала самозабвенно вещать, пока не предпринимая попыток остановить его — боялась испортить ритуал:

— Всё, что ты делаешь, бессмысленно! Пророчество о Трёх реально! Оно уже сбывается! Слышишь, импотент, уже сбывается! Всё, что тебе под силу — сделать так, чтобы этот город погиб зря. А он уже погиб!

— Да плевать мне! — злобно скалясь, расщедрился на ответ Войтон. — На тебя, твои слова, этот городишко — на всё. Есть воля Ренза, и я её клинок!

Ему оставалось самое большее пять шагов. Келестия, конечно, ещё висела в воздухе, но не высоко — Войтон бы дотянулся даже без прыжка. Однако ближе она его не подпустила. Наконец соизволила что-то предпринять. Одновременно пытаясь продолжать ритуал, магичка взмахнула рукой. В Охотника полетел всполох огня. Вреда не причинил, хотя людей под ним и рядом обратил в розоватый пар.

Сразу же стало ясно, почему Келестия не решалась на подобное до этого. Даже такое в общем-то незначительное вмешательство серьёзно повлияло на ритуал. Нарушило магические потоки, усложнило первоначальную задачу. Воздух задрожал сильнее прежнего, словно готовясь взорваться, а неестественно низкие тучи, несмотря на ночь, приобрели тёмно-бордовый оттенок.

Войтон тем временем был уже в другом месте, куда ближе к своей цели, рвался вперёд, занося меч. В этот раз Келестия ударила совершенно иначе. Посохом, который до этого момента висел рядом и служил своеобразным проводником, направляющим ритуал. Резко покинув своё место, он подлетел и нанёс грубый, жестокий боковой удар. Увернуться, например, подпрыгнув, у Войтона не было ни времени, ни сил, ни места. Отчаянный блок мечом тоже не принёс желаемого спасения. Искусно сделанный меч Охотника, вершина мастерства и технологий, разлетелся на куски, даже ни царапины не оставив на поверхности шеста.

Затем последовал скрежет металла о металл, треск костей и неприятный звук разрываемого мяса, последней пришла ни с чем не сравнимая боль. Войтон упал, причём с какой-то странной легкостью, как будто ног больше не было. Не став оглядываться, зная, что ничего хорошего там не увидит, игнорируя боль и тошнотворное чувство скорой смерти, Охотник, схватившись за чью-то голову, подтянулся на руке, упрямо сжимая осколок меча. Один раз, второй, третий. Благо, «участок пути» оказался очень плотным и ровным.

Вокруг царил сущий хаос. Ритуал определённо вышел из-под контроля. Но до буйства магии Келестии дела не было. Замерев, она смотрела, не отрываясь, на Войтона. На её

личике подростка застыло выражение такого несравнимого ни с чем удивления, какое может быть только у человека, до сих пор считавшего, что его уже нельзя ничем удивить.

— Как?! Что ты такое?!

— **Человек**... в отличие от тебя, **тварь**, — невнятно, сплевывая кровь, ответил Войтон.

Вдруг силы, почти оставившие его, вновь вернулись, да ещё и десятикратном размере. Переполнили до такой степени, что даже дыхание перехватило. С силой и скоростью, которую ну никак нельзя было ожидать от оставшегося от него куска, Войтон рванулся вперёд, направляя удар в то место, где у Келестии должно было бы находиться сердце. Только ради этого момента он жил и терпел многочисленные лишения. Ради момента единения со своим богом, ради права на краткий миг стать его карающей дланью в этом мире.

Магичка успела среагировать, попыталась защититься. Но ни заклинанием, ни посохом, ни даже каким-нибудь несчастным горожанином, а своей изящной девичьей ручкой в бальном платье. Удар Охотника прибил её к груди, в которую остаток меча вошёл по самую рукоять. Краткую долю секунды ничего не происходило, а затем магический поток окончательно и бесповоротно вырвался из-под контроля. Развоплотил Келестию, только успевшую нахмуриться; за краткие доли секунды расплавил посох магички, который в отчаянной попытке предотвратить неизбежное взмыл вверх; разорвал остатки блаженно улыбающегося Войтона; покрошил всех людей вокруг в радиусе нескольких десятков метров.

Небо над площадью разверзлось, явив нечто похожее на обрамленную радугой воронку. Очень нестабильную, непрерывно дрожащую и искривляющуюся. В самом её центре, прищурившись, можно было увидеть, как через замочную скважину, пышущую зеленью сельскую местность, пронзительно-голубое небо, дорогу, пересекающую поля, и деревянный столбик с кривой табличкой, сообщающей: «Waterloo 6 ml.». Сквозь воронку, брыкаясь и тщетно слясь схватиться за воздух, кто-то упал, после чего светопредставление закончилось яркой, но безвредной вспышкой. «Последним аккордом» ритуала, который во Власве, затянутой облаками и дымом, было не видно, стало невероятно яркое северное сияние.

Последнее, что Рентан помнил, прежде чем его сжал стальной кулак чужой воли — эйфорию, охватившую его в конце разговора с Вилорой. Как он, закончив разговор, окрыленный новыми идеями, возвращался обратно в лечебницу Эвана, попутно размышляя над предстоящей работой. Тот подъём сил и духа, несмотря на непрерывно ухудшающееся состояние организма. Тем не менее лекарь опережал Синюю чуму, причём с некоторым запасом по времени. Достаточным, чтобы не только успеть сделать лекарство, но и даже провести эксперименты. Осторожные, аккуратные, под чутким наблюдением, отнюдь не так, как видел это Войтон.

Ключом же к исцелению и иммунизации был банальнейший Стотравник. Тот самый Стотравник, который изначально служил прямо противоположной цели. Принцип был тот, что и с удобрениями. Малые дозы увеличивали урожай, а переборщишь — и несколько лет даже сорняки расти не будут. Фрим Набен использовал Стотравник в незначительных дозах, как «удобрение» для Синей чумы, чтобы ускорять свои чудовищные эксперименты. Но был и иной путь применения отвара. Его ненароком, незаметно ни для кого в течение последующих двадцати лет, продемонстрировал заезжий маг, пытавшийся забрать Вилору.

Давая ребёнку концентрированный стимулятор в своих шкурных интересах, маг ненароком спас девушку. Тот Стотравник оказался слишком сильным для детского

организма, поэтому не покинул его естественным образом, не оказался переварен, растворен, а отложился и сработал через два года в тот момент, когда Вилора заразилась Синей чумой. Помог не только ей выстоять тогда, но и сформировать долговременный иммунитет.

Конечно, просто приготовить Стотравник было далеко не концом работы. Если бы всё обстояло так просто, до этого бы дошли ещё в Оренгарде просто отчаянным перебором. Требовался конкретный рецепт стимулятора, определённой дозы. Не слишком сильный, иначе это просто изощренный способ убийства, но и не слишком слабый — так он станет удобрением для чумы. Требовалось подобрать ингредиенты, возможно, дело было и в них тоже.

Так или иначе работы предстояло много. Работы планомерной, долгой. Рентан полагал, что вполне укладывался в сроки. Это был весьма мрачный расчёт, ведь себя лекарь заранее записывал в неминуемые жертвы.

И тут, грубейшим образом вмешиваясь в эти планы, мир вокруг неожиданно погрузился в холодную, давящую на голову темноту. Не помог ни амулет Локто, ни тем более бессмысленная в своей тщетности попытка изобразить что-то самостоятельно. Что-то похожее Рентан испытал в детстве, когда провалился под лёд. Плавать он не умел, да это бы и не помогло — холод и мгновенно пропитавшаяся водой зимняя одежда, и без того крайне тяжёлая, не оставляли шанса на самостоятельное спасение. Подоспевшие взрослые вытащили тогда его очень быстро: меньше чем за минуту, но ощущения запомнились на всю жизнь.

Несмотря на то, что происходящее коренным образом отличалось по сути, по форме, оно оказалось неотличимо от погружения в ледяную речную воду. Та же темнота без единого просвета, тот же сковывающий холод, давящее ощущение в районе груди, мешающее сделать даже малейший вдох, и полное отсутствие ощущения времени. Может, через секунду, а может, и через день темноту пронзил алый луч света, как от поднимающегося из-за горизонта солнца. А затем раздался властный, оглушительно громкий женский голос:

— Слушай меня и повинуйся.

Это было командой, не подчиниться которой оказалось физически невозможно. Как рука здорового человека не может ослушаться приказа сжаться, так и здесь. Рентана словно в один момент, без всякой борьбы, лишили всякой субъективности, загнав оставшееся «Я» в небольшой краешек сознания без способности к борьбе и сопротивлению.

Что происходило «снаружи», а с каждым мгновением, проведённым здесь, ощущение времени притуплялось всё сильнее, понять было практически невозможно. До сознания лекаря доходили лишь обрывки информации — он куда-то шёл, вроде бы отнюдь не один. Рядом как будто были знакомые лица: Вилора, Цимон, Римпан, но все они слились в такую мешанину, салат из образов, красок и деталей, что чтобы различить что-то конкретное, требовалось серьезное усилие, причём далеко не гарантирующее успеха.

Всё, что сумел различить Рентан, — они все собрались на главной площади Власвы, сбились в тесную кучу, ожидая дальнейших команд. Причём видел всё это лекарь не только своими глазами, но и как будто бы чужими. Силой некоего заклинания все, кто оказался здесь, были соединены тонкой нитью. Не единение разумов как таковое, скорее, очень тесное соседство.

Затем где-то вдали вновь проявился алый просвет. На этот раз куда более долгий, ослепительно яркий, без возможности отвести «взгляд», и очень горячий. Краешек сознания

лекаря плавился, словно льдинка, оказавшаяся в кипятке, что причиняло вполне физическую боль.

— Повторяйте за мной, — прозвучала новая команда Келестии.

Что именно повторять Рентан не услышал, но понял, что где-то там, далеко, его тело именно повторением и занято. Тонкая ниточка существовала между разумом лекаря и магички, поэтому-то он очень смутно, скорее интуитивно понимал, что именно сейчас происходит. Ритуал в центре Власвы очень мало напоминал традиционное представление о подобных процессах. Никаких примитивных плясок или бубнов. Только гигантских размеров магический круг, внутри которого люди, включая и Келестию в том числе, произносили на смутно знакомом, очень древнем забытом языке череду команд, задач, координат.

Что самое поразительное, Рентан чувствовал, что ему и всем остальным в том числе отвечают. Это не было обращением в пустоту, а своеобразным, но общением. Сухой, лишенный эмоций и чувств, отдающий металлом, но при этом мягкий и нежный голос реагировал на каждую команду, задачу и координату. Рентан не понимал ровным счётом ничего из этих ответов и судя по всему остальные, включая саму Келестию, тоже. Тем не менее лекарь сумел уловить из-за постоянного повторения имя того, к кому они обращались. «Трэкер».

Алый просвет и исходивший от него жар никуда не делись, но заметно ослабли. Либо магичка не могла держать настолько сильный контроль постоянно, либо, куда как вероятнее, в этом попросту не было необходимости.

— Это не «кто», это «что», — вдруг раздался знакомый голос, принадлежавший демону.

Он не появился из ниоткуда, а скорее проявил себя, обозначив своё изначальное присутствие. Не похоже, чтобы Келестия ему как-то мешала или создавала трудности.

— Машина, настоящее название, суть и принцип работы которой давно вами забыты, — продолжил несколько меланхолично вещать Отвергнутой. — Я бы заметил отдельно: забыты намеренно из-за вашей неумной гордыни. Ведь даже мысль о том, что некий механизм куда умнее и могущественнее вас, причинял вашему племени прямо физические страдания. Вам оказалось проще и, что куда важнее, приятнее поверить в магию и чудеса, нежели в прогресс науки и технологии, — похоже эта тема для демона была особо чувствительной, ведь говорил он много и долго. — Теперь вы забыли даже названия этих машин. Хотя некоторыми продолжаете пользоваться, как, например, сейчас делает эта дура. В иное время хватило бы настойчивой мысли, желания отправиться в такую-то точку тогда-то, и то, что вы называете «Трэкером», отправило бы вас туда в мгновение ока! То, что происходит прямо сейчас, — злая насмешка. Зная твою ограниченность, особенно в данный момент, приведу более понятный пример: эта дура забивает ржавый гнутый гвоздь философским камнем и считает сей процесс вершиной столярного мастерства!

Насчёт ограниченности это была не столько издёвка, сколько полная злости констатация факта. Бросаемый то в жар, то в холод подчинённый чужой воле Рентан слышал Отвергнутого, смутно понимал, но не был в силах размышлять над сказанным и тем более вступать в какие-либо дискуссии.

Даже на то, чтобы задать тихий, блеклый и ненужный вопрос, потребовалось невероятное усилие:

— Откуда у Келестии Синяя чума?

— А у кого её в наше время нет? — уклончиво, неприкрыто издеваясь, ответил демон. — Валяется то тут, то там. Бери, кто угодно, сколько надо, — послышался злобный

смех. — Думаешь, я тебя обманул? Тогда, когда сказал, что не имею к происходящему отношения? Так это чистая правда! Когда мы с Келестией заключали наш маленький, временный союзик, мне и в голову не приходило, во что это всё выльется. Поверь, знай я наперёд, как оно будет...

Это было столь чудовищной ложью, столь явной и нарочито выпяченной, что даже в текущем своём состоянии Рентан это прекрасно понял и со всем возможным возмущением отреагировал:

— Ты знал! Знал с самого начала.

— Если ты думаешь, что боги всеведущи, то ошибаешься, неверно воспринимая их суть, — пространно ответил демон, а затем как будто бы вздохнул с огорчением. — Я не вру касаясь того, что не хотел бы, чтобы Синяя чума уничтожила этот конкретный город. Твой шедевр, Фрим, достоин большего, чем этот вонючий провинциальный городишко. Применённая в ином месте в иное время Синяя чума могла бы добить всю вашу цивилизацию. Наконец нанести этот давно напрашивающийся удар милосердия, — горечи в его голосе стало заметно больше, — однако теперь творение, что могло бы придать твоей ничтожной жизни значимости, пропадёт зря. Это уже битая карта.

Алый просвет вдруг дрогнул, зажёгся совсем нестерпимо ярко. Команды Келестии стали требовательнее, злее, настойчивее, она заставляла спешить, торопиться, но продлилось это, даже по меркам пространства, начисто лишённого ощущения времени, совершенно недолго. Последний отчаянный рывок к цели сменился краткой, быстро окончившейся агонией:

— Не-е-е-ет! Вы все, слушать меня! Меня! Меня!!! Продолжать! Продолжать ритуал! Продолжать дальше! Ритуал!!! Нельзя останавливать ритуал!!!

Чем именно это вызвано, Рентан не знал и не понимал. Только чувствовал: что бы там ни происходило, в реальном мире, происходило это совершенно вопреки воле Келестии. Всё, что она затеяла, так долго воплощала — всё обернулось прахом. Ярек оказался прав и в этом.

— Вот к чему вас неизменно приводит гордыня. Что бывает, когда забиваешь философским камнем гвозди, всецело уверенный в том, что иначе это сделать никак нельзя. Ты портишь и гвозди, и камень, и даже доску! — в голосе демона чувствовалось такое сильное удовлетворение, словно эта победа принадлежала ему.

Стальная хватка чужой воли начала слабеть. Первой исчезла не тьма или холод, а связь с иными людьми. Осталась лишь ниточка, ведущая к Келестии. И, как почти мгновенно выяснилось, это не было случайностью, а самым что ни на есть злым умыслом.

Их разумы, вопреки воле лекаря, как он ни пытался противиться, соединились. На этот раз не тонкой паутинкой, а стал на краткие, чрезвычайно болезненные мгновения единым целым. По сравнению с этим все предыдущие муки показались комариным укусом, слабым тычком иголкой. В этот раз Келестия желала не повиновения, не выполнения своих команд. Её целью было убить Рентана, сжечь его разум, оставить лишь умирающее от Синей чумы тело.

При этом магичка и сама раскрылась, стала уязвима, только вот лекарь ничего не мог ей сделать. Он с лёгкостью мог читать её полные бредовых, фанатичных, навязчивых идей мысли; видеть истинный облик, обычно спрятанный от посторонних, даже самых пристальных взглядов, не имевший, как и ожидалось, ничего общего с человеком; ощущать и её эмоции, такие как ненависть и страх.

Последнего оказалось на удивление особенно много. Этот страх не был рождён текущими обстоятельствами, не являлся сиюминутным приступом. Такая внешне

самоуверенная и невозмутимая Келестия, как оказалось, прожила в страхе всю жизнь, с самых первых воспоминаний и вплоть до текущего момента. Липкая паутина опутывала магичку плотным коконом. Каждое её действие, каждое слово имели в первооснове именно страх. Страх не просто смерти, боли или потери всего, а бессмысленности этого.

За свою невероятно долгую жизнь Келестия успела побывать матерью, но в конечном счёте не сочла это важным, разочаровалась. Ведь кровь не значит ничего, а люди смертны. Келестия воспитала и обучила не одно поколение магов, но и это не сочла достойным делом всей жизни. Ведь маги и их искусство — те же люди, смертные и склонные к вырожденчеству. Келестия пыталась привнести в этот мир порядок так, как она видела его, своей рукой. Однако любое государство, даже небольшое, состоит всё из тех же людей — смертных, склонных к вырожденчеству глупцов. Келестия искала своё предназначение среди древних руин и даже нашла. Не в тайнах древности — те на поверку оказались лишь печальным памятником людской смертности, вырожденчеству, глупости и эгоизму. Разочаровавших в людях, она нашла своё предназначение в Триединстве. В служении богам нового, лучшего мира, в котором будут жить только новые, лучшие люди, лишённые порочных склонностей.

Всё это Рентан видел так же ясно, как своё собственное прошлое, без всякого труда и напряжения. Наверняка в этот момент легко его могла прочесть и Келестия. Вот только ей до этого дела не было. Магичка ненавидела лекаря, но лишь немногим сильнее, чем других людей, и то не из-за его прошлого, а потому что он грубейшим образом вмешался в её планы. Наверное, такая всепоглощающая ненависть существа, давно потерявшего остатки человечности ко всему людскому роду, была бы интересной темой для размышлений, только вот это всё не имело значения для стремительно гибнущего в агонии сознания Рентана.

— Нет! Нет-нет-нет-нет-нет, — вдруг принялся причитать Отвергнутый с явным беспокойством. — Так не пойдёт! Мы так не договаривались!

Вдруг между сознаниями лекаря и магички, прекращая пытку, возник непроницаемый барьер. Связь он не разорвал, но коренным образом мешал садистским планам Келестии.

— Сначала обманула меня, а теперь, провалившись из-за своей неуёмной гордыни, пытаешься сломать мою любимую игрушку?! — возмутился демон. — Этого не будет!

Встретив отпор, Келестия опешила на краткий миг, но затем перешла в нападение, пытаясь проломить барьер, мешавший добраться ей до Рентана. Лекарь, благодаря их связи, чувствовал, как она вкладывает в эти удары всю свою силу, всё, что у неё было, до последней капли. Чувствовал то бесконечное разочарование и удивление, когда из этого ровным счётом ничего не вышло.

— Как?! Что ты такое?! — раздался её полный удивления голос.

Выдержав краткую паузу, Отвергнутый ответил. Сказал всего одно слово. Однако имевшую такую чудовищную силу, что разом смело и развеяло Келестию и все её тщетные попытки защититься. Досталось и Рентану, чьё сознание уцелело исключительно потому, что не было целью удара. Тем не менее это всего лишь одно слово лишило его воли и сил, чувств и эмоций, мыслей и размышлений. Осталась только холодная тьма.

Пришёл в себя Рентан с огромнейшим трудом. Сознание, ощущение времени, зрения, возможность двигаться — всё это возвращалось, медленно, с болью, как бы нехотя, словно его тело уже решило умереть, прекратить влачить существование, а теперь, как бы делая одолжение, откатывалось назад, но с тонким намёком, что дай только повод...

Над ним склонилась встревоженная, в слезах, испуганная Вилора, которая мало того что не слишком внятно кричала, но ещё и хлестала его по щекам. Хлестала нещадно, но это сказывалось мало. Тело лекаря болело всё сразу и непереносимо сильно, из-за чего даже самые сильные удары ладонью наотмашь не могли коренным образом повлиять на происходящее.

— Чт-то п-происходит? — наконец смог спросить Рентан, не видя ничего, кроме лица девушки, — соображал он до сих пор плохо.

— Я-я-я я не знаю! Надо... надо быстрее уходить! — Вилора испуганно вскинула голову и взвизгнула.

Лекарь, гигантским усилием воли преодолевая боль и слабость, сумел слегка перевернуться в том направлении. На них надвигался человек, окутанный с ног до головы синим пламенем, непрерывно орущий и настроенный определённо недоброжелательно. Правда, шёл он откровенно плохо, едва-едва перебирая ногами. В шагах трёх от них они вдруг надломились, и несчастный упал, сразу же обратившись в пепел.

«Магическое безумие! Вмешательство Келестии ускорило действие чумы», — догадался Рентан, смутно подозревая, что всё то же самое коснулось и его самого, просто иначе.

Как это ни странно, приступ страха помог — немного разбавил болото из сплошной боли, из-за чего лекарю стало чуть лучше. Он даже сумел сесть и почти был готов подняться. Правда, о том, что происходит, где он и даже когда, Рентан имел лишь самое примерное представление. И неспроста. Вокруг него раскинулись руины горящего, умирающего, мечущегося в агонии города. Всё это вплоть до запахов он уже видел.

«Этого не может быть! Это иллюзия! Келестия...»

— Идём! — немного придя в себя, снова накинулась и него с куда большей решимостью, чем в прошлый раз, Вилора. — Надо уходить отсюда.

— Магичка, она что-то сделала со мной, я снова вижу Оренгард... — не сопротивляясь, позволяя поднять себя на негнувшиеся ноги, рассказал лекарь. — Этого не может быть!

— О чём ты? — во взгляде девушки читалось беспокойство. — Мы во Власве! Она... это она горит! Это всё взаправду!

— Не-е-ет, нет! — решительно покачал головой Рентан. — Это не может быть правдой, это не может случиться так быстро! У нас должно быть ещё несколько дней, прежде чем...

Именно в этот момент его взгляд несколько прояснился. Он увидел знакомые, совсем не по жизни в Оренгарде очертания зданий, обрамляющих площадь. Площадь, целиком заполненную телами людей, буквально устланную ими. Изломанными, искалеченными, порванными на клочки телами жителей Власвы. Некоторые были ещё живы, пытались уйти или хотя бы уползти. Другие металась в предсмертных муках или магическом безумии. Третьих добивала Синяя чума.

Рентан, всё одолеваемый мыслями о чарах, затуманивающих его сознание, не поверил бы в увиденное, но тут среди бесчисленных трупов увидел сцену, которую даже Келестия не сумела бы воссоздать. Потому что вряд ли даже подозревала о существовании её главных действующих лиц. Витиас в горелых лохмотьях с глазами яркими, как два синих фонаря, неистово избивал большим куском камня тучное тело, над которым навис. К этому моменту опознать Милоvidу удалось лишь по окровавленному белому платку, что обычно покрывал голову женщины, а сейчас, зацепившись за остатки уха, колебался на ветру, словно флаг непринятой капитуляции. Витиас же продолжал бить неистово бить, несмотря на полную и очевидную бессмысленность этого.

— Нет, остановись! — в отчаянии крикнул Рентан, подхватываясь в ту сторону.

Его, конечно же, не услышали. А даже если и услышали, то не отреагировали. Тогда лекарь подошёл ближе, твёрдо намереваясь прекратить издевательство. За пару шагов до тела лекаря вдруг скрутила страшная, нестерпимая головная боль, из носа закапало что-то тёплое и липкое. Упав на колени, Рентан, одной рукой держать за голову, другой начертил на мостовой кровью, то ли своей, то ли чужой, незнакомый знак. Всё это произошло как-то само собой, словно он не владел телом. Тем не менее Витиаса оторвало от Миловиды, подбросило в воздух, прокрутило в районе пояса в двух направлениях, а затем отбросило сломанное тело в сторону.

«Магическое безумие!» — догадался Рентан, пересиливая боль. — «Нужно быть аккуратнее со своими желаниями, иначе...»

— Мы не можем ей помочь! — подошла к нему Вилора. — Для неё... уже всё кончилось. Надо уходить! Нас кто-нибудь заметит и тогда... Я не смогу тащить вас всех сразу!

— «Всёх»? — переспорил лекарь, но уточнение сразу же потеряло смысл.

Только сейчас он заметил, что всё это время рядом с девушкой находились дети Римпана, все трое. С мёртвыми безучастными взглядами они, взявшись за руки, цепочкой следовали за Вилорой.

— Не могу их бросить, — сбивчиво объяснила девушка немного смущённо. — Не знаю, где их... что стало с их... пускай останутся. Я так хочу.

Рентан спорить не стал и не собирался. Важно было иное. Дождавшись, пока боль в голове, похоже уже не собирающаяся исчезать, немного поутихнет, он вновь поднялся на ноги и сказал:

— Нужно как можно скорее вернуться в лечебницу. Продолжить работу. Пока я ещё могу работать.

Во взгляде Вилоры он заметил некоторую растерянность. Похоже, она представляла себе дальнейший ход событий несколько иначе. В ином направлении и иными планами.

— Я не могу. Мне уже поздно уходить, — прояснил лекарь как можно тверже. — Я должен закончить работу. — Девушка никак не высказала этого, но он всё равно добавил: — Ты нужна мне. Ты поможешь.

Добраться до лечебницы Эвана оказалось непросто. Власва погрузилась в пучину хаоса. Город было не узнать. Не только из-за дыма и разрушений. Он превратился в огненную преисподнюю, перемешанную с человеческим безумием и щедро присыпанную человеческим отчаяньем.

До поры Рентану, Вилоре и детям везло избегать агрессии. Им встречались лишь такие же другие люди, ищущие спасения. Либо безвредные безумцы. Самым частым их «противником» стал огонь. Настоящий и магический — разницы как таковой не было. И тот, и другой были смертельно опасны и, как правило, преграждали собой самый простой и быстрый путь к лечебнице. Тем не менее его удавалось обходить или же быстро, практически без последствий, проскакать.

Однако такое везение не могло продолжаться вечно. Дело было отнюдь не в огне. В горящих руинах, как это ни странно, было полным-полно людей. Кто-то искал лёгкой наживы, иные сводили старые счёты, а некоторые просто выпустили своего внутреннего демона на волю. Делали ли они это сами или будучи сломленными Синею чумой было не так

уж и важно.

Дважды Рентан и Вилора встречали на пути мародёров, которые, только заметив их, начинали недобро скалиться, предчувствуя лёгкую добычу. А никакого сопротивления лекарь и девушка оказать были не в состоянии. Фокус с магией сработал случайно, на эмоциях, и его повторение было ничуть не менее опасно, нежели оружие в руках нападавших.

В оба раза их спас случай. В первый обвалился, разделив их, фасад дома, дав достаточно времени, чтобы скрыться. Во второй на выручку пришли Охотники, небольшой отряд, который то ли силился навести порядок, то ли просто пробивался прочь из города. Так или иначе безоружных они не тронули, а вот мародёров лихо и без всякой пощады порубили. Задерживаться и благодарить их за спасение лекарь не стал, поспешив уйти подальше.

Вилора рассказала ему о происходившем во время всеобщего помутнения, которое её как раз не коснулось:

— Я слышала её, ну, магичку эту, — рассказала девушка. — Но это было, ну, как обычные слова. Говорит и говорит, мне-то чего?! А других скрутило.

— Как ты выбралась из кельи и храма?

— Римпан открыл дверь, — Вилора помрачнела. — Ну точнее, выломал. Собой. Бился в неё, как таран. Другие — жена и дети, тоже хотели, но я удержала. Меня они-то не трогали.

— А кого трогали?

— Ну, если находился кто-то на пути — их... — Вилора выразительно замолчала, явно не желая описывать увиденное. — Это были Охотники, похоже они, ну, невосприимчивые.

— Невосприимчивые, — поправил лекарь рефлекторно. — Возможно и так, а может, просто недостаточно сильно заболели.

Лечебница оказалась цела. Её не затронул даже огонь — ему помешал тот самый пустырь, которым остальная Власва отгородилась от строения. А вот от беспорядков, захлестнувших город, лечебницу спасло иное. И это же самое «иное» сейчас преградило путь Рентану и его спутникам.

Ещё пару часов назад стоящее возле кучи трупов, покрытое грязью копотью и кровью чудовище было Лаславом. Узнать его оказалось непросто — Синяя чума и магическое безумие «потрудились» над ним, но контекст ситуации и общие пропорции остались прежними. Несмотря на новые конечности, страшные зубы и когти, горящие жёлтым глаза, это всё ещё был Ласлав. Тот самый человек, который обещал защищать лечебницу и людей, ищущих там спасения. Среди изувеченных тел у его ног, Рентан видел немало знакомых лиц, либо же характерной для работников лечебницы Эвана одежд.

— Надо уходить, — шепнула Вилора, отступая назад. — Найдём другой путь...

Рентан прекрасно понимал, что другого пути в лечебницу не было. Как не было времени искать алхимическое оборудование и реагенты. Лечебница являлась лучшим, а в текущих обстоятельствах вероятно ещё и единственным вариантом.

— Нам с ним не справиться, — продолжая пятиться и уводить детей, шептала девушка.

Рентан понимал её страх, понимал, почему Вилора считала, что у них есть какие-то варианты. У неё было в распоряжении всё время мира, и в силу этого она не могла понять. У лекаря же не было в запасе и лишнего часа.

— Ласлав! — делая шаг вперёд, крикнул он во всю глотку, как можно усерднее скрывая страх и имитируя злость. — Ласлав!!! Ты что натворил?!

Чудище резко повернулось в его сторону, оскалилось, взмахнуло тремя лапищами из

пяти разных размеров, но осталось на месте. Это придало Рентану сил продолжить, сделать ещё шаг навстречу существу, способному убить его в мгновение ока.

— Ты что натворил?! — повторил лекарь свой вопрос, удерживаясь, чтобы не делать резких движений — у него пошла кровь носом. — Ты опять пил?!

Последнее было сиюминутной импровизацией, смутной догадкой в последний момент. Тем не менее это сработало. Ласлав прекратил скалиться, как-то сжался, стал как будто меньше, что-то невнятно проскулил, словно оправдываясь.

— Ты пошёл против моих указаний? Против воли Двенадцати?! Чтобы сказал твой отец на это?! — вспоминая детали их разговора, продолжал Рентан. — Ты осквернил его память!

Последнее, похоже, оказалось в некотором роде перебором. Чудище вновь оскалилось, дёрнулось, словно возражало сказанному, было серьёзнейшим образом не согласно.

— Именно так! Осквернил своим безверием его память! — продолжая наступление, сказал лекарь. — Посмотри, что с тобой это сделало! Какая цена у твоих деяний!

И Ласлав посмотрел! Наклонил голову, а затем и всё туловище, осматривая то, во что превратился. Завыл, зарычал, принялся колотить по телу, буквально начал рвать себя.

— Стой! Прекрати! — приблизившись на расстояние вытянутой руки, потребовал Рентан властно, стараясь не морщиться от усиливающейся головной боли. — Ты сделаешь только хуже!

Чудовище замерло, покорно склонившись, как нашкодивший ребёнок, ждущий свою порцию розг. Разумеется, ни о чём подобном и речи быть не могло. Как и о том, чтобы оставить монстра здесь. Как бы лекарю этого ни хотелось, какую бы жалость он ни испытывал, но от того, во что превратился Ласлав, требовалось избавиться окончательно. Пока он ещё чего не натворил к уже сделанному.

— Вот пламя! — его трясущаяся от волнения рука указала на остатки горящего дома поодаль, окутанного огнём целиком. — Это очищающее пламя Двенадцати! Тебе нужно войти в него, очиститься! Только так ты сумеешь искупить содеянное.

Ласлав неуверенно переступил с ноги на ногу. То ли осознавая подвох, то ли не желая умирать, то ли просто испытывая страх.

— Иного пути теперь для тебя нет! — повторил Рентан. — Только так!

Неожиданно чудовище дико взвыло, заметалось. Лекарь на мгновение подумал, что провалился, что теперь ему и Вилоре, где-то позади неподвижно взирающей на эту сцену, конец. Однако Ласлав, дернувшись в одну сторону, затем в другую, ударив себя по груди, словно подбадривая, побежал в конечном счёте именно в указанном направлении. Не переставая выть, он бросился в огонь. Внутри пламени заметался его силуэт, уже вполне человеческий, словно и вправду очистившийся. Крики боли тоже стали куда членораздельнее, но к счастью, быстро затихли.

Рентан видел это мельком. Ему стало плохо. Куда хуже прежнего. Голова словно налилась свинцом и готовилась лопнуть, а ноги, напротив, сделались ватными и быстро ослабли настолько, что уже не могли его держать в вертикальном положении. Подскочившая сзади Вилора поддержала Рентана, не позволила упасть. Выражение восхищения на её лице быстро сменилось тревогой.

— Это... это было магией, — шепнул, объясняя лекарь. — Я не мог по-другому. Нам надо в лечебницу...

— Как же теперь, что... — голос девушки дрогнул, в нём появились нотки отчаяния. — У тебя пена и кровь изо рта идут. Кровь красно-синяя.

— Да, так и должно быть, — совершенно буднично сказал Рентан. — Так он и сказал.

— Кто?

— Неважно. Помоги мне добраться до подвала, он слева от входа.

Вилора, обеспокоенная донельзя, ничего ровным счётом не понимающая, придерживая Рентана, фактически волоча его на себе, благо, разница в их пропорциях была не катастрофической, помогла дойти до мертвецкой, спуститься вниз по лестнице. Однако дальше лекарь, прислонившись к дверному косяку, её не пустил.

— Останься снаружи, — попросил он твёрдо.

— Но...

— Чтобы ты ни слышала, — не замечая явного возражения, продолжил он, — какие бы звуки отсюда ни исходили — не входи. Когда, кхм, всё закончится, я сам тебя впущу.

— Как?! В смысле...

— Неважно. Не думай над этим. Просто... просто доверься, хорошо?

Они встретились взглядами. Рентан прекрасно понимал, как это всё выглядит со стороны. Ещё один приступ магического безумия или просто помутнение перед смертью — такие мысли читались у Вилоры во взгляде. Но у лекаря не вышло бы объяснить, даже будь у него гораздо больше времени и сил.

Рентан видел в её глазах, что требовал много, слишком много. Бросить его вот так, здесь, для Вилоры было чем-то невыносимым. Когда у тебя нет ничего, кроме других таких же лишившихся всего людей, ты будешь держаться за них любой ценой, несмотря ни на какой риск. Тем не менее лекарь отчётливо осознавал, какому риску подвергнет девушку, если поддастся слабости и позволит ей остаться.

— Ты должна уйти. Всё будет хорошо, — повторил он.

— Мы снова... ты... ты будешь в порядке?

— Нет, — покачал головой Рентан, не став врать. — Я заключу одну сделку. Последнюю в жизни. Выиграю себе немного времени и создам лекарство.

— Я... — в глазах девушки появился огонёк понимания. — Я знаю, о чём ты говоришь, — в её голосе возникло возмущение, даже злость. — Это не стоит того! Ты... ты отдаёшь всё!

— У меня ничего нет, — не согласился лекарь, осторожно касаясь её щеки. — Только ты осталась. Вчера, или когда там, ты правильно сказала: одна не выживешь, а чтобы спасти тебя, нужно заключить эту сделку. — Вилора хотела опять что-то возразить, но Рентан не позволил. — Ты не уговоришь меня, не переубедишь. Прости, но я не вижу иного выхода...

«У неё глаза совсем как у Мено тогда», — понял лекарь.

Однако Вилора, всё ещё сильно и явно сомневаясь в разумности такого шага, уступила. Сделала шаг назад и молча закрыла за собой дверь. Уже после этого с той стороны донеслось пожелание удачи.

Рентан же устало выдохнул и огляделся. Здесь было всё так же, как перед его уходом, по факту пару часов назад, а по ощущениям как будто в другой жизни. Все те котелки, стеклянные колбы, инструменты и ящики. Пропали тела, но это было не критично, да и «уши» они без видимых последствий или разрушений.

Он хотел подойти к единственному табурету, сесть на него, но всё, что у него вышло, заходясь кашлем, давясь от боли, которая накрыла его сильнее прежнего, упасть на колени. Лекаря вырвало кровью, но затем боль ослабла, только не потому, что Рентану стало лучше.

«Это конец», — догадался он и, еле-еле выпрямившись, взмолился осевшим,

неестественным голосом.

— Я взываю к тебе, как ты и хотел: на коленях, в отчаянии — всё как ты тогда сказал. Не имея надежды на спасение, отдаю тебе, проклятый, свою бессмертную душу во вечную власть. Приди же на мой зов, Альховинг...

Вдруг Рентан понял, что же тогда увидела в голове умирающего Ярека Келестия, что заставило отложить расправу над ним. Магичка видела именно этот момент.

— Как же я этого ждал! — раздался у него над ухом вкрадчивый голос. — Как сладок этот миг.

Рентан опасался, что как и в прошлые разы демону потребуются «особые условия», например, тело или таз с водой для своего явного появления, однако в этот раз всё вышло совершенно иначе. Тень лекаря от единственного фонаря — куцее, едва заметное пятно на полу — вдруг удлинилась, приобрела черты, в том числе невозможные: светящиеся глаза и рот, скривившийся в отвратительной ухмылке.

— Я прошу тебя дать мне время... закончить.

— О-о-о, как неожиданно, — Отвергнутый поцокал языком и театрально почесал подбородок. — И зачем же мне это?

Вначале Рентан опешил от такого вопроса, но затем нашёлся, что сказать:

— Ты сказал... назвал мою чуму произведением искусства.

— Да, было такое, — с явным интересом в голосе подтвердил демон, глядя на собеседника с прищуром.

— Она не закончена, — осторожно подбирая слова, продолжал убеждать лекарь. — Моё произведение искусства ещё не готово.

— Интересно, продолжай, — с великодушным кивком разрешил Отвергнутый.

Рентан собрался с мыслями. На удивление это далось ему легко, не как во время разговора с Вилорой. Дело было не в теме разговора, не в собеседнике.

«Он просто не даёт мне умереть во время разговора, не более того».

— Что такое болезнь без лекарства? — заявил лекарь. — Лишь половина работы. Как история без финала. Картина без контекста. Музыка, написанная для несуществующего инструмента.

— Интересный взгляд, — оценил Отвергнутый. — Мне нравится этот довод, — он недобро оскалился. — Но как-то маловато выходит. Всего лишь твоя душа. Одна душа за души целого мира.

Этого-то Рентан и боялся. Он не знал, какие-то именно возможности есть у Отвергнутого влиять на реальный мир, на людей в нём, но догадывался, опять же по опыту, что весьма и весьма небольшие. Останься Вилора внутри, ей бы угрожала опасность. Лекарь пришлось бы отстаивать её душу. В текущей же ситуации его ответ был куда проще:

— Я не могу решать за других и не стану этого делать. Не стану делать твою работу. И не прошу делать мою. Просто...

— Да-да-да, дать тебе время. Я понял, — Отвергнутый недовольно скривился — ему не нравилась сделка. — И всё же...

— Моя душа в обмен на моё время, что тебе ещё надо?! — зло переспросил лекарь. — У меня ничего нет! Ничего!

— Там, прислонившись ухом, надеясь что-то услышать, стоит твоё «ничего», Фрим, — мрачно напомнил Отвергнутый.

— Ну так вперёд! Заключи и с ней сделку, убеди её отдать тебе душу, — Рентан махнул

рукой, удивляясь, что может это сделать. — Я здесь при чём?

— Умрёшь, обречёшь на смерть тысячи и тысячи людей, но её душу... нет? — уточнил демон, ухмыляясь.

Лекаря если и раздирали какие-то сомнения, то никаким образом это показывать он не стал, категорично заявив:

— Умру, обреку, но её душу ты от меня не получишь.

— Гордыня, — фыркнул Отвергнутый презрительно. — Как и всегда. Человеческая гордыня, стоящая превыше всего. Свою душу ты скромно оцениваешь в десятки тысяч других ничем не отличающихся душ. Этой чумной бродяжки и того выше!

Сказав это, он исчез, растворился без следа, оставив Рентана наедине с болью и щемящим ощущением пустоты. Так минуло несколько невероятно напряженных мгновений, а затем демон добавил:

— Делай свою работу, лекарь. Доводи своё произведение искусства до конца. За гордыню тебе ещё воздастся, но позже.

Работа Рентану давалась тяжело. Не из-за боли — та практически исчезла. Вместе с этим прояснилось сознание, стало легче двигаться. Но вот сосредоточиться на изготовлении Стотравника всё никак не получалось. Лекарь много раз по-разному представлял себе этот момент, свои последние часы. Ему всегда казалось, что кто-кто, а вот он сумеет держать себя в руках, сумеет сохранить спокойствие. Падая на колени и умоляя демона дать ему пару часов, он чувствовал себя более чем уверенно, но стоило ему добиться желаемого...

Рентану не хотелось умирать, не хотелось быть приговорённым к вечным мукам. Это было так несправедливо, так глупо, так неправильно! Все эти мысли заполнили голову лекаря, мешая работать и осуществить то, ради чего он продал самое дорогое, что есть на свете. Свою бессмертную душу.

Вилора, которая, как умела, ассистировала ему, видела всё это. Как Рентан порой застывал на месте, скрипел зубами, сжимал кулаки. Видела его нервозность, проявляющуюся в раздражительности и резких неосторожных движениях, в том, как он говорил, скупясь на слова и тем более добрые слова.

Уже две заготовки Стотравника оказались безнадежно испорчены. Третий на глазах лекаря выкипел, превратившись из предполагаемого спасения человечества в банальный яд. К тому же не самый сильный. А ведь он толком и не начал, просто проводил подготовительные работы!

— Так не пойдёт! — нисколько не разбираясь в алхимии, всё прекрасно поняла Вилора. — Да что с тобой такое?!

Рентан удержался от резкого, ненужного, абсолютно бессмысленного ответа. Не стал корчить мин или устраивать глазами дуэль. Вместо этого он решительно отвернулся, намереваясь не отвечать вовсе, и вдруг оказался лицом к лицу со своим страхом. Настоящим страхом, что нашёл путь в его сердце обходным манёвром, притворившись чем-то другим.

Он на самом деле не боялся смерти — он уже умер. Не боялся вечных мук — приговор уже был вынесен. Не боялся оказаться в лапах Отвергнутого — уже оказался. Лекарь не желал причинять зла невинным. Вынуждать страдать тех, кто страдать не должен был вовсе. Но иного пути у него не было.

Рентан стоял и смотрел на детей Римпана. На двух мальчиков лет семи и девочку пяти-шести лет от роду. Он не знал их имён — не хотел знать. Не хотел замечать, что серьёзно

переоценил их состояние, то, настолько Синяя чума продвинулась в вопросе их убийства. Дети определённо были заражены и перепуганы до состояния ступора, когда сознание уходит глубоко внутрь, а тело остается предоставленным самому себе, но в остальном на них рано было ставить крест. Молодые организмы сопротивлялись более чем успешно, хотя эта борьба без помощи извне и была обречена.

Всеми способами лекарь пытался от них отдалиться, не замечать, списать со счетов. Специально не слышал их имён, игнорировал прямые обращения. Надеялся таким образом либо вовсе уйти от этого выбора, либо облегчить его себе. Приговаривать к мучительной смерти незнакомых, смертельно больных детей казалось ему более лёгким выбором, но ничего не вышло. Врать Рентан не умел.

В сложившихся обстоятельствах нужно было испытывать Стотравник на них. На ослабленном детском организме, без помощи, без серьёзных шансов что-то исправить. Просто дать отвар и смотреть, что будет. А если он ошибется... Об этом Рентану не хотелось думать, как и о том, что у него есть три попытки. Он бы предпочёл не иметь ни одной.

Вилоре даже не потребовалось спрашивать или следить за его взглядом, чтобы всё понять без слов.

— А если... на мне нельзя? — спросила она, невольно загоразивая детей. — Дай это зелье мне! Я выдержу!

— Не выйдет, — покачал головой лекарь. — Ты не больна, а даже если больна, мы не заметим разницы.

— Ну... — девушка посмотрела на него с надеждой, ища хоть какое-то решение. — А ты сам?

Рентан думал над этим и чем больше думал, тем сильнее понимал, насколько это плохая и недальновидная затея. Дело не в страхе боли или смерти. Отвергнутый что-то изменил в нём, вероятнее всего, с помощью магии. Лекарь не сомневался, что если Стотравник на него и подействует, то совершенно иначе, нежели на других людей.

Девушка это тоже поняла вновь без объяснений или слов. Но и сдаваться, опускать руки не стала:

— Давай я схожу поищу кого-нибудь! Должен же там, — она указала на потолок, — остаться хоть кто-то...

Не дожидаясь конца этого предложения, Рентан покачал головой.

— Даже если ты кого-то найдешь, как ты убедишь его пойти за тобой, что скажешь ему? Нет, это не выход.

— А что тогда...

— Уходите, — вдруг сказал лекарь. — Бери детей, и уходите из города. Я не стану этого делать. Нет! Не дам им Стотравник.

На секунду ему показалось, что Вилора так и поступит. Уйдёт, оставит его в подвале и лишит необходимости брать на душу очередной грех. Убережёт от очередного богопротивного деяния. Однако девушка осталась и более того решительно изменила своё мнение:

— «Уходите» — серьёзно?! Они ведь просто умрут тогда! Они... они больны, ты же сам видишь!

— Они умрут, если я дам им Стотравник, — не собираясь уступать, ответил лекарь. — Очень скверно умрут.

— А так они... так смерть приятнее, что ли? — Вдруг она подскочила к нему и дала

пощёчину. — Ты в своём уме?!

Рентан опешил от такого, растерянно заморгал, коснулся слабо болящей щеки. Вилора же продолжала давление:

— Ты не хочешь давать им зелье? Дам я! Сама сделаю это!

— Обречёшь их, — крикнул в отчаянии лекарь, — будешь слушать крики и стоны, мольбы...

— Они и так умрут. Смерть — говененькая штука, как ни посмотри. Не надо мне рассказывать, сама насмотрелась. И за сегодня, и вообще! Муки — да лишь некоторым везёт умирать тихенько! — она ударила его ещё раз. — Знаешь, что гораздо говенее смерти? Смотреть, как кто-то умирает, не в силах повлиять на это! Так ты хочешь им «помочь», пускай умрут, зато тихо?! — девушка занесла руку для очередного удара, но остановилась, сдержала и даже смягчилась. — Просто приготовь этот свой Стотравник. Его дам я. Всё! За работу!

Вилора отступила и пошла демонстративно греметь склянками. Рентан же удивлённо помассировал зудящую щёку, словив себя на мысли, что дети иногда слишком уж напоминают родителей. Он принялся за работу.

Лекарь был зол на девушку. Не хотел признавать её правоту. Но ещё сильнее злился на себя, потому что понимал свою безоговорочную неправоту, когда аргументы, доводы, факты подменяются убеждениями и представлениями о некоем «лучшем». Дескать, лучше не делать выбора, чем сделать плохой, а на кону при этом множества людей. Жизни, которыми лекарь рисковал, возможно, и вправду из-за гордыни. Пытался сохранить руки чистенькими, окунаясь в лужу грязи.

— Последние двадцать лет я делаю всё возможное, чтобы не быть Фримом Набеном, но каждый раз получается, что мне нужно быть им! — со злостью, кривясь, размышлял Рентан, бегло записывая рецептуру отвара, сам не замечая, что говорит вслух. — Неужели любая моя попытка стать лучше обречена на провал?

— Может быть, всё из-за того, что чтобы быть не как Набен, надо не делать всё совершенненько иначе, а просто делать правильно? — сказала Вилора.

— Если так рассуждать, то мы придём всё к тому же: важны не методы, а цели. Если они благие, то пытай детей, убивай невинных — цели-то оправдывают средства! — продолжая не замечать, что это не внутренний монолог, ответил лекарь.

— Методы тоже важны, почему нет? — удивлённо переспросила девушка. — Но разве у нас сейчас здесь есть выбор?

— А разве он был у Набена?

— Конечно, был! Он не находился в подвале горящего города! У него были друзья, семья, помощники! Сколько угодненько времени!

Рентан удивлённо поднял голову, отрываясь от записей, только сейчас заметив, что ведёт диалог, а не внутренний монолог. Высказанная Вилорой мысль ему понравилась. Ей действительно удалось провести ту черту, которая бы разграничивала его и Фрима Набена действия. Не по заведомо ошибочному принципу «делаю — не делаю», а основанная на причинах и целях действий.

Теперь лекарю стало обидно за свою глупость, за попытки видеть мир чёрно-белым и лицемерных попытках строго держаться именно «светлой» половины. Как это ни странно, но при таких вводных работа шла куда лучше прежнего. В частности удалось серьёзно сузить вопрос ингредиентов.

Основу Стотравника или Всетравника, или иных схожих отваров, распространённых по всей Эндрии, составлял примерно одинаковый костяк растений. Это означало, что их можно было смело вычёркивать из списка «подозреваемых» — того ингредиента, который сыграл ключевую роль в создании иммунитета. Магик, спасший Вилору, готовил зелье в Оренгарде, вероятно, из доступных там ингредиентов. Имелся немалый шанс, что составные части он привез с собой, но лекарь об этом старался не думать — с такими вводными задача становилась нерешаемой. К тому же для Стотравника годились свежие, насколько это возможно, растения.

Это ещё сильнее натолкнуло Рентана на мысль, что ответ на задачу находится в самом известном рецепте отвара, который он готовил множество раз в Оренгарде. Казалось бы, надо готовить именно его — и вот оно лекарство. Только вот лекарь не мог этого сделать. У него не было нужных ингредиентов, чтобы в точности повторить «тот самый» рецепт.

Ему принесли более чем достаточно ингредиентов для приготовления Стотравника по рецепту, распространённому во Власве, но они не подходили для оренгардского варианта. И эта разница, как с опаской подозревал лекарь, могла стать причиной непреодолимой катастрофы. Вопросом не морально этического, а материального характера, банального отсутствия необходимого у него под рукой.

«Возможно, удастся что-то придумать», — прикинул в уме Рентан.

— Различие состоит в четырёх ингредиентах, вернее, пяти, — принялся рассуждать он вслух, склонившись над листиками с записью обоих рецептов. — Гребень ящерицы — это полевое растение, здесь заменяют корешками какого-то папоротника, вроде Красноцветы или что-то в этом духе. Во Власве добавляют желудочный сок лесных муравьёв, в Оренгарде для этого использовали пчелиный яд. Листья первоцвета полевого заменили на кору, эм, молодого ясеня. Мгм, и последнее: отваренный подснежник — это такой запоздалый гриб, который в Оренгарде заменяли на кротовый корень, корешки такие, фактически сорняк.

— А что ещё? — уточнила Вилора.

— А? — не понял, удивлённый тем, что его слушают и даже слышат, переспросил Рентан.

— Ты сказал пять этих штуковин, а перечислил четыре.

— Ну да, ну да, — лекарь задумчиво почесал затылок и подчеркнул последний, пятый ингредиент. — Это называлось «осенним пеплом». Я всегда скептически относился к этой придури, считал, что алхимики просто за дорого продают какую-то бесполезную дрянь. Никогда не замечал, чтобы этот пепел как-то сказывался. В местном варианте его, кхм, нет.

— Но это возможно? — не столько спросила, сколько заявила девушка. — Что он полезный.

— Да, к сожалению, да, — ответил Рентан и объяснил: — я не знаю из чего этот пепел делали и как. Поэтому-то и считал придурью. Ну, глупой традицией.

— Вряд ли тот магик чтит чужие глупые традиции, — заметила Вилора.

— Мда, — согласился лекарь и вычёркнул этот пункт. — Будем считать, что так, но всё равно... — он присмотрелся сначала к ингредиентам, а затем к списку того, что у него было. — Важна каждая мелочь, и очень может быть, что то, что спасло тебя, находится в одном из этих четырёх пунктов. Которых у меня под рукой нет.

— А просто сварить, эм, ну, как делают здешние?

— Так можно сделать. Но у нас нет столько попыток. — Рентан нехотя глянул на детей. — У меня есть под рукой ингредиенты, на мой взгляд, куда лучше подходящие в

качестве аналогов, нежели те, что принято использовать. Вот, например: кротовый корень — это по факту подвид дикой моркови. Дикая морковь — вот она, не надо никаких грибов. Листья первоцвета и кора ясеня имеют очень мало общего, и это общее у них также с листьями смородины северной. Тоже есть в наличии.

Он замолчал, уставившись на ящики с ингредиентами, слово видя их насквозь. Вилора выждала немного и уточнила:

— Два других ты заменить не можешь, да?

— Один в теории могу, но придётся добавить ещё кое-что сверх, а это может испортить весь отвар. А вот гребень ящерицы мне действительно заменить решительно нечем.

Рентан долго молчал, то и дело косясь в сторону детей, прикидывая и размышляя. Наблюдая за этим, Вилора как бы невзначай спросила:

— Ты будешь готовить сразу три зелья или...

— Или, — перебил лекарь. — Сработает только одно, остальные будут смертельно опасны. Так рисковать мы не станем.

— Но что насчёт времени, его хватит? — уточнила девушка, однако у лекаря был заготовлен ответ на этот счёт.

— Я запишу все придуманные мной рецепты понятным языком. Если мне не хватит времени или мы не угадаем, или ещё что-то, ты отнесёшь их кому-то, кто сумеет продолжить работу, ясно?!

Последнюю часть он сказал особенно громко, почти кричал. Ему не хотелось спорить на этот счёт. Рентан слишком много раз за сегодняшний день шёл на сделку со своей совестью, и очередная такая попытка определённо была перебором. Лекарь не собирался рисковать, давая три зелья сразу. К тому же, может быть, по реакции детей он сумеет понять, в каком направлении двигаться дальше.

Отдельное время ушло на «измерение» детей. Делал это лекарь с некоторой внутренней дрожью, полностью отдавая себе отчёт, насколько губительной может оказаться ошибка. Лишний вес в расчётах — и отвар окажется слишком сильным, не допишешь килограмм — всё впустую.

Очень нехотя делая свои замеры, Рентан обратился к опыту Фрима Набена. Тогда ему удавалось очень ловко определять дозировку, почти на глаз — достаточно было знать рост. Сейчас всё было иначе, требовалась осторожность и аккуратность

— Главный фокус не в том, чтобы соотнести вес к количеству отвара, — зачем-то рассказал лекарь.

— А в чём же? — участливо спросила Вилора, ненавязчиво стоящая рядом.

— Вес тоже важен, но надо понять, что из себя представляет человек, чем он живёт и питается, его возраст, болен ли... чем-то помимо Синей чумы, конечно же. — Рентан натянуто ухмыльнулся, но быстро подавил это в себе. — Мне в этом плане повезло, я много дел имел с бродягами.

— Дети и бродяги похожи? — даже не улыбнувшись, уточнила девушка.

— В каком-то смысле. Бродягой может стать только человек с очень хорошим здоровьем, иначе он на улице и месяца не протянет. Так же как и дети, они склонны болеть и плохо питаться. У них нет денег на лечение... — лекарь закончил с расчётами и потому прервался, чтобы внимательно перепроверить результат. — Ну, вроде бы всё...

— Как его зовут? — кивая на самого крупного и на вид здорового мальчика, спросил

Рентан.

— Я сама, — требовательно выставяя руку, преградила ему путь Вилора. — Дай мне склянку!

— Нет, — категорично отказался лекарь и повторил вопрос: — как его зовут?

— Виттор, — нехотя, с обидой сообщила Вилора.

— Под чьим знаком он родился, знаешь? — прежде чем дать отвар, поинтересовался

Рентан.

— Альма, — припомнила девушка неуверенно. — Или Мельма...

— Извечная путаница, — стараясь отогнать плохие мысли, лекарь натянуто улыбнулся. — Так или иначе оба они покровители воинов, сильных людей, пускай и по-разному видят это ремесло, — он протянул ребёнку склянку, но поняв, что реакции не последует, принялся поить силком. — Только бы мальчик выдержал, смилуйтесь боги...

Его переполняли весьма мрачные мысли. В свой успех ему бы хотелось верить, но Рентан никак не мог этого сделать. Не мог убедить себя, что у него получилось с первого раза, сомневался и колебался. Несмотря на это, сварил он сразу три порции — на случай успеха, в который не верил.

В первую очередь он приготовил рецепт, доработанный его рукой, который считал наиболее близким аналогом оренгардского рецепта. За его спиной уже всё было готово ко второй попытке, на этот раз чистому без изменений варианту из Власвы. Конечно, тот маг двадцать лет назад не мог готовить именно его, но лекарь руководствовался тем соображением, той надеждой, что, возможно, важнее было приготовить наиболее правильную версию отвара, нежели точное подобие конкретного рецепта.

В этом плане он доверял народной медицине. Если какой-то рецепт устоялся в ней, значит, это работало. А если казалось, что можно сделать лучше, далеко не факт, что это бы сработало. Всё же одно дело готовить шгучное зелье и другое — готовить его множеством рук на протяжении веков.

Порция отвара по детским меркам, конечно же, была близка к смертельной. Дозировку Рентан брал с запасом, в большую сторону. Иначе имелся немалый риск лишь усилить Синюю чуму. Вилора прошла по грани, и, вероятно, это было весьма важно. Очень аккуратно и осторожно влив всю склянку до последней капли, лекарь отстранился и принялся наблюдать. Рядом он поставил небольшие песочные часы, чтобы контролировать время.

Стотравник, может, и не победит Синюю чуму за считанные минуты, не создаст по щелчку пальцев иммунитет, но вот если что-то пойдёт не так — это будет видно сразу и очень наглядно. Песок пересыпался один раз, второй, третий, десятый. Мальчик как сидел, так и сидел, лишь немного скривился, как от боли. У него заметно потеплел лоб, но было неясно, чем это вызвано — борьбой организма или просто от тёплого питья. К тому же он наверняка был очень голоден, а Стотравник, как и любой стимулятор, обладал чрезвычайной питательностью.

Этого-то лекарь и боялся. Эффект, проверить который можно лишь временем, на длинной дистанции. Рентан принялся рассматривать пол, тени на нём и довольно быстро нашёл, что искал:

«Это сработало?» — спросил он про себя.

«Не знаю», — в голосе Отвергнутого сквозило коварство. — «Отдай мне душу девушки, и я скажу».

«Этого не будет!»

«Тогда мучай себя догадками дальше».

— Готовим второй отвар, — громко и чётко сказал Рентан, подбадривая сам себя и попутно выливая две оказавшиеся лишними порции.

— А если этот сработал? — беспокойно поинтересовалась Вилора.

— На готовку уйдёт время, может быть, как-то проявится.

Не проявилось. Ни в положительном смысле, ни в отрицательном. Когда настал черёд поить второго мальчика, которого, как объяснила Вилора, по семейной традиции звали Римпаном, Виттор так и сидел слегка скривившись, без каких-либо заметных изменений. Температура не спала, но и не выросла, Синяя чума и не думала отступать.

Снова потянулось томительное ожидание. И снова ничего не произошло. Римпан-младший скривился, у него потеплел лоб, чуть порозовели бледные щёки, но и на этом всё.

— Готовим третий, — решительно сказал Рентан, сразу приступая к работе.

На этот раз рецепт представлял собой компромиссный вариант, и после предыдущих попыток лекарь видел именно в нём шанс на успех. Если не с точки зрения изменений, то простого перебора. Ведь осталось не так уж и много вариантов. Если, конечно, он изначально не ошибся.

— Её имя Алессина, — сама сказала Вилора. — Обещана... вроде Синкарии, но я не уверена.

— Если так, то это везение, — заметил Рентан и объяснил: — двенадцать богов, а родиться под звездой единственной среди них богини.

— Алессина — её ведь зовут почти как мою маму, — вдруг сообразила Вилора.

— Это и есть имя твоей матери, просто на местный лад, — поя девочку, рассказал лекарь. — Меня бы здесь звали Фоман или Фомен.

— Почему Рентан? — вдруг спросила девушка. — Что значит это слово или ты его придумал?

— Не совсем, но ты верно мыслишь. Это от слова «рента» — регулярная плата, например, за жильё, — не отнекиваясь и не уходя от ответа, принялся объяснять лекарь. — Там, в Оренгарде, я не бросился в огонь, потому что думал, что задолжал миру. Выплатить долг весь и сразу у меня не было возможности. Так я придумал, мол: своим трудом плачу своеобразную ренту, плату за жизнь. Вот и получилось — Рентан, то есть платящий ренту. — Закончив поить, он перевернул часы и, наблюдая за песком, с улыбкой рассказал: — А ведь Локто совсем недавно почти догадался. Когда переиначил это слово на местный манер, и моя задумка вылезла наружу, — вдруг его пронзила тоска. — Надо было ему сказать. Хотя бы в конце. Он бы оценил.

Щёки Алессины зарумянились, но сама она сидела всё так же неподвижно. Лекарь не стал проверять температуру, видел, что и в этот раз всё идёт по тому же сценарию.

— Вы встретитесь! — Вилора подошла к нему и приобняла. — Вы ещё обязательно встретитесь!

— Нет, — с грустью ответил Рентан. — Ни с ним, ни с Цимоном я никогда не встречусь. Но на самом деле я, если бы мог, всё же хотел встретиться там не с ними.

Алессина не шевелилась, даже моргала очень редко.

— С моим отцом, да?

— Да. Я задолжал ему как минимум извинения, — лекарь, не желая смотреть на свою очередную неудачу, опустил взгляд в пол, позабыв про песок в часах. — Много-много извинений.

— Я думаю, если он услышит о том, что ты сделал, о лекарстве, то сразу простит тебя, — убежденно сообщила Вилора.

— Если бы я преуспел, а так в лучшем случае кто-то когда-то сумеет доделать мой труд...

— Рентан, подними голову, — раздался тихий, полный неясной эмоции голос Вилоры.

Лекарь скорее рефлекторно, чем осмысленно подчинился. Поднял взгляд на детей. Детей, которые медленно, неравномерно, втроём приходили в себя. Первой, чувствовавшей себя заметно лучше других, возвращалась к жизни Алессина. За ней, лишь немногим отставая, спешил в мир живых Виттор. Однако, учитывая разницу по времени, второе место досталось Римпану-младшему, который тоже постепенно оживал.

Рентан успел раскрыть рот от удивления. Пошевелил языком, собираясь что-то сказать или воскликнуть, и тут у него внутри что-то оборвалось. Словно кто-то перерезал канатик у марионетки. Он повалился на пол, а его взор затянула тьма.

— Вот и всё, — раздался из темноты полный самодовольства хриплый голос. — Я мог бы забрать тебя сразу, но решил, что упускать твоё отчаяние не стоит пары часов ожидания. Лучшее блюдо из возможных!

— Что теперь? Муки? — осведомился Рентан.

Станным образом в этот момент он ничего не испытывал. Ни горечи, ни радости, ни боли. Словно это всё осталось лежать на полу в мертвецкой вместе с его остывающим телом.

— Да, но сперва маленькая формальность, — радости в голосе Отвергнутого стало заметно меньше. — Прежде тебя ждёт суд. Но помни, что бы там ни решили мои братья, ты мой, понял?! МОЙ! Напомни им об этом, если они как и всегда забудут.

Это место не было похоже ни на одно из виденных Рентаном ранее. Не совпадало оно и со священными текстами. Те утверждали, что суд богов проходит на вершине мира. Где именно та располагалась версии разнились, но все так или иначе сходились во мнении, что это должны были быть какие-то горы и их вершины. Горы и вправду были — вдали, очень-очень далеко. Высокие, острые пики со снежными шапками и воротниками из облаков подпирали пронзительно-голубое небо.

Рядом шумел ни разу не упомянутый ни в одной религиозной книге лес. Бескрайний дубовый бор. Как видел лекарь, каждое дерево в нем насчитывало по меньшей мере столетие, вероятно, совсем не одно. Сам Рентан стоял на пролеске посреди океана невысокой, по щиколотку светло-зелёной травы. Находился от здесь отнюдь не один.

Их было двенадцать. Разных, непохожих внешне, но одинаковых по силе божеств. Они стояли вокруг Рентана, пристально изучая его глазами, которые видели всё. Всю суть и смысл каждого момента жизни лекаря. На их фоне Рентан чувствовал себя маленьким, незначительным. Листиком, упавшим на траву с векового дуба. Эта разница была не в размерах, как таковая, хотя Двенадцать оказались заметно больше среднестатистического человека и тем более не отличавшегося ростом лекаря. Отличие состояло в ином, в чём-то трудноуловимом взгляду, как отличались копии и уже их копии от оригинала.

Лекарь бы, может, и рад был бы поприветствовать как положено богов, но всё, что он мог, — смотреть и думать. Тело вновь ему не подчинялось. В отличие от магии Келестии, это не было похоже на болезненный спазм и в принципе почти не причиняло неудобств, однако и сила, удерживающая его в этот раз, оказалась несоизмеримо больше.

В самом центре построения находился старший из богов — мудрый, золотоглазый,

белобородый Макмин. Он изучал спокойствие и уверенность, а на Рентана смотрел без всяких эмоций.

По правую руку от старшего божества, опираясь на свой огненный меч, находился могучий, справедливый Ренз. Его лик был спокоен, но во взгляде Рентан ощущал сильную неприязнь.

По левую руку от Макмина стояла женщина в возрасте, в обычной повседневной одежде, какую не ожидаешь увидеть на богине. И хотя губы богини домашнего очага скривились в гримасе презрения, от Синкарии всё равно веяло уютом и заботой.

Дальше напротив друг друга располагались Альм и Мельм. Боги-близнецы, оба покровители войны, но горе тому, кто бы их перепутал. До Рентана, судя по скуке и зевкам, им никакого дела не было.

Бог-покровитель бродяг Лансел выглядел так, словно не хотел здесь находиться. Случайно оказался и нехотя задержался. На Рентана он смотрел с вежливым сочувствием, но не более того.

То же самое касалось и Сигура, покровителя торговли. Он открыто зевал, поправляя манжеты роскошных одеяний. На Рентана глянул своим опытным взором купца, один раз и бегло. И этого, похоже, ему более чем хватило.

Как и положено богу веселья, Винард улыбался. Но за этим в его случае ничего не стояло. Жест, не имеющий глубокого смысла — просто привычка. То же самое касалось и его облика: этакий деревенский простачок в обличье шута. На деле же явно никакой не простачок и уж точно не шут. На Рентана бог веселья посмотрел лишь украдкой без всякой приязни, выбрав своей целью Синкарию.

Облик Оруза был привычен глазу. Они уже встречались. Как и тогда, бог земледелия явно был настроен по отношению к Рентану самым что ни на есть благодушным образом, и явно демонстрировал это улыбкой на лице.

Данк — бог ветра, и Биренд — владыка морей, неуловимо похожие и настолько же разные, не проявляли к происходящему заметного интереса.

На Малакмора, своего покровителя, Рентан побаивался смотреть. Долго не решался предпочтя прежде изучить остальных. А когда всё же посмотрел, они сразу встретились взглядами. В холодных, чёрных глазах бога жизни и смерти чувствовалась невыразимая обида, претензия.

Этот взгляд лекарь поначалу не понял. Подумал, что прогневал своего покровителя — было чем. А затем Малакмор, к немалому удивлению всех присутствующих, покинул строй и встал у Рентана за спиной, по-отцовски положив руки ему на плечи.

Именно отцовским и был тот взгляд. Взгляд родителя, чьё чадо совершило глупость и так же глупо попыталось самостоятельно всё исправить, вместо того чтобы попросить о помощи.

— Я не знал, прости, — задрал голову, в слезах попытался сказать Рентан, но его лицо онемело, а язык и вовсе не подавал признаков жизни.

Малакмор слегка качнул головой, не снисходительно, а скорее желая показать, что это, с его точки зрения, уже пустяк. Что-то, что осталось в прошлом и что следовало со всей возможной скоростью позабыть, как забывают любые семейные дразги в час настоящей беды.

С немалым удивлением лекарь понял, что бог за его спиной не только пахнет, но пахнет весьма конкретным очень знакомым ему запахом. В храме, где его обучали, варили в том

числе и мыло. Именно им пах Малакмор.

Строй богов тем временем рассыпался. Подошёл, шаркая старческими ногами по траве, заложив руки за спину, Оруз. От него пахло жасмином — любимым цветком Цимона. Приблизился, но неуверенно, не слишком близко Лансел, источающий загадочный, дразнящий, но очень приятный аромат.

«Первая горячая еда — похлёбка из лука, коры и гнилой капусты», — вспомнил Рентан, не факт, что без помощи извне.

Некоторые другие боги отказались участвовать, покинули суд: Альм, Мельм, Данк, Биренд. Остальные образовали «лагерь обвинителей». Уверенно встала рядом с Рензом, который не шелохнулся, Синкария. К ней почти сразу присоединился и Винард. Сигур остался, но ни к одному из лагерей не примкнул. Кроме него сохранил нейтралитет и Макмин.

— Твои деяния, человек, ставят нас в неловкое положение, — раздался громоподобный голос старшего из богов, когда все остальные так или иначе обозначили свою позицию. — Мнения разделились поровну, хотя обычно мы даже не собираемся в полном составе. Не говоря уже про обсуждение.

Последнее предложение стало знаком остальным.

— На его руках кровь людей, — подал голос Ренз. — Многих людей!

— Но его руки и спасли многих, — вмешался Оруз.

— Возможно, но несчастья уже свершились, и это их не отменяет, — возразила Синкария. — Кто понесёт ответственность за разрушенные семьи, опустевшие дома и угасшие очаги?

— Несчастья — это плохо. Несчастные семьи — ещё хуже, — лаконично заметил Винард.

— Очаги гаснут и загораются постоянно, — пространно сказал Лансел. — В этом и состоит участь смертных.

— Мы судим людей не только за их прошлое. Нам открыто и будущее. То, что последует после их жизни, — вступил в полемику Малакмор. — Не все деяния сиюминутны.

— Иногда выгода видна на расстоянии, — согласился с ним Сигур, хотя своей позиции не изменил.

— Мы судим не святого Рентана Власвенского, — вмешалась Синкария. — Не Рентана покровителя лекарей, не Рентана Чумоборца — победителя Синей чумы, а вместе с ней и остальных чум, хотя это и вовсе не его заслуга.

— Его труды использовались, — коротко и мягко заметил Оруз.

— Кто использовал — того и награда, — едко прокомментировал Винард.

— Я согласен с Синкарией, — возвестил Ренз. — Мы судим не Рентана. Мы судим Фрима Набена. И души погубленных им требуют воздаяния!

— Погубленных им? — не без злобы уточнил Оруз. — Я не ослышался? А по-моему, тут есть и наша вина. Тень, которая укутала Рентана, а ранее Фрима, укрыла его от вмешательства, помешала направить по нужной дороге сразу — наша ошибка. Это мы сохранили Предателю подобие жизни, позволили существовать. И вот оно — следствие. Погубленные жизни, требующие воздаяния. Только кому? Того ли мы судим — орудие или убийцу?

— Я подтверждаю сказанное: мне мешали направить своего подопечного, — сообщил Малакмор. — Неоднократно.

— И я пытался, — вдруг сказал Макмин, чем многих удивил. — В самом начале. Фрим уже тогда был окутан плотной завесой тьмы и словно не слышал меня.

— Любой тени нужен источник! — раздраженно буркнул Ренз.

— Тьма родилась в его сердце! — бросила Синкария гневно.

— Мы спорим, а ничего не поменяется, — с усталостью проговорил Сигур. — Нам не под силу изменить сложившийся расклад сил. Ибо Макмин не нарушает свой нейтралитет, а я считаю недостойным занимать в вопросах смертных чью-либо позицию. Другие уже объявили о невмешательстве. Раз так, предлагаю выслушать обвиняемого.

Рентан ощутил на себе особо пристальное внимание. Не всегда благожелательное. Спорить или возражать никто не стал. Однако прежде всего с ним заговорил Оруз:

— Пойми наши затруднения и, если так угодно, экстраординарность происходящего. Ибо на нашем суде обвиняемый выступает редко. Самооговор или самооправдание не является для нас, видящих суть сквозь время и расстояние, доказательством вины или её отсутствия.

— Пойми также и ценность этого жеста, смертный, — буркнул Ренз и махнул своим мечом, словно что-то разрубая. — Говори же.

Прокашлявшись и растерев онемевшую шею, Рентан, покорно склонив голову, начал говорить:

— Ваш спор и вправду лишен смысла. Незадолго до своей смерти я заключил сделку с тем, кого вы назвали Предателем. Выкупил ценой своей души несколько часов времени. Столько, сколько было нужно, чтобы закончить работу.

Слова давались ему тяжело. Совсем не из-за онемения. К его горлу подступил ком, когда лекарь подобрался к самой важной части своей речи:

— Суд не имеет смысла, ибо я уже приговорил себя и мнения не поменял, от сказанных слов не отказываюсь.

Повисло молчание. Вдруг Синкария фыркнула, будто бы оценивая сказанное самым презрительным образом. Оруз же, окинув её недовольным взглядом, встал перед Рентаном и присел на колени так, чтобы разница в росте перестала играть роль и их глаза встретились. Карие лекаря и голубые, как бездонное озеро, бога:

— Скажи мне, с каких пор тень на стене стала заведовать вопросами жизни и смерти? — Не дожидаясь ответа, Оруз резко поднялся и обратился к остальным: — Это всё то, о чём я говорил ранее. Наша старая ошибка, продолжающая губить людей. — Он обратился к Рензу: — Скажи, брат, тогда ведь ты был со мной на одной стороне. Выносил в конечном счёте приговор, хотя был против избранной большинством формы. Как мы можем судить этого несчастного за нашу ошибку? Пока существует Предатель, наше всеведение не такое уж и ВСЕ.

— Мы не будем к этому возвращаться, — объявил Макмин тоном, прекращающим дальнейшие пререкания. — Здесь, сейчас мы судим другого.

— Он спас меня, я умирал... — совсем запутавшись, попытался внести ясность Рентан. — Обрёл себя использованием чар, иначе было не добраться до лечебницы. Усилил действие Синей чумы, усилил магическое безумие.

— Всего лишь фокусы, — сообщила Синкария, но без прежней неприязни, скорее с горечью. — Это старый трюк, подлый обман. Который срабатывает до сих пор, — она нехотя добавила: — по нашей вине.

— Защитил меня от Келестии, — продолжал перечислять лекарь, всё ещё с трудом

понимающий, о чём идёт речь.

— Тебя послушать, так он весь мир спас, — с грустной улыбкой отметил Лансел.

— Приписывать себе чужие дела — его любимое занятие, — переглянувшись с Синкарией, сказал Винард и вдруг расхохотался. — Помните, как он всё пытался переделать мой праздник? Пир Тринадцати, дескать, Двенадцать нас, богов, и человек за одним столом, вместе. Ха-ха-ха! Как я тогда смеялся... — он утёр выступившие слёзы. — Хотя, знаешь, Альх, шутка была бы лучше, будь в ней хоть капля шутки...

— И что? Какое значение это имеет, братья? — раздался голос Отвергнутого, который, как оказалось, и вправду находился здесь всё время.

Среди настоящих богов его ничтожность оказалась особенно заметна. Крохотная тень на траве, почти неотличимая от пятнышка грязи. Насколько Рентан отличался от богов, настолько же, если не больше, уже от него самого отличался демон. Разница же между ним и остальными богами была неизмерима и неопишима, так отличалась песчинка от пустыни, капля от океана.

«И это, этот... он сумел меня обмануть?» — с ужасом и презрением подумал лекарь.

— Он мой! — повторил демон самоуверенно. — Вверил душу мне! Не вам, никому из вас! Поэтому мои фокусы...

— Довольно, — злость Макмина проявилась громом посреди ясного неба.

Повисла тишина. Боги явно пребывали в полной растерянности. Возможно, это вылилось бы в очередную перепалку, но Рентан, которого так и не лишили голоса, вмешался:

— Даже если меня обманули — это всё равно моя вина. Я вверил ему душу. Знал, кто он и что из себя представляет. Назвал его по имени.

— Мы спасём тебя, — вдруг сказал Сигур доверительно, подходя ближе, благодаря чему выяснилось, что от него пахло специями. — Ошибки совершают все. Необязательно за них карать вечными муками, — он окинул многозначительным взором остальных богов. — Если этот смертный откажется от своей клятвы, то я встану на его сторону. Нарушу свою традицию и изменю сложившийся баланс сил.

— Я не откажусь от своего слова, — понимая, кому он возражает, решительно сообщил Рентан. — Моя душа принадлежит Отвергнутому!

— Нет! — вдруг пронзительно завизжал в истерике демон. — Идиот, ты должен был... он обманул тебя! Этот бог...

— Ты слышал его, тень, — расплылся в улыбке Сигур, возвращаясь на прежнее место. — Он сказал достаточно. Прошёл испытание, не позволил вновь обмануть себя, показал, что верен клятве. Даже такой, какие требуешь ты. Его помыслы, в отличие от твоих, чисты, а намерения соответствуют словам. Ты, соглашаясь принять его душу, не дал ему ни минуты времени, ни мгновения на прощание, ибо это всё не в твоей власти! Какая же это сделка, если её условия готова и может выполнить только одна сторона? **Подарка**, о котором ты так мечтаешь, который так долго ждал, не будет, нет! Твой скелет в шкафу сказал своё слово. Ты вновь проиграл, Предатель.

Отвергнутый что-то страшно кричал, визжал, торговался, скулил, умолял и грозил. Всё было бестолку. Суд окончился. Боги, настоящие и не очень, исчезли. Рентан оказался посреди пролеска один, перед взявшейся из ниоткуда невзрачной, закрытой дверью. Действуя по наитию, он сделал шаг и осторожно коснулся медной, сильно потёртой ручки, оказавшейся неожиданно тёплой. Вздохнув, потянул на себя, мельком со страхом и надеждой глянул, что же там, с другой стороны, после чего застыл в изумлении, беззвучно

шевелия губами, стараясь, но не в силах что-то сказать вслух. А затем Фрим Набен, более известный как Рентан, сделал шаг вперёд и растворился в вечности.

Караван шёл медленно, рывками, останавливаясь не реже двух-трёх раз в час. Дожди, накинудись на окрестности Власвы с остервенением хищника, словно пытались утопить город с прилегающими территориями в воде. Дороги, забитые беженцами, оказались размыты, а съезды с них и объездные пути буквально утоплены, превратившись в опасные болота.

Видя это, многие думали спастись по естественному пути — реке. Их образумил, как злобно говаривали потом, совершив впервые в жизни что-то нужное и важное, барон Кобыслав. Его баржа затонула, унеся на дно жизни всех находившихся на ней, включая самого молодого барона, и тем самым образумила, спасла, многих других. Больше смельчаков искать спасение в водной стихии не нашлось.

Караван, к которому невольно прибились Вилора и дети Римпана, принадлежал Охотникам. Невольно, потому что служители Ренза сами нашли их среди опустевших руин догорающей Власвы, и не спрашивая согласия, хотя и действуя мягко, увезли прочь. Каким-то непостижимым образом, не иначе как по воле своего покровителя, они знали не только, где их четверых искать, но и о судьбе Рентана, о лекарстве. Последнее оказалось самым важным.

О победе над Синей чумой речь ещё не шла — та, несмотря на выставленные Войтоном Турне кордоны, успела распространиться по очень большой площади. Однако борьба уже началась и отнюдь не безуспешная, если судить по размерам каравана, а в нём могли оказаться лишь те, кого Охотники считали здоровым или выздоровевшим.

Компанию в пути Вилоре, Виттору, Римпану-младшему и Алессине составляли двое. Один старый толстый мужчина, сильно пострадавший от чумы, но выживший, хотя ещё не оправившийся до конца, и потому до сих пор лежавший укрытый множеством шкур, откуда всё повторял, словно зовя к себе, одно и то же имя: «Ксана». Ещё была девушка, красивая, молодая, но не справившаяся с последствиями болезни и лечения. Уходила она с песней, стараясь тем самым заглушить стоны и крики, не только свои, с этакой прощальной соловьиной трелью.

Её место занял ещё один мужчина средних лет без следов болезни. Тем не менее вёл он себя очень странно — потому и оказался среди беженцев, а не помогал Охотникам. Вёл себя мужчина так, словно совершенно не понимал, где оказался. Не знал языка, традиций и обычаев. Откровенно косо смотрел на еду и знаки различия, флаги. Был непривычно одет, явно по-военному строго, но совершенно не так, как одевались, например, Охотники или городские стражники. И постоянно, очень настойчиво требовал чего-то, что называл «Ватерлоо»...

Больше книг на сайте - Knigoed.net